

Московское психологическое общество
ФГНУ «Психологический институт» РАО

**НАТАН СЕМЕНОВИЧ ЛЕЙТЕС –
УЧЕНЫЙ и УЧИТЕЛЬ**

И

**Материалы Круглого стола
ПИ РАО 22 апреля 2014 г.**

**Проблема индивидуальных различий
и одаренности:
современный взгляд
Памяти Н.С. Лейтеса (1918-2013)**

Москва, 2014

Натан Семенович Лейтес – Ученый и Учитель. Проблема индивидуальных различий и одаренности: современный взгляд. Материалы Круглого стола памяти Н.С. Лейтеса. ПИ РАО 22 апреля 2014 г. / Ред. Н.Л. Карпова, комп. ред. Е.С. Семенюкова. – М.: ПИ РАО, 2014. – 102 с. (с фотоматериалами). – 8, 94 п.л.

Сборник посвящен памяти выдающегося ученого – одного из старейших сотрудников Психологического института РАО **Н.С. Лейтеса** (1918-2013), специалиста в области психологии индивидуальных различий и одаренности. Здесь представлены статьи разных лет и интервью самого Н.С. Лейтеса (ч. 1), дан коллективный портрет ученого, который готовили его коллеги к 90-летнему юбилею (ч. 2), а также статьи и тексты выступлений участников Круглого стола, посвященного памяти Натана Семеновича, проведенного в ПИ РАО 22 апреля 2014, (ч. 3). Сборник иллюстрирован фотографиями из архива Н.С. Лейтеса и В.И. Рождественской.

Материалы сборника адресованы психологам и педагогам – теоретикам и практикам, занимающимся проблемами психологии индивидуальных различий и одаренности, психологии чтения и библиотерапии.

© ФГНУ ПИ РАО, 2014

© Коллектив авторов, 2014

**Натан Семенович Лейтес
(1918 – 2013)**

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	4
1. Статьи Н.С. Лейтеса и материалы из его архива	
Лейтес Н.С. Биография.....	6
Лейтес Н.С. К 100-летию Психологического института РАО.....	7
Лейтес Н.С., Рождественская В.И. О работе лаборатории Б.М. Теплова в 1950-60-е гг.....	7
Лейтес Н.С. Разработка Б.М. Тепловым проблемы способностей и одаренности.....	11
Лейтес Н.С. Ранний восход: проблема детской одаренности.....	17
Интервью с Натаном Лейтесом	22
Лейтес Н.С. Предисловие к монографии «Библиопсихология и библиотерапия».....	24
Карпова Н.Л., Лейтес Н.С., Голзицкая А.А., Ситникова Н.А. О некоторой типологии участников логопсихотерапии.....	34
Фотографии из архива Н.С. Лейтеса и В.И. Рождественской.....	44
2. Коллективный портрет Н.С. Лейтеса к 90-летнему юбилею	
Ученый. Учитель. Человек.....	49
Поздравления из разных городов.....	55

3. Материалы Круглого стола «Проблема индивидуальных различий и одаренности: современный взгляд. Памяти Н.С. Лейтеса»

Вместо введения: Обзор Круглого стола памяти Н.С. Лейтеса (<i>Н.Л. Карпова</i>).....	57
<i>Э.А. Голубева.</i> О Натане Семеновиче Лейтесе.....	60
<i>В.Э. Чудновский.</i> Натан Семенович Лейтес – Ученый и Учитель.....	62
<i>Н.И. Чуприкова.</i> Значение описанных Н.С. Лейтесом жизненных характеристик школьников для теории природных основ индивидуальности и личности.....	63
<i>Д.Б. Богоявленская.</i> О возрастающей роли теории Н.С. Лейтеса.....	65
<i>Л.А.Карпенко.</i> О научном пути Натана Семеновича Лейтеса	66
<i>Е.И. Щепланова.</i> Уникальность Н.С. Лейтеса как Человека и Ученого	68
<i>З.Н. Новлянская.</i> Мой любимый оппонент.....	69
<i>А.А. Мелик-Пашаев.</i> Правильный человек.....	70
<i>М.С. Страчеус.</i> Памяти Наставника.....	72
<i>Н.Л. Карпова.</i> Способности, труд, талант Натана Семеновича Лейтеса (разбирая архив...).....	73
<i>Н.А. Ситникова.</i> Добрый наставник.....	78
<i>А.А. Голзицкая.</i> Памяти Н.С. Лейтеса.....	80
<i>А.Ю. Кругликова.</i> Наблюдение как способ изучения способности к личностному росту.....	82
<i>И.Ю. Янченко.</i> О Настоящем... ..	89
<i>Е.С. Белова.</i> Возрастные возможности и предпосылки развития одаренности дошкольников.....	93
<i>Н.Б. Шумакова.</i> Исследовательская активность как основа выявления и развития творческой одаренности детей.....	95
<i>О.Л. Кабачек.</i> Встречи с классиком... ..	100
<i>А.Д. Яковистенко.</i> Слова памяти и благодарности.....	101

ВВЕДЕНИЕ

Данный сборник посвящен памяти выдающегося ученого – одного из старейших сотрудников Психологического института РАО **Натана Семеновича Лейтеса** (1918-2013), специалиста в области психологии индивидуальных различий и одаренности. Этой темой он стал заниматься с поступлением в аспирантуру в 1945 году по рекомендации своего научного руководителя Б.М. Теплова, который всегда высоко оценивал труды своего ученика. В 1948 г. Н.С. Лейтес защитил под руководством Б.М. Теплова кандидатскую диссертацию по теме «Склонность к труду как фактор одаренности» и позже написал много ярких статей о нем и о его творчестве, был редактором его избранных трудов.

С 1965 по 1970 г. Н.С. Лейтес работал в лаборатории психофизиологии под руководством В.Д. Небылицына и в 1970 г. защитил докторскую диссертацию «Возрастные и типологические предпосылки общих умственных способностей». С 1973 по 1978 г. он сам возглавлял группу по изучению склонностей и способностей, результатом исследований этих лет явились его монографии «Умственные способности и возраст» (1971), «Способности и одаренность в детские годы» (1984). С 1986 г. Натан Семенович участвовал в программе «Одаренные дети» и был консультантом Центра творческой одаренности в г. Дубна. Трижды переизданы его Избранные труды «Возрастная одаренность и индивидуальные различия» (1997, 2007, 2008), а всего Н.С. Лейтесом опубликовано более 100 работ, многие из которых известны не только у нас в стране, но и за рубежом. Под его редакцией и с его авторским участием издано учебное пособие для студентов «Психология одаренности детей и подростков» (1996, 2000).

Натан Семенович прожил долгую, плодотворную и достойную жизнь, отметил в кругу коллег и родственников свое 95-летие.

Особо подчеркнем, что с 1999 года до последних дней Натан Семенович тесно сотрудничал с научно-исследовательской группой «Психология общения и реабилитации личности», принимая участие в исследованиях типологии заикающихся, проходящих курс семейной групповой логопсихотерапии. В 2004-2006 гг. он был членом коллективного проекта «Семейная групповая логопсихотерапия как средство преодоления логоневроза (заикания)», и к его государственным и профессиональным наградам в 2006 г. добавилось звание Лауреата национального профессионального психологического конкурса «Золотая Психея». Также, будучи филологом по первому образованию, Натан Семенович с начала 2000-х годов увлечением занимался вопросами библиопсихологии и библиотерапии и подготовил к изданию коллективные монографии «Библиопсихология и библиотерапия» (2005) и «Библиопсихология. Библиопедагогика. Библиотерапия» (2014).

В 1-й части сборника – «**Статьи Н.С. Лейтеса и материалы архива**» – мы представляем одну из статей Н.С. Лейтеса о его учителе «Разработка Б.М. Тепловым проблемы способностей и одаренности», а также воспоминания Натана Семеновича и Валентины Ивановны Рождественской (его жены и сотрудницы) о лаборатории Б.М. Теплова в 1950-60-е годы. Здесь даны фрагменты статьи «Ранний восход: проблема детской одаренности» из Избранных трудов Н.С. Лейтеса и мало кому известные работы Натана Семеновича последних лет: «Предисловие к монографии «Библиопсихология и библиотерапия»» (2005) и коллективная статья «О некоторой типологии участников логопсихотерапии» (Карпова, Лейтес, Голзицкая, Ситникова, 2009).

Во 2-й части сборника дан **коллективный портрет Н.С. Лейтеса** - замечательного Ученого и Человека, который подготовили его коллеги к 90-летнему юбилею.

В 3-й части представлены **материалы Круглого стола «Проблема индивидуальных различий и одаренности: современный взгляд»**, посвященного памяти Н.С. Лейтеса, который прошел 22 апреля 2014 г. в Психологическом институте РАО. К этому мероприятию сотрудники Психологического института и ученые из разных Вузов и научных центров страны подготовили выступления и статьи. О Натане Семеновиче написали и те, кто работал рядом с ним долгие годы в XX веке (*Э.А. Голубева, В.Э. Чудновский, Н.И. Чуприкова, Д.Б. Богоявленская*), и те, кому помогал Натан Семенович своими советами (*М.С. Страчеус, Е.И. Щербланова, З.Н. Новлянская, А.А. Мелик-Пашаев*), и те, кто сотрудничал с ним уже в веке XXI (*Л.А. Карпенко, Н.Л. Карпова, Н.А. Ситникова, А.А. Голзицкая, О.Л. Кабачек и др.*).

Сборник иллюстрирован фотографиями из архива Н.С. Лейтеса и В.И. Рождественской. (Все архивные материалы Н.С. Лейтеса и более 50 книг разных авторов с дарственными надписями ему переданы В.И. Рождественской в научный архив Психологического института РАО, где также хранятся видеозапись встречи 2001 г. старых сотрудников Института с воспоминаниями о Б.М. Теплове и видеозапись 2010 г. встречи-интервью с Н.С. Лейтесом у него дома, которые провели А.И. Шувиков и Н.Л. Карпова).

Надеемся, что материалы данного сборника будут интересны психологам и педагогам – теоретикам и практикам, занимающимся проблемами психологии индивидуальных различий и одаренности, а также всем, кто занимается вопросами психологии чтения, библиопедагогике и библиотерапии.

Н.Л. Карпова – д.психол.н., проф., вед.н.с. ПИ РАО

1. Статьи Н.С. Лейтеса и материалы из его архива

Биография Натана Семеновича Лейтеса

Лейтес Натан Семенович родился в 1918 году в Днепропетровске, в 1924 г. семья переехала в Москву, и всю дальнейшую жизнь он прожил в столице, где закончил школу, а в 1945 году – филологический факультет МГУ и поступил в аспирантуру Института психологии АПН РСФСР. Он стал одним из любимых аспирантов Б.М. Теплова, который ценил умение своего ученика тонкого наблюдения за испытуемыми и составления психологического портрета. В 1948 г. Н.С. Лейтес защитил под его руководством кандидатскую диссертацию по теме «Склонность к труду как фактор одаренности», в 1970 г. – докторскую диссертацию «Возрастные и типологические предпосылки общих умственных способностей».

С 1965 по 1970 г. он работал в лаборатории психофизиологии под руководством В.Д. Небылицына, а с 1973 по 1978 г. сам возглавлял группу по изучению склонностей и способностей. В 1978 г. вышел на пенсию из-за несогласия с научной линией руководства института, но продолжал свои исследования и публиковался в научных журналах, готовил монографии. С 1986 г. Натан Семенович возобновил сотрудничество с НИИ ОиПП АПН СССР (в настоящее время – Психологический институт РАО), будучи приглашен к работе по программе «Одаренные дети» и консультантом Центра творческой одаренности в г. Дубна. С 1993 до 2005 года он был в должности главного научного сотрудника лаборатории теории и истории психологии ПИ РАО, а также до последних дней тесно сотрудничал с научно-исследовательской группой «Психология общения и реабилитации личности», принимая участие в исследованиях типологии заикающихся, проходящих курс семейной групповой логопсихотерапии и библиотерапии.

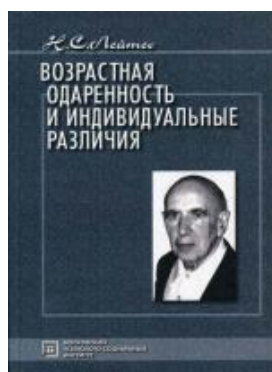
В работах «Об умственной одаренности» (1960), «Умственные способности и возраст» (1971), «Способности и одаренность в детские годы» (1984) Лейтес проанализировал качественные различия в умственной одаренности школьников и разработал оригинальный метод сравнения психологических характеристик одаренных детей, поставил вопрос о соотношении индивидуального и возрастного в ходе становления интеллекта. Ввел понятие «возрастная одаренность». В его работах дается анализ трех школьных возрастов и разных вариантов неравномерности хода возрастного развития в контексте изучения склонностей и способностей детей.

Другое направление исследований Н.С. Лейтеса связано с изучением психологических характеристик темперамента и является существенным вкладом в развитие дифференциальной психологии («Опыт психологической характеристики темперамента», 1956), так же как изучение феномена «последствия» на основе разработанной им оригинальной методики «двигательного последствия». Большое значение как для диагностики одаренности, так и для анализа ее структуры имели его исследования, посвященные роли умственной активности в структуре развивающегося интеллекта («К вопросу о динамической стороне психической активности», 1977) и особенностей развития одаренности в детстве («К проблеме сензитивных периодов психического развития человека», 1978; «Ранние проявления одаренности», 1988).

Всего Н.С. Лейтесом опубликовано более 100 работ; его труды переводились в ГДР, Венгрии, Румынии и США. Под его руководством выполнено 10 кандидатских диссертаций, в том числе иностранными аспирантами. Н.С. Лейтес – почетный член Общества психологов России, лауреат премии правительства РФ за 1998 г., награжден Золотым знаком «Пси» (2008) и медалью им. Г.И. Челпанова I степени (2013).

Многолетние исследования Н.С. Лейтеса обобщены в его книгах «Возрастная одаренность и индивидуальные различия. Избранные труды», 1997, 2007, 2008; «Возрастная одаренность школьников», 2000. Под редакцией Н.С. Лейтеса и с его авторским участием издано учебное пособие для студентов «Психология одаренности детей и подростков», 1996, 2000, а также коллективные монографии «Библиопсихология и библиотерапия», 2005, и «Библиопсихология. Библиопедагогика. Библиотерапия», 2014.

(Использованы материалы: Марцинковская Т.Д. Лейтес Натан Семенович
// Психологический лексикон. Персоналии / Ред. Л.А. Карпенко. –
М.: ПЕР СЭ, 2005. – с. 265-266.

Лейтес Н.С.

К 100-ЛЕТИЮ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА РАО

Я поступил в аспирантуру Института психологии (в 1945 году) сразу после окончания университета (МГУ). В этом институте при университете уже читали лекции такие ученые как Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия.

Большое впечатление на меня произвели сами личности этих психологов, их вера в возможности научного подхода, убежденность в значении психологических знаний. Под влиянием их лекций пробуждалась и укреплялась тяга к проникновению в первоосновы душевных качеств людей. Занятия по психологии переставали быть чем-то формальным, а становились интереснейшим делом жизни.

По мере приобщения к психологическим исследованиям росло понимание, что каждое поколение вносит свой вклад в развитие данной науки. Становление психолога происходило прежде всего и более всего под воздействием самой атмосферы научного поиска и ожиданий новых психологических открытий, которая отличала (и отличает) Психологический институт.

Н.С. Лейтес, В.И. Рождественская О РАБОТЕ ЛАБОРАТОРИИ Б.М.ТЕПЛОВА В 1950-60-е гг. (интервью 17.10.2011 брала Н.Л. Карпова (К.))

Мы сидим с Натаном Семеновичем Лейтесом (Л.) и Валентиной Ивановной Рождественской (Р.) у них дома и, рассматривая старые фотографии, ведем разговор о работе лаборатории Б.М.Теплова в Психологическом институте в 1950-60-е годы (тогда он был НИИ ОПП АПН СССР).

К. – Уважаемые Валентина Ивановна и Натан Семенович, пожалуйста, прокомментируйте эти замечательные исторические кадры – фотографии некоторых эпизодов жизни лаборатории «Психофизиология индивидуальных различий», созданной в 1952 году после печально знаменитой Павловской сессии 1950 года.

Л. – Это Борис Михайлович за рабочим столом в институте во время работы у себя в кабинете, а это он ведет разговор с аспиранткой. Обращают на себя внимание его очень красивые руки. Он ведь играл на фортепиано...

Р. – А это одна из первых фотографий нашей лаборатории: 1952 год, мы сидим в кабинете у Теплова на втором этаже, когда он был заместителем директора, а его кабинет был вторым от окна... Стулья и кресла в кабинете были в светлых чехлах... Рядом с Борисом Михайловичем сидит лаборантка Вера, потом – аспирантка Н.И. Майзель, рядом с ней М.Н. Борисова, которая в то время тоже была аспиранткой Теплова, за ней стоит аспирант К.С. Смирнов, дальше стою я, а потом сидят Л.А. Шварц – жена нашего известного психолога, который погиб в годы войны, Н.С.Лейтес и В.К.Шеварёва – жена психолога П.А. Шеварева.

Стоит сказать, что А.А.Смирнов и Б.М.Теплов считали своим долгом помогать семьям своих сотрудников. И во время война и после жены многих психологов работали в нашем институте, в частности – М.П. Леонтьева.

К. – Как мы знаем, Натан Семёнович изначально был аспирантом Бориса Михайловича и работал с ним, соответственно и стал сотрудником вновь созданной лаборатории, а как и когда началось Ваше, Валентина Ивановна, сотрудничество с Тепловым, и каковы были направления исследований?

Р. – Сначала я работала в лаборатории Г.Х. Кекчеева и под его руководством писала диссертацию, а когда его не стало, в период реорганизации в институте после Павловской сессии перешла к Б.М. Теплову в организованную новую лабораторию. Когда пришла к Теплову, я занималась измерением чувствительности зрения, а под его руководством стала использовать этот показатель в разных условиях. Проблемой психофизиологии индивидуальных различий с увлечением занимались все сотрудники лаборатории.

К. – А вот эта замечательная фотография заседания лаборатории Б.М.Теплова, сделанная осенью 1956 года, помещена в иллюстративной части Исторического очерка «Психологический институт на Моховой» (М., 1994) на стр. 81. Как я узнала, когда брала интервью к 92-летию у К.М.Гуревича, фотографировал именно он. А у вас вижу сейчас 3 фотографии с этого заседания, и 2 из них сделал В.Д. Небылицын, сменив Гуревича.

На этой фотографии слева-направо: Н.С.Лейтес, Л.А.Шварц, Б.М.Теплов, В.И.Рождественская, М.Н.Борисова, Л.Б.Ермолаева-Томина, В.М.Русалов, К.М.Гуревич (снимал В.Д. Небылицын).

Л. – Да, это было обычное заседание, и проходило оно именно в 1956 году, а не в 1960-е, как указано в альбоме. В.Д.Небылицы тогда был еще аспирантом, но подающим большие надежды. Это был талантливый молодой исследователь – и практик, и теоретик. А о заседаниях лаборатории нужно сказать, что они у Бориса Михайловича проходили всегда не только интересно, но и весело: нередко раздавались взрывы хохота по поводу его комментариев.

Р. – И сотрудники собирались не только на заседаниях. Вот две фотографии 1955 года: был открыт для посещения Кремль, и мы всей лабораторией ходили на экскурсии. Вот на этой фотографии Борис Михайлович, Н.С. Лейтес, М.Н. Борисова и я.

1955г. На прогулке в Кремле.
Справа налево: Б.М.Теплов, Н.С.Лейтес, М.Н.Борисова, В.И.Рождественская

1955г. На прогулке в Кремле после заседания лаборатории.
Слева направо: Б.М.Теплов, Н.С.Лейтес, В.И.Рождественская, И.В.Равич-Щербо.

А на следующей фотографии мы прогуливаемся по территории Кремля – Теплов с Лейтесом, а мы с И.В. Равич-Щербо.

К. – А эти 3 фотографии 1956 года – какому событию они посвящены?

Р. – Эти фотографии сделаны на квартире у И.В. Равич-Щербо, где все мы собрались и праздновали по поводу выхода первого сборника работ сотрудников лаборатории «Типологические особенности высшей нервной деятельности человека» под редакцией Б.М. Теплова. Здесь на фотографиях не все, кто был в тот день, но на самом многочисленном снимке справа-налево: Б.М.Теплов, Л.Б.Ермолаева-Томина, М.Н. Борисова, В.И.Рождественская, Р.Т. Сверчкова, Л.А.Шварц, Н.С.Лейтес.

Л. – И нужно сказать, что после первого большого сборника в издательстве АПН РСФСР вышло еще 4 таких же – в 1959, 1963, 1965 и 1967 годах; последний из них – уже после смерти Б.М.Теплова – под редакцией В.Д.Небылицына, который стал его преемником и возглавлял лабораторию до 1972 года (он также продолжил подготовку изданий нашей лаборатории). Выход этих сборников – уникальное явление в истории института не только по

содержанию, но и как факт продуктивности только одного научного подразделения. Конечно, это стало возможным благодаря научному и личному авторитету Бориса Михайловича. Сейчас редко найдешь чисто «лабораторный» сборник работ...

К. – Как это событие отмечали в институте?

Р. – Выход Сборника в 1956 году был заметным событием. Тогда ведь почти ничего не печатали из исследований психологов. А по этому циклу изданий можно проследить научный путь каждого сотрудника лаборатории.

К. – Как Борис Михайлович редактировал ваши статьи?

Л. – Конечно, он с каждым текстом работал. Что-то предлагал переписать, но правки сам не делал, а только делал замечания. Следует подчеркнуть, что стиль работы с аспирантами и сотрудниками у Теплова был очень уважительный. Он экономил и свои силы, и силы того человека, с которым работал.

К. – А как проходили заседания Ученого совета института в те годы, когда Борис Михайлович был заместителем директора института по научной работе?

Л. – Он в конце каждого года делал обобщающие доклады по работам всех сотрудников института. Тогда даже со стороны приходили послушать его выступления. Заседания Ученого совета института проходили в Большой аудитории и на них присутствовали все сотрудники и аспиранты. И это было не просто обсуждение текущих дел, а интересные научные дискуссии. И даже если Теплов не был докладчиком, он все равно выступал, и все обязательно стремились на эти заседания, потому что было интересно и поучительно. Разносторонним, творческим и очень образованным человеком был Борис Михайлович, умевший объединять вокруг себя весь научный коллектив.

К. – Спасибо вам, дорогие Валентина Ивановна и Натан Семенович, что поделились своими воспоминаниями о Б.М.Теплове, чье 115-летие мы отмечаем в год, когда наш институт тоже идет к своему 100-летнему юбилею.

(Опубликовано: Дифференциальная психология и дифференциальная психофизиология сегодня: Материалы конференции, посвященной 115-летию со дня рождения Б.М. Теплова, 10-11 ноября 2011 г. / Под ред. М.К. Кабардова. – М: Смысл, 2011. – с. 360-365.)

Лейтес Н.С. РАЗРАБОТКА Б.М. ТЕПЛОВЫМ ПРОБЛЕМЫ СПОСОБНОСТЕЙ И ОДАРЕННОСТИ¹

Основоположником систематического изучения проблемы способностей и одаренности в Психологическом институте был выдающийся психолог и психофизиолог Б.М. Теплов. Его статьи «Проблема одаренности» (1940) и «Способности и одаренность» (1941) были первыми по этой тематике после известного постановления ЦК ВКП (б) о педологии (до этих публикаций в течение нескольких лет никто из советских психологов не упоминал о таких понятиях).

Он решительно выступил против недооценки значения индивидуальных различий между людьми. Показательно, что в само определение понятия «способность» Б.М. Теплов ввел утверждение, что это индивидуальная особенность, отличающая одного человека от другого. Далее в определении отмечается, что способность – это такая индивидуально-психологическая особенность, которая имеет отношение к успешности выполнения деятельности. Последнее указывает на общественно-исторический характер понятия: способность, соотносится с исторически сложившимися видами деятельности, с их социальной ценностью. В этом определении понятия «способность» подчеркнута также, что способности «не сводятся» к знаниям, навыкам и умениям, т. е. не могут

¹ Статья опубликована в книге: Московская психологическая школа: История и современность / Под общ. ред. В.В.Рубцова. М., 2004. Т. I (2). С. 70-78.

быть просто заданы извне, так как предполагают и собственно внутренние индивидуальные предпосылки развития. Поэтому не может быть равенства способностям: они всегда несут на себе печать индивидуальности.

Понятие «одаренность» Б.М. Теплов определял как «качественно своеобразное сочетание способностей», указывая на то, что различия по одаренности – проблема прежде всего *качественная*, а не количественная. У одного человека одаренность преимущественно в такой-то области, у другого – в другой, и даже люди с особыми возможностями в одной и той же области деятельности различаются по составу, структуре своих способностей. При этом возможна в широких пределах компенсация одних способностей другими.

Б.М. Теплов отнюдь не склонен был избегать проблем, связанных с высоким уровнем способностей. Но он считал, что основная задача должна заключаться не в «ранжировании» людей, не в том, чтобы устанавливать, велики ли способности и одаренность, а в том, чтобы, прежде всего, выяснить, каковы они в своем качественном своеобразии, выражающем индивидуальность человека.

В свете сказанного следует рассматривать и понимание Б.М. Тепловым природной обусловленности способностей. Он неоднократно отмечал сложную, опосредованную зависимость развития способностей от их природных предпосылок. Его взгляды противостояли как биологизаторским, так и уравнилельно-социологизаторским концепциям. Позиция, которую отстаивал Б.М. Теплов, состояла в том, что фаталистические представления должны быть преодолены не игнорированием самого существования врожденных задатков, а конкретным изучением этой реальной и значимой стороны проблемы.

Два главных произведения Б.М. Теплова, ставших знаменитыми, – «Психология музыкальных способностей» и «Ум полководца». В каждом из них по-своему раскрывается продуктивное, творческое начало в проявлениях способностей и одаренности, показана важность для общества разнообразия индивидуальностей. Труды Б.М. Теплова высоко подняли достоинство дифференциально-психологических исследований, показали их принципиальное значение.

Монография «Психология музыкальных способностей», подготовленная в конце 30-х гг., была впервые полностью опубликована в 1947 г. Она посвящена психологическим свойствам, необходимым для занятий музыкальной деятельностью: на основе огромного эмпирического материала были развиты представления о музыкальных способностях и музыкальной одаренности. Книга содержала обобщающий анализ собственных изысканий автора (в том числе экспериментальных) и накопленных в мировой науке фактов и гипотез, представленных с энциклопедической полнотой. Наряду со своим специальным содержанием (изучение музыкальности, понимаемой как единство эмоциональной отзывчивости на музыку и особенностей слухового восприятия, «слышания» музыки) эта монография раскрывала также общие психологические позиции автора.

Покажем на примерах, насколько полно обосновывались развиваемые в книге идеи. В частности, тезис об определяющем значении деятельности для становления способностей выводился на основе тщательно обработанных эмпирических данных. Так, например, факты свидетельствовали, как ни странно на первый взгляд, о том, что нет соответствия между чувствительностью к точности интонации и чувствительностью к различению высоты звука. Дело в том, что музыкальная деятельность развивает чувствительность к точности интонации, она не требует сравнения высоты отдельных звуков; лишь практика в сравнении высоты звуков, например, настройка инструмента, развивает собственно чувствительность к различению высоты. Благодаря выяснению соотношения этих двух «чувствительностей» и путей их развития удалось прийти к важному выводу о том, что не бывает абстрактных психологических функций, которые только «использовались» бы по мере надобности: всякая функция как бы вырастает в той или другой деятельности.

Точно так же анализ данных ряда специальных исследований показал, что музыкальные слуховые представления возникают и развиваются не сами собой, а лишь в процессе деятельности, которая с необходимостью их требует (самые элементарные формы такой деятельности – пение и подборание по слуху, они не могут осуществляться без музыкальных слуховых представлений).

О том, что подход Б.М. Теплова к пониманию индивидуальных различий не был односторонним или предвзятым, позволяют судить рассмотренные в монографии материалы о ранних проявлениях

музыкальности. Во всех таких случаях, сколько-нибудь подробно описанных в литературе или наблюдавшихся Б.М. Тепловым лично, были обнаружены или прямая забота родителей о музыкальном развитии ребенка, или хотя бы достаточное богатство музыкальных впечатлений. Такого рода сведения подводят к заключению, что ранние проявления музыкальных способностей зависят не только от задатков: даже и самые одаренные дети *научаются* воспроизводить голосом мелодии, *научаются* соблюдать точность интонаций, *научаются* правильно передавать ритм музыки. Анализ протоколов наблюдений показал, например, что дети даже с самыми замечательными данными в отношении музыкального слуха учатся петь путем бесчисленных проб. Другими словами, музыкальные способности развиваются в музыкальной деятельности ребенка, сначала, конечно, в самых примитивных формах этой деятельности.

Общее положение об огромных возможностях развития способностей опирается на разнообразный эмпирический материал, в частности относительно развития звуковысотной чувствительности. Рассмотренные в монографии факты свидетельствуют, что звуковысотная чувствительность значительно улучшается с возрастом; она развивается в результате занятий музыкой; что чувствительность к высоте звука может быть очень сильно увеличена путем специальных упражнений. Собственные опыты Б.М.Теплова показали, что порог различения высоты снижается в результате специальных упражнений у всех испытуемых: как у тех, кто имел сначала хорошую чувствительность, так и у тех, кто имел чувствительность исключительно плохую; как у лиц, много занимавшихся музыкой, так и у лиц, никогда никакого отношения к музыке не имевших.

Важное значение в этой связи имело также установление того, что музыкальность может успешно сформироваться на разной природной основе, например как при наличии так называемого абсолютного слуха, так и при отсутствии его; способы узнавания высоты звуков будут при этом совершенно различными, но на практических результатах это может не сказываться.

Через всю книгу проходит выдвинутый Б.М.Тепловым тезис о преимущественном значении *качественного подхода* к проблеме способностей. Этот тезис также имел обоснование в конкретном анализе музыкальности, в самих эмпирических данных. Исследование показало, что способности, составляющие основное ядро музыкальности, – «ладовое чувство», «способность к слуховому представлению», «музыкально-ритмическое чувство» – хотя и выступают в единстве, но могут находиться в разном соотношении друг с другом. В частности, специально организованные наблюдения показали, что среди дошкольников, с успехом занимавшихся в музыкальной группе, у одних детей ведущую роль играют одни из этих способностей, у других – другие. Тем самым оказалось, что и при одинаково высоком уровне музыкальности дети все же могут резко отличаться друг от друга по своеобразию музыкальных способностей. Анализ, проведенный в этом направлении Б.М.Тепловым, шел и дальше. Существовали качественные различия, относящиеся к отдельным способностям. Например, слуховые представления, даже сильно выраженные, могут быть разной степени произвольности, разной яркости и полноты, сохранять по преимуществу тембр звучания или по преимуществу звуковысотные отношения и т. п. Факты такого рода индивидуальных различий давали дополнительные основания для капитально важного вывода о том, что одна и та же деятельность может осуществляться психологически разными путями и что возможна в широких пределах компенсация одних способностей другими.

Проведенное с такой полнотой изучение музыкальности показывало, что для успешных занятий музыкой важное значение имеют не только специфически музыкальные данные, сенсорные и эмоциональные, но и такие, которые нужны как для музыки, так и для многих других видов деятельности, например особенности внимания, воображения, волевые особенности. Таким образом, в ходе исследования обнаруживалось, что существенное значение для музыкальности имеют свойства интеллекта и других сторон личности. Исследование подводило к вопросу об общих моментах одаренности, которые выступают «внутри» специальных способностей и неразрывно связаны с ними. Была показана необходимость различать более специальные и более общие способности.

В своих исходных статьях по проблеме способностей и одаренности Б.М.Теплов подчеркивал, что здесь преждевременно говорить о наличии теории: для ее создания еще необходима большая работа по изучению отдельных видов способностей и одаренности, по установлению частных закономерностей. В этом направлении и шло исследование музыкальности. Но оно не только

открывало новую систему фактов и их взаимосвязей, оно продвигало впереди разработку вопросов теории.

Рассматриваемая монография может служить образцом научной строгости и многосторонности в подходе к эмпирическим материалам. Когда Б.М.Теплов дает обзор литературы, то он не только обращается к выводам того или иного автора, но и соотносит их с фактической стороной работ, нередко по-новому, более обоснованно интерпретирует исходные данные. Он охотно использует материалы многолетних наблюдений за отдельными испытуемыми, учитывая все промежуточные сдвиги показателей. Необыкновенная тщательность сочетается у него с подлинной психологической проницательностью.

В разгар Великой Отечественной войны, в трудных условиях эвакуации, Б.М.Тепловым была выполнена работа «Ум и воля военачальника», опубликованная в 1943 г. В окончательной редакции в 1961 г. она получила название «Ум полководца», под которым и вошла в историю нашей науки. Исследование, написанное по военно-историческим материалам, отвечавшее насущным задачам той поры, когда оно создавалось, представляет и сегодня очень большой интерес и сохраняет свое научное значение. В нем речь идет, по определению автора, «об общих умственных способностях», о качествах ума и характера, требуемых определенным видом практической деятельности.

Необычной была уже сама направленность работы – обоснование, раскрытие того, что умственная деятельность в «практической» сфере не является более простой или менее ценной, чем собственно теоретическая деятельность. Новизна и значимость работы проявились и в другом: в ней был дан анализ психологических особенностей отдельных выдающихся людей, раскрыто значение личностных внутренних условий для успешного выполнения деятельности.

Принципы изучения психики в деятельности и рассмотрения психических свойств как проявлений личности получили здесь свое конкретное воплощение. Б.М.Теплов начинает работу с общей характеристики деятельности, ставящей перед субъектом определенные требования, затем знакомит с отдельными компонентами этой деятельности, выясняет их взаимосвязь. А.Р. Лурия, посвятивший этой работе специальную статью, отмечает, что в психологической литературе трудно найти произведение, которое вводило бы читателя в столь сложную характеристику конкретных форм деятельности с такой же ясностью, как это сделано Б.М. Тепловым, и что при этом автору удалось, переходя от одной стороны деятельности к другой, получить целостный «синдром» умственных особенностей. Свойства ума рассматривались в системе, задаваемой деятельностью, изучались как целое. А.Р. Лурия писал об этой работе как об «образце клинического изучения личности».

Существенно, что свойства личности отнюдь не выступают здесь в качестве «проекции» особенностей деятельности. Хотя данная область деятельности, как и всякая другая, вроде бы производит отбор нужных ей свойств и оказывает свое формирующее воздействие, субъект деятельности, как показал Б.М.Теплов, оценивает происходящее, совершает выбор способов деятельности, творит свое участие в деятельности. Каждый субъект достигает нужного результата по-своему: индивидуальность накладывает свой отпечаток на деятельность.

Исследование, проведенное Б.М.Тепловым, указывало на недостаточность традиционных «типологий», например разделения умов на конкретные и абстрактные (по П.Дюгему), на аналитические и синтетические (по Е.Полану). Было показано, что в реальной деятельности выступали более целостные и вместе с тем более противоречивые характеристики ума.

Анализ материалов о выдающихся полководцах позволил обнаружить своеобразную диалектику умственных способностей, а именно необходимость совмещения противоположных качеств мышления: быстроты и неторопливости, осторожности и смелости, гибкости и устойчивости. Б.М. Теплов подробно раскрывает такие умственные черты, как «схватывание»целого при одновременном внимании к деталям, способности находить быстрое решение, предвидеть и др.

Характернейшая особенность рассматриваемой работы состоит в том, что собственно умственные свойства раскрыты в ней в тесной связи с другими сторонами личности, прежде всего с волевыми качествами. Б.М. Теплов квалифицировал как «чрезвычайно важную ошибку» предположение, что можно иметь выдающийся ум полководца, не имея соответствующих волевых

качеств. Проведенный им анализ устанавливает также важную роль «положительной эмоции боевого возбуждения»: лучших полководцев отличает способность к самой высокой продуктивности ума в условиях наибольшей опасности. Многосторонность анализа позволила получить полнокровные и убедительные, подлинно личностные характеристики.

Своеобразна была методика психологического изучения: использование свидетельских показаний, мнений компетентных судей и высказываний самих изучаемых лиц. Было убедительно показано, что систематизация конкретных фактов, относящихся к особенностям умственной работы, и психологический анализ самой деятельности открывают возможности подхода к изучению самых сложных, личностных условий успешности деятельности.

Впоследствии, специально разбирая методы психологии и подчеркивая ограниченность возможностей самонаблюдения, Б.М.Теплов указывал, что проникнуть в свойства личности, изучить ее индивидуальные особенности можно только опосредованно: человек отдает себе отчет о своем темпераменте, характере, способностях, интересах на основании тех же показателей, которые позволяют другим людям судить о нем, в первую очередь по тому, как он ведет себя в тех или иных ситуациях, что и как он делает. Подобно тому, как установление медицинского диагноза есть дело врача, а не больного, хотя последний может многое рассказать о своем самочувствии, так и суждение об индивидуальных особенностях человека – компетенция психолога, квалифицированно использующего отчеты самонаблюдений лишь как материал для анализа. Эти сформулированные позднее положения были уже реализованы им в исследовании о полководцах. Оно свидетельствовало о том, что индивидуально-личностные особенности можно изучать – разносторонне и доказательно – по своеобразию выполнения деятельности.

Личностный подход к проблеме интеллекта, анализ структуры практической деятельности, постановка проблемы интуиции весьма актуальны и для современной психологии.

Особо следует обратить внимание на разработку Б.М. Тепловым вопросов психологического изучения выдающихся творцов, больших талантов. Этому посвящено немало страниц в его работах. В книге о музыкальных способностях даны психологические сведения о некоторых крупнейших музыкантах, а в работе о «практическом мышлении» – о знаменитейших военачальниках прошлого.

В ходе изысканий Б.М.Теплова прежде всего выясняется, что талант многосторонен. Согласно развиваемой им концепции, характерная для многих выдающихся людей возможность проявлять себя в различных областях деятельности не представляет собой случайное совпадение различных талантов. Объяснение, по Б.М. Теплову, в другом: одаренность человека не сводится к способностям, относящимся к определенной области деятельности, одаренность человека шире его специализации.

Б.М.Тепловым было показано, что незаурядные достижения зависят не только от способностей, но в большой степени и от волевых особенностей. Работа о музыкантах писалась прежде, чем работа о военачальниках. Но уже там отчетливо указано, что многие из выдающихся музыкантов могут быть с полным правом названы людьми великой воли и что без изучения этой стороны невозможно дать психологический анализ их творческой личности. В работе о выдающихся полководцах обосновывается мысль о неразрывной связи, единстве ума и воли. Человек, как это подчеркивалось Б.М. Тепловым, активно откликается на требования деятельности, волевыми усилиями реализует, осуществляет себя в ней.

Проявления одаренности, по Б.М. Теплову, – это вся личность. У него можно встретить и вывод о том, что не бывает у человека способностей, не зависящих от общей направленности личности.

Особое значение Б.М. Теплов придавал индивидуальности, ее непохожести на других. Об этом свидетельствует тот факт, что у людей, способных к высшим достижениям, он, в соответствии со своей общей концепцией, стремился каждый раз выявить своеобразие потенций, качественные особенности одаренности. Показательно в этом отношении его сопоставление Н.А.Римского-Корсакова (для которого характерно было сочетание слухового и зрительного воображения) и П.И.Чайковского (с его особой расположенностью «эмоционально погружаться» в захватывающее его содержание): первый относится к психологическому типу, идущему в своем творчестве от воображения, другой – к психологическому типу, идущему в творчестве от чувства. Такие личностные свойства творцов обязательно проявляются в том, что и как они создают.

Очень существенно для развиваемых взглядов было признание ценности самых разных индивидуально-типических особенностей, обеспечивающих творческое выполнение деятельности. По Б.М. Теплову, то своеобразие способностей, которое отличает одну индивидуальность от другой, является залогом ценности человека для общества.

Последние 15 лет научной деятельности Б.М. Теплов сосредоточил усилия своей лаборатории на изучении основных свойств нервной системы (по И.П.Павлову) и их психологических проявлений у человека. Он считал, что на этом пути можно подойти к изучению природных задатков, лежащих в основе индивидуальных различий в способностях людей.

Б.М. Теплов всегда с пиететом относился к трудам И.П. Павлова и к самой личности ученого. Он, как и Л.С.Выготский, и С.Л.Рубинштейн, был склонен многое почерпнуть из павловского объективного метода изучения психики. При этом один раздел павловского наследия был ему внутренне особенно близок – учение о типах высшей нервной деятельности. Сам И.П.Павлов, как известно, связывал типы нервной системы с различиями по темпераментам, что получило всеобщее признание. Но Б.М. Теплов увидел в типологических свойствах нечто большее – подлинное доказательство существования природных предпосылок широкого спектра индивидуально-психологических особенностей.

Чтобы обосновать возможность и перспективность изучения свойств нервной системы применительно к человеку, потребовался анализ истории изучения типов высшей нервной деятельности в лабораториях И.П.Павлова. Была написана удивительная статья (если можно назвать «статьей» работу в 10 печатных листов), в которой Б.М.Теплов систематизировал огромный фактический материал и критически осмыслил сами представления о типологических свойствах. Об этой статье как об «историческом очерке» писал М.Г.Ярошевский. Он отмечал, что в ней дан поражающий не только по эрудиции, но и по глубине проникновения в динамику идей анализ одного из наиболее важных для психологии разделов павловского учения.

В своем изыскании Б.М. Теплов пришел к выводам о том, что типы нервной системы различаются не по уровню совершенства нервной деятельности, а по ее своеобразию; что главное научное значение имеет выделение типологических свойств, а не традиционная классификация типов; что свойства нервной системы образуют почву, на которой легче формируются одни формы поведения, труднее – другие; что возможно открытие новых свойств нервной системы и «расщепление» ранее известных; что наряду с «общими» типологическими свойствами, характеризующими нервную систему в целом, существуют «частные» (парциальные) свойства, характеризующие работу отдельных областей коры, и др.

Б.М.Теплов исходил из того, что свойства нервной системы относятся к врожденным условиям формирования индивидуально-психологических свойств. Он указывал, что трудная и длительная работа по изучению природных свойств нервной системы будет оправдана тем, что откроет дорогу к объяснению происхождения некоторых индивидуальных особенностей.

Вскоре были получены экспериментальные подтверждения ряда выдвинутых положений. Особенно важное значение имело доказательство того, что слабость нервной системы связана с ее высокой чувствительностью, реактивностью (исследования В.Д.Небылицына). Тем самым получила подтверждение гипотеза Б.М. Теплова о ценности разных полюсов типологических свойств (в частности, такого свойства, как сила - слабость): сильная нервная система лучше разрешает одни задачи, а слабая – другие, к разрешению одной и той же задачи слабая и сильная нервная системы должны идти разными путями.

Показательно, что, выступая против точки зрения, согласно которой следует отыскивать пути изменения свойств типа нервной системы, Б.М. Теплов аргументировал свою позицию не только соображениями о чрезвычайной трудности решения такой задачи, но и указаниями на недопустимость самого стремления сделать всех людей похожими друг на друга. Он отмечал, что поскольку каждое из свойств имеет как положительную, так и отрицательную сторону, то неизвестно, какие свойства нервной системы следует считать «желательными». То есть опять-таки главным оставалось выяснение роли качественных особенностей, разнообразия индивидуальностей.

При подходе к вопросам психологического значения свойств нервной системы Б.М. Теплов предостерегал от упрощенного понимания их соотношения со свойствами собственно

психологическими, со способностями: слабость нервной системы (а следовательно, ее высокая чувствительность) в сфере слухового анализатора еще не означает музыкального слуха.

Уже через несколько лет исследований стала возникать новая пограничная область науки – дифференциальная психофизиология, основанная на строгой экспериментальной базе и подводящая естественнонаучный фундамент под изучение некоторых индивидуально-психологических различий (поначалу в области ощущений, времени реакций, а также и более общих динамических особенностей психики). Новое направление исследований постепенно стало значительным явлением в психологии.

Изучение собственно способностей и одаренности в русле дифференциальной психофизиологии развернулось уже в последующие годы, когда это направление исследований возглавили ученики Б.М. Теплова – сначала В.Д. Небылицын, а затем Э.А. Голубева.

Б.М. Теплов исходил из того, что различия между людьми по способностям и одаренности – одна из важнейших научных проблем и что ее разработка будет содействовать сближению психологии с жизнью, с практикой.

При этом он не раз отмечал зависимость успехов в науке от достаточности и адекватности методической базы, он придавал большое значение творческой разработке методик, выступал против универсализации каких-либо приемов изучения. Сам он в своих исследованиях использовал самые разные методические приемы. Так, в монографии о музыкальных способностях рядом с количественными показателями лабораторных экспериментов и их статистическим анализом приводятся выдержки из протоколов бесед с испытуемыми, используются данные, полученные путем опроса педагогов-музыкантов; наряду с тщательнейшим изучением отдельных функций – многосторонние наблюдения за некоторыми сторонами личности изучаемых лиц; применяется и такой метод, как прослеживание возрастных изменений определенных свойств. Иные методические подходы характеризуют работу об уме и воле полководцев, где используются по преимуществу исторические, мемуарные источники, позволившие убедительно раскрыть изучавшиеся психологические черты.

Отсутствие какой-либо узости или предвзятости при отборе и оценке методических приемов исследования очень характерно обнаруживается в уважительном отношении Б.М. Теплова к не экспериментальным методам. Уже в те годы, когда он развернул в своей лаборатории капитальнейшую работу по типам высшей нервной деятельности, в которой центральное место заняли опыты с произвольными реакциями и факторный анализ получаемых данных, он отмечал, что все же необходимы и неэкспериментальные, внелабораторные исследования; что они нередко ставят проблемы для лабораторных работ и, что особенно важно, составляют естественное переходное звено от лабораторного эксперимента к практике. Очень широкий диапазон методических подходов, разнообразие жанров изысканий – характернейшая черта научного стиля Б.М. Теплова.

Идеи Б.М. Теплова о способностях и одаренности и подходах к их изучению стали отправными для многих психологов-исследователей, его учеников и последователей.

Следует упомянуть и о том, что психологические представления, почерпнутые из работ Б.М. Теплова, были и остаются основным источником освещения проблемы способностей и одаренности в нашей учебной и научно-популярной литературе.

Н.С. Лейтес **РАННИЙ ВОСХОД: ПРОБЛЕМА ДЕТСКОЙ ОДАРЕННОСТИ**

Чудо-дети **Саша**

Однажды в Институт психологи и Академии педагогических наук РСФСР обратились за консультацией по необычному поводу. Речь шла о школьнике девяти лет, который учился в V классе.

Саша очень рано начал обнаруживать необычайные способности. Ему не было и четырех лет, когда он научился читать. Случилось это так. Ребенку купили разрезную азбуку: на отдельных красивых картинках нарисованы все буквы алфавита. Мальчик охотно забавлялся игрушкой и по

подсказке бабушки научился называть буквы. Затем, вслушиваясь в произносимые слова, он стал подбирать соответствующие картинки. Например, произнесено слово «стена», и Саша ищет карточки «с», «т», «е», «н», «а». Вскоре он сумел перейти к чтению целых слов по книгам.

Примерно в том же возрасте, в конце четвертого года жизни, он научился считать. Умение считать быстро перешло в увлечение. <...> с. 8

Когда Саше пошел пятый год, в семье временно стала жить девочка, которой было в то время 7 лет. Она поступила в школу, а одновременно начался и для Саши новый период учения: дети вместе писали упражнения, решали задачки, учили стихи. Воспитательница детского сада, который стал посещать Саша, поражалась не только общим развитием ребенка, но и его изобразительными способностями. В его рисунках обращали на себя внимание тщательность и точность в изображении самых мелких деталей.

В дальнейшем семилетний Саша прямо из детского сада поступил в IV класс школы, успешно выдержав вступительные испытания.

Я познакомился с Сашей, когда он уже был учеником V класса (к концу третьей четверти); по всем предметам у него были «пятерки». Семейное окружение его: мать — экономист, бабушка 70 лет и сестра — студентка литературного факультета (отец — инженер, с семьей не живет). Мальчик находится главным образом под наблюдением бабушки. <...> с. 9

Преподаватели отмечают сознательность его ответов и умение кратко и ясно выражать свои мысли.

Школьные задания отнимают у него не больше, чем полтора-два часа в день, однако он почти совсем не гуляет — ему некогда. Еще перед поступлением в школу он прочел трехтомник Брема «Жизнь животных», и с тех пор интерес к зоологии, особенно к разделу о птицах, наполняет его жизнь. «Птичник» — называет его бабушка.

В период моего знакомства с мальчиком он целые дни был занят сочинением «книги о птицах». До этого он на нескольких десятках страниц законспектировал главы о птицах из Брема и нарисовал более ста иллюстраций. Занятие птицами, видимо, представляет собой нечто большее, чем очередное увлечение. <...> с. 9-10

Летом на даче наряду с птицами он много занимался бабочками (перед этим прочел книгу Фабра «Жизнь насекомых»), Совершенно самостоятельно он собрал большую, разнообразную коллекцию бабочек. <...> с. 11

Познания его по всем предметам отличаются конкретностью и точностью. Он даже имеет особое пристрастие к мелким фактам, цифрам, собственным именам. Это связано с характером памяти, необычайно цепкой и прочной. В неотрывной связи хода мыслей с реальными данными можно видеть предпосылку его естественно-научных устремлений.

Письменные работы Саши отличаются необычайной краткостью. Не только сами мысли выражены в лаконичной форме, но и объем того, что вводится в описание, крайне ограничен. В письменном ответе на вопрос о содержании «Пироги Гайаваты» (домашняя работа) читаем: «В «Пироге Гайаваты» рассказывается о том, как индеец Гайавата построил пирогу, скрепил ее ветвями, для непромокаемости смазал смолой и украсил иглами ежа». В некотором отношении это образцовый ответ — очень ясный, ничего лишнего. Но поэтическая, художественная сторона произведения

не нашла здесь никакого отражения. Даже в описании природы, весны (имеются школьные сочинения на такие темы) у Саши только оголенная, деловая речь без намека на эмоциональность или воображение.

Изредка встречаются не вполне верные обороты. Например: «Среди грязного, скоро стающего снега стоят деревья». Неправильность выражения «скоро стающего снега» очень характерна для Саши — прямолинейность, рациональность его речи превышает грамматические возможности языка. <...> с. 13-14

Словарный запас большой. Он владеет такими «взрослыми» словами, как «исчезновение», «неприятность», «срочно», «благодарность» и т. п. Вместе с тем он как будто еще не привык ко многим обыденным словам. Они полны для него первозданной свежести и новизны. Такие слова, как «вереница», «сутолока», «прохожий», «оживление», «просмотр», и многие другие вызывают

радостный интерес, желание обыграть, примериться, активно овладеть ими. Для него еще не существует языковых штампов. Его развернутые высказывания — это всегда затруднительный творческий процесс, где очень многие слова как бы имеют свою индивидуальность, заметную для мальчика. Чувство слова особенно выступает в непередаваемой интонации Саши.

По вопросу о причинах несоответствия его устной и письменной речи можно заметить следующее. Для Саши сочинение — это весьма уважаемая, серьезная работа, которая всегда имеет только одну цель — передачу нужного содержания. По-видимому, он здесь не допускает даже возможности нарочитой выразительности: деловые писания не могут для него пока стать местом для словесных упражнений. Независимо от специфики различных видов речи уже само отношение ребенка к сочинениям и разговорам определенным образом обуславливает различие в их характере.

Его языковые способности и зрительная память обнаруживаются в том, что у него не было замечено ни одной ошибки в написании слов, в том числе иностранных, и в используемых им в «книге о птицах» биологических терминов.

Читает Саша очень много. Характерно, что он отдает предпочтение научно-популярной литературе перед художественной — первая больше соответствует его научной склонности и познавательным интересам. Кроме того, затрудненное чтение научного текста, видимо, дает большее удовлетворение как умственная деятельность.

О широте его читательских интересов может дать представление отрывок из письма мальчика матери, написанного летом на даче: «Дедушка мне привез том Диккенса "Тяжелые времена", я его кончил, он мне очень понравился. Теперь я читаю Сетона-Томпсона, и эта книга мне очень нравится. Еще я читаю книгу Шлимана, и она очень интересная. Еще у меня есть Лермонтов...»

Умственное развитие Саши, по-видимому, превосходит развитие ученика V класса. Приведу несколько примеров.

Я однажды спросил его: «Знаешь ли ты, сколько всего людей живет на Земле?» Я ожидал встретить недоумение, даже непонимание, о чем спрашивают, но услышал быстрый и верный ответ.

Мы остановились перед стройкой, чтобы посмотреть на работу огромного подъемного крана. Через некоторое время Саша оживленно заметил: «Машина вздумала подвинуться к нам!» Я удивился: «Как странно выражаешься, разве машина может думать?» Девятилетний мальчик ответил буквально так: «Это метафора, а метафора обычно связана с олицетворением».

Я предложил ему вопрос из какой-то викторины: «Назови море без берегов!» Саша даже подпрыгнул от удивления. Добившись объяснения (Саргассово море), он тут же обратился ко мне: «А вы назовите реку без берегов!»

Я затруднился ответить. «Гольфстрим», — усмехнулся Саша.

Как-то речь зашла о Фабре, авторе книги «Жизнь насекомых». Саша отметил, что Фабр описывает только то, что видел, а вот Брем знает и пишет гораздо больше, чем сам видел, он — большой ученый. В его словах были интересны самостоятельность и обобщающий характер суждения, но прежде всего надо удивляться самому факту, что мальчик, читая книгу, задумывается об ее авторе, оценивает его как ученого. Не только для детей его возраста, но и для учеников его класса обычно авторы просто не существуют: есть книги, как есть явления природы, и пока никого не занимает их происхождение.

В приведенных примерах зафиксированы не какие-то особенные удачи Саши. Подобные по значимости ответы, касающиеся самых разных областей знания, от него можно услышать в каждом разговоре. Саша нередко пользуется энциклопедией и словарем иностранных слов, т. е. владеет некоторыми элементарными навыками совершенно самостоятельной работы. Для ученика V класса это необычно: пятиклассники, как правило, не умеют самостоятельно находить нужный материал и с помощью книг искать ответы на вопросы.

Собранность, напряженность психики, готовность к напористой умственной работе — постоянные свойства Саши. <...> с. 14-16

Юный возраст Саши сказывается и на школьных занятиях. Преподавательница литературы отмечает у него «психологическую наивность»: при анализе литературных произведений он

наивно, иногда неверно понимает мотивацию героев. Он не сумел объяснить отношений Маши Троекуровой и Дубровского, запутался в толковании «Метели». Видно, душевные движения, переживания не являются для него объектом внимания; только нехотя, понаслышке он может что-нибудь об этом чуждом и неинтересном рассказать. Вся сфера людских отношений, личных и общественных, воспринимается им еще по-детски: взрослые живут в каком-то своем мире, и он не посягает на то, чтобы разбираться в этом.

Естественная шаловливость его и «психологическая наивность» не являются выражением какого-то умственного недостатка. Перефразируя известную поговорку, можно сказать: он ребенок и ничто детское ему не чуждо. В этом нельзя усмотреть ничего, кроме его душевного здоровья! <...> с. 20

Младшие школьники (на примере второклассников)

В младшем школьном возрасте дети удивительно легко осваивают очень сложные умственные навыки и формы поведения. Некоторые учителя начальных классов увлекаются устным счетом, им удается достичь, в частности, того, что ученики вторых классов применяют самые разные приемы быстрого счета в уме. Другие учителя обращают большое внимание на выразительность чтения, им удается добиться во многих случаях элементов подлинного артистизма у детей. Классы детей-чтецов, детей-счетчиков как следствие той или иной направленности педагогических воздействий (разумеется, особая проблема — индивидуальные различия между учениками класса) убеждают в огромных резервах восприимчивости и чрезвычайных возможностях именно формально усваивающего, игрового подхода к окружающему.

Интересно в этом отношении так называемое выразительное чтение детей. Ученикам вменяется в обязанность произносить фразы громко, отчетливо и с такими интонациями, которые соответствовали бы их содержанию; процесс чтения превращается в исполнение ролей — за автора и, где можно, за действующих лиц. Манера чтения в классе в значительной мере повторяет манеру чтения учительницы, но некоторые ученики превосходят учительницу не только увлеченностью, звонкостью голоса, но и чуткостью к отдельным эпитетам и большей изобретательностью в передаче интонаций. При этом ученики с особым усердием и полнотой выражают чувства, не сдерживая себя, не стыдясь. Такого рода подражание чьим-то чувствам, по-видимому, в высокой мере им доступно, оно доставляет им удовольствие и, возможно, содействует более прочному и детальному усвоению читаемого. Но характернейшая особенность: младшие школьники умеют выразительно, т. е. прочувствованно и с разумными интонациями, читать и такой текст, который почти не понимают.

Второклассники иногда хвастают тем, что они умеют считать до любого числа и читать «какую хотите» книжку. Во время индивидуальных бесед, принимая вызов, я предлагал некоторым ученикам, умеющим бегло читать, очень трудные для них тексты (из журнала «Наука и жизнь»). Дети довольно свободно произносили загадочные для них словосочетания и, более того, придавали им подлинную выразительность, во многом правильно угадывая акценты.

Подобное внешнее уподобление умственной деятельности взрослых, своеобразная «мимикрия» отнюдь не случайны для младших школьников: им по отношению ко многим явлениям приходится начинать с овладения только внешней стороной. Поистине удивительна их способность к усвоению формальных моментов, намного опережающая их подготовленность к пониманию содержания.

В этой связи особого рассмотрения требует другое очень заметное противоречие в умственном развитии младших школьников.

В наблюдениях за учениками начальных классов, в общении с ними привлекает к себе внимание несоответствие, разрыв между тем, чему учат детей, с одной стороны, и степенью их умственной и нравственной зрелости — с другой. Дети приходят в школу уже с определенным жизненным опытом, но начинают с азов приобщаться к человеческой культуре. Им приходится, например, осваивать произнесение печатных знаков речи и способы написания слов, в то время как они совершенно свободно владеют разговорной речью. Они читают и разбирают на уроках упрощенные тексты, тогда как им уже свойственны разнообразные и тонкие переживания (хотя

они не всегда умеют их выразить и осмыслить). Несомненно, что начальное обучение чтению, письму и счету и школьные элементы нравственного воспитания лишь частично затрагивают и выявляют подлинные возможности детей.

Показательно, например, что среди учеников начальных классов довольно много таких, которые не проявляют склонности читать, но очень любят, когда им читают другие. Обычно это связано с тем, что процесс чтения — узнавание слов и речевых оборотов по их буквенному изображению — задерживает, дается еще с трудом, поглощает внимание детей, тогда как, слушая чтение других, быстрое и правильное, они могут легко следить за самим повествованием. Понятно, что об умственном развитии и интересах таких детей нельзя судить по их отношению к чтению и количеству прочитанных ими книг.

Не менее отчетливо разрыв между учебными навыками и умственным развитием заметен на примере письменной речи. Сочинения младших школьников, состоящие из нескольких фраз, или их письма на одной странице, выведенные крупным детским почерком, безусловно, дают очень мало представления о том, что дети хотели бы рассказать. Достоинства некоторых детских сочинений — выраженные и них непосредственность, свежесть восприятия — постоянно соседствуют со словесными штампами и беспомощно мысли. Дети в этом возрасте гораздо умнее того, что они могут написать.

Такое несоответствие между проявлениями ума детей в разговорах и играх, с одной стороны, и в занятиях по письму и счету, где они лишь начинают овладевать орудиями умственной деятельности, — с другой, определенно указывает на отсутствие достаточной связи между содержанием учебных занятий и действительными возможностями детей.

По-видимому, приобщение детей к технике умственной работы (чтению, письму и счету) могло бы начинаться гораздо раньше. В самом деле, например, среди второклассников немало таких, которые уже полностью овладели навыком беглого чтения; как только это происходит, круг их чтения сразу же оказывается далеко выходящим за пределы списков рекомендуемой для их возраста литературы.

Как известно, накапливается опыт преподавания в начальной школе некоторых элементов алгебры, а также ряда категорий грамматики. Судя по всему, возрастные возможности учеников начальных классов могут быть использованы в учебном процессе гораздо полнее. <...> с. 99-102

Старшие школьники (на примере девятиклассников)

По-видимому, тяготение к идейной близости с учителем не является в этом возрасте чем-то исключительным. Наблюдения показывают, что лучшие школьные преподаватели, в особенности мастера ведения урока, знатоки предмета, обнаруживающие, кроме того, личностные достоинства, вызывают со стороны старшеклассников нечто большее, чем уважение. Учащиеся 15—16 лет склонны восхищаться таким педагогом, верить ему как учителю жизни. Для учеников, чьи склонности определились (или которым кажется, что они определились), в особом ореоле предстает личность учителя по любимому предмету: им гордятся, в его достоинствах видят подтверждение и своих достоинств, к нему тянутся как к единомышленнику.

При прочих равных условиях чаще, чем другие педагоги, «властителями дум» девятиклассников оказываются преподаватели литературы. Как бы причастные к тайнам художественной литературы, они преднамеренно или невольно могут задевать очень чувствительные струны в душах учеников — ведь они разбирают характеры и чувства людей, часто обращаются к мировоззренческим проблемам. Они могут становиться авторитетными и вызывать особое доверие в какой-то мере благодаря самому содержанию своих учебных занятий.

Характерное для старших школьников обострение интереса к личности окружающих людей заметно сказывается и на отношении к литературным персонажам. Первый попавшийся пример — урок по «Евгению Онегину». Возникают дискуссионные вопросы: любит ли Онегин Татьяну, любит ли Татьяна Онегина в заключительной части романа, правильно ли поступила Татьяна, отказав Онегину? Приходилось слышать обсуждение этих вопросов на уроках у разных педагогов, и всюду ученики очень охотно вникали в проблему личных взаимоотношений, с живейшим

интересом включаются в спор. Вечные темы любви, ревности, тщеславия для них очень новые. На таком уроке обращают на себя внимание не только наивность некоторых рассуждений учащихся, но и стремление их получить ответ, нежелание оставить невыясненными подлинные взаимоотношения людей. Примечательна та степень зрелости, при которой вопросы нравственные становятся в сознании учеников жизненными, близкими. Девятиклассники в большинстве своем с особым интересом, воспринимают психологические высказывания учителя.

Даже и не у сильных преподавателей литературы, объяснения которых в основном повторяют привычные схемы и чьи уроки лишь в самой малой степени вызывают у учащихся некоторый эмоциональный трепет от приобщения к искусству, даже у таких преподавателей в ответах учеников, в особенности в их сочинениях, можно встретить признаки определенного почитания педагога, доверия к нему. В письменных работах, имея возможность высказаться перед учителем литературы более свободно, без свидетелей, ученики зачастую обнаруживают удивительную готовность раскрыться, сообщить о своих переживаниях, о возвышенных мыслях.

Понятно, что сочинения как на темы учебной программы, так и на свободные темы могут быть во многом нарочитыми и даже обманными, тем более что они почти всегда пишутся на отметку. Но зная учеников не только по сочинениям и принимая не всякое высказывание на веру, нельзя не убеждаться в искренности, непосредственности значительного числа излияний. Имеются неоспоримые приметы расположенное™ очень многих девятиклассников к доверию и открытости.

Конечно, не каждому педагогу, даже преподавателю, дано вызывать к себе со стороны учеников отношение, при котором для них становится естественным приписывать свой внутренний мир и ожидать одобрения. Старшеклассники внимательно, оценивающе наблюдают за педагогами. Как уже отмечалось, они не прощают профессиональной слабости, мелочности характера — всего, что принижает достоинство учителя.

Ученики 15—16 лет, по-видимому, охотно проникаются верой в чьи-то особые достоинства, они как бы испытывают потребность в идеалах. Характерно, что знаменитые люди начинают у них вызывать к себе чувства, близкие к влюбленности. Нередко учащиеся девятых классов собирают открытки с изображением выдающихся людей, добывают автографы. Выступления перед старшеклассниками писателей, военных деятелей, артистов (вечера с такими выступлениями организуются во многих школах), если они проходят успешно, зачастую вызывают восторги, неожиданные и порывистые, обращенные к личности выступающих.

Знакомство с примерами доблестей людских, в жизни или в произведениях искусства, во многих случаях явно задевает их за живое: юноши особенно чувствительны к упоминаниям о славе, девушки — к раскрытию чувств.

(Печатается по: Лейтес Н.С. Возрастная одарённость и индивидуальные различия: Избранные труды. - 3-е изд. испр. и доп. — М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2008.)

ИНТЕРВЬЮ С НАТАНОМ ЛЕЙТЕСОМ **(журнал «Развитие личности» (2004, № 2, с. 223-225)** **(рубрика «О жизни и о себе»)**

Натан Семенович Лейтес – доктор психологических наук. Окончил филологический факультет МГУ. Потом поступил в аспирантуру к Борису Михайловичу Теплову в Психологическом институте АПН СССР (теперь РАО). Занимался проблемой способностей и одаренности.

«Сейчас сижу за столом, пишу предисловие к сборнику «Библиопсихология и библиотерапия», – говорит 85-летний ученый. – Сборник делает доктор психологических наук Наталья Львовна Карпова. Книга должна быть сдана в 2004 году».

Н.С. Лейтес автор книг: Возрастная одаренность и индивидуальные различия. М., 1997; Возрастная одаренность школьников. М., 2000, 2001; Психология одаренности детей и подростков (ред.) М., 1996, 2000; и многих других.

1. Кто был Вашим значимым учителем?

В психологии – Б.М.Теплов. Это выдающаяся личность. Он был больше чем ученый... Он был самым умным среди психологов... для всех самым авторитетным... В его присутствии повышался интеллектуальный тонус окружающих.

2. Вы удовлетворены своей жизнью и карьерой?

Это очень трудный вопрос. Не могу сказать, что удовлетворен. Я не удовлетворен самим собой... Как я использовал свое время... Много надо было бы сделать иначе...

3. Каково состояние Вашей души в настоящий момент?

Неплохое. Я только что преодолел болезнь – перелом шейки бедра. Я выздоровел. У меня подъем с выходом из болезни. Некоторое время буду в этой связи психологически хорошо себя чувствовать.

4. Ваши планы на будущее?

Личные... Личные – неотделимы от работы. Полной определенности нету. у меня есть некоторые планы... Хочу сделать книгу... Может быть, популярную, обращенную к старшеклассникам. Есть другие варианты... Но это планы.

В семье... Нет планов... Ничего не могу представить. Нет у нас планов в семье...

5. Ваше отношение к своим родителям и предкам

Самое почтительное! И виноватое. С возрастом начинаю ценить родителей все больше. Вина перед родителями. Делала не так и по форме, и по содержанию. Не понимал того, каким надо быть.

6. В чем для Вас смысл жизни?

Трудный вопрос... я не знаю на этот вопрос ответа. Я много думал о смерти. Я рано осознал драматизм ухода человека из жизни. Но не думал о старости. Человек очень меняется к старости. Это все внове... Старость – это особая пора. Нет привыкания к изменению своего возраста.

Удивительно обвалью ускоряется ход времени. Должны быть высшие смыслы! Что-то значительное есть в появлении человека на свет.

7. К каким добродетелям относитесь с наибольшим уважением?

Доброта, способность сочувствовать, отозваться. Каждому суждено драматически закончить свою жизнь... Доброжелательность человеку необходима.

8. К какому пороку относитесь с наименьшим снисхождением?

Жестокость, бессердечие. Отсутствие чуткости уважения к другой личности.

9. Ваше любимое занятие?

Чтение. Вот библиотерапия – это хорошо.

10. Если бы Вы были всемогущим волшебником, что бы Вы сделали?

Для себя... Я бы укрепил свою работоспособность. Это главное.

А здоровье?.. Более или менее приличное здоровье. Эпизоды нездоровья не настолько преобразуют организм, чтобы хотеть чего-то еще.

Для близких... Разные люди в разном нуждаются. Чтобы все горя не знали...

Для своей деятельности... Я хотел бы сделать больше. Себе помочь в своих целях.

В подарок Натану Семеновичу рукопись книги
«Библиопсихология и библиотерапия», 26.06.2004

справа-налево: Н.С.Лейтес, В.И.Рождественская, А.А.Кисельников,
Н.В.Кисельникова, Н.Л.Карпова, Н.А.Ситникова

Лейтес Н.С.

**ПРЕДИСЛОВИЕ К МОНОГРАФИИ
«БИБЛИОПСИХОЛОГИЯ И БИБЛИОТЕРАПИЯ»**

Выражения "библиопсихология" и "библиотерапия" получили весьма широкое распространение. Они служат для обозначения специализированных разделов науки, каждый из которых, однако, еще не имеет подлинных традиций и находится в стадии становления. Поэтому значение этих терминов еще недостаточно определенное. Оба слова имеют общую основу: от греч. biblio – книга. Рассмотрение вопросов о том, что и как изучает библиопсихология, а также - чем и как занимается библиотерапия - составляют содержание предлагаемого издания.

Известно, какое значение для европейской культуры имело появление книг, изобретение книгопечатания (XV век). Печатные тексты стали основой сохранения опыта и духовного обогащения. Без них нельзя представить себе ни науки Нового времени, ни искусства с его словесной составляющей. По мере распространения грамотности книги, а затем и библиотеки стали неотъемлемой частью цивилизации. Но еще задолго до книгопечатания, когда культура опиралась на письменность, появилась надобность в изучении текстов и возникла особая область знания – герменевтика: искусство и теория истолкования текстов. В этом нуждалась церковная литература, имеющая дело с библейскими текстами, а начиная с эпохи Возрождения - классическая филология, обращающаяся к текстам античности. В Новое время уже существует литературоведение, изучающее литературно-художественные книги, во многом опираясь на опыт герменевтики.

В ходе развития культуры возникали иные, чем прежде, аспекты изучения литературных произведений и их авторов, принципиально новые подходы к анализу текстов. Выдающийся языковед и философ В.Гумбольд подчеркивал значение самого языка произведений литературы: язык не просто готовый инструмент, но произвольно является средством самовыражения и постижения жизни. Отсюда - необходимость полнее вникать в язык текстов! Другой крупный немецкий ученый В.Дильтей разработал принципы "понимающей психологии", относящиеся и к

пониманию книжных текстов. Так что проблемы, связанные с внедрением книг в жизнь людей, начали обсуждаться в научной литературе гораздо раньше, чем они стали предметом особой научной дисциплины. Во множестве отдельных изысканий накапливались данные о закономерностях восприятия печатных знаков и текстов в целом. И все большее внимание к себе привлекали процессы литературного творчества и сами личности творцов.

Важной вехой в становлении специальной отрасли науки о взаимодействии человека с книгой явились труды замечательного отечественного книговеда и культуролога Н.А.Рубакина. В 20-х годах прошлого века он выступил с развернутой программой «библиопсихологии» (он и ввел этот термин). Суть его программы - системное изучение триады "читатель – книга (текст) - автор". Им отмечалось, что обычно каждая из частей триады рассматривается отдельно, тогда как наиболее существенно их взаимодействие и единство. При этом он исходил из того, что главное - это роль читателя. Он считал неправомерным положение, когда изучается сначала текст, потом автор (или сначала автор, потом текст), а читатель – где-то на втором плане. Он подчеркивал, что каждый читатель по-своему, избирательно усваивает и осмысливает тексты, привнося в них что-то свое. Поэтому первостепенное значение имеет изучение читателей, ведь от умственных и нравственных качеств тех, кто читает, зависят смысл и значимость воспринимаемых ими текстов. Он указывал, что читательское восприятие имеет свои индивидуально-природные предпосылки, и подчеркивал, что взаимосвязь читателя и книг нужно рассматривать в культурно-историческом контексте. Н.А. Рубакин считал, что библиопсихология, возникающая на пересечении разных наук, должна соединять в себе проблематику и методы как естествознания, так и гуманитарного знания.

Существенное значение для более конкретного изучения механизмов восприятия текстов имело дальнейшее развитие в XX веке семиотики - учения о знаках и знаковых системах. Те или иные системы знаков, естественные или созданные искусственно, понимаются как своеобразные "языки" с некоторыми общими для них правилами. Семиотический подход к изучению текстов предполагает три уровня: 1) выделение и систематизацию сочетаний знаков, 2) интерпретацию значения определенных структур знаков, 3) выяснение взаимосвязи между значением знаковых систем и теми, кто их воспринимает. Такой подход вслед за лингвистикой проник и в литературоведение. Новые аспекты изучения и получаемые при этом результаты обогащали и библиопсихологию.

Важнейший вклад в изучение психологии восприятия текстов внесли новаторские труды литературоведа и теоретика искусства М.М. Бахтина (середина прошлого века). В основе его концепции лежала идея *диалога*, понимаемого им не только как норма общения отдельных личностей, но и как норма самосознания и как способ взаимодействия личности с объектами культуры и искусства. Им показано, что в диалоге слово (мысль, знание) обретает множество новых смыслов; в таком многоголосии (полифонии) обнаруживаются их равные права на существование. При этом постижение личностью собственного "Я" происходит именно в общении с "другими". Соответственно и читательское восприятие, по существу, означает своего рода мысленный диалог с текстом и его автором. Эти идеи получили широкое признание. Они во многом содействуют пониманию тех специфических проблем, которые обычно относятся к ведению библиопсихологии и библиотерапии.

Обсуждаемая нами область науки: человек и книги. Но эта сторона жизни людей так быстро изменяется, что можно подумать, не обращаемся ли мы здесь к феноменам, которые уже уходят в прошлое. Ведь за время, прошедшее после массового распространения книгопечатания, и особенно за последние десятилетия, коренным образом изменилась техническая сторона изготовления и предъявления текстов. В наш век компьютерных таблоидов появилась реальная альтернатива бумажным страницам книг. Но все же: даже если счесть, что книги в нынешнем виде начинают отмирать, что далеко не бесспорно, то такая реальность, как взаимодействие человека с текстами, будет иметь место и впредь. Связанные с этим психологические проблемы - залог сохранения библиопсихологии и ее дальнейшего развития.

В наше время эта сфера научного поиска - на стыке психологии со смежными науками - находится на подъеме и представлена многими теоретическими и эмпирическими разработками. В

данном сборнике представлены материалы по психологическим проблемам библиопсихологии, а также по вопросам библиотерапии, важнейшего практического применения этой многосторонней научной дисциплины.

Книга состоит из трех частей.

Первая часть, посвященная психологии читательского восприятия, знакомит с современными работами по библиопсихологии. Здесь представлены сообщения - разные по своим подходам к проблемам чтения и касающиеся разных категорий читателей.

Открывается эта часть двумя обзорно-теоретическими статьями. В статье О.Л. Кабачек об общей тенденции развития библиопсихологии показана необоснованность тех ставших стереотипными представлений, которые преодолеваются в ходе развития библиопсихологии. Так, до сих пор еще односторонне понимается специфика восприятия научных текстов, с одной стороны, и художественных, с другой: либо преувеличивается, либо недооценивается различие между ними. Например, недостаточно учитывается, что научное познание может быть не только в понятиях, но и в образах. Другой существенный вопрос: нередко процессы читательского восприятия рассматривались без учета того или иного отношения читателя к тексту и его автору. Еще важный момент: зачастую исследователи оставляли без внимания зависимость уровня и своеобразия литературного развития читателя от его личностных свойств. И другие, не менее важные вопросы (об отношении к литературному творчеству; об изменяющейся роли разных жанров литературы) обсуждаются как в социально-исторической ретроспективе, так и в индивидуально-психологическом плане, на основе данных о различиях в ходе онтогенеза. Автор статьи привлекает внимание к сложности и многофакторной обусловленности читательского восприятия.

В статье С.А. Шаповал также рассматривается исторический ход развития библиопсихологии. Прослеживается судьба некоторых важных для библиопсихологии идей Н.А. Рубакина. Выясняется, в частности, что его представления о ступенях изучения текста во многом соответствуют нейропсихологическому подходу к стадиям *понимания*. А очень ценимый им методический прием освоения текста, так называемое замедленное чтение, - получил распространение и развитие в педагогической психологии. Одна из главных идей Н.А. Рубакина - об индивидуально-личностном восприятии книги, о зависимости содержания текста от того, что привносится в него воображением читателя - получила новую жизнь в известном направлении литературоведения на Западе, которое называет себя «рецептивной эстетикой». В центре внимания этой научной школы - *рецепция*, восприятие, т.е. самый процесс контакта читателя с текстом, их взаимовлияние; при этом учитываются различия в типах людей и предлагаются классификации типов. По-видимому, современная библиопсихология принимает тезис (идуший от Н.А. Рубакина) о «примате» читателя. В статье показано, что такой подход к психологии чтения весьма актуален: он близок к установкам гуманистической психологии и личностно-ориентированной педагогики.

Далее, в статье Н.А. Борисенко и А.Б. Николаевой представлен другой вид библиопсихологической работы: здесь рассмотрен конкретный результат соединения психологии с филологией и культурологией. На примере анализа новаторской учебной книги (Г.Г. Граник, Л.А. Концевой "Драматургия, драматургия, театр", 2001) показано, как научно-психологические представления позволяют глубже и точнее воспринимать художественный текст.

Последующие три статьи знакомят с исследованиями восприятие текста, выполненными на детях. Эти работы выявляют некоторые возрастные закономерности читательского развития.

Так, статья З.Н. Новлянской и Г.Н. Кудиной посвящена вопросам становления читателя, который может не только осознать свое отношение к произведению, но и отношение автора к тому, что там изображено; такого уровня читательского восприятия важно достичь. Авторами статьи был разработан и уже апробирован курс преподавания литературы в школе, с первого по одиннадцатый классы, имеющий целью эстетическое воспитание учащихся и выработку у них *читательской позиции*. В этой системе литературного образования предусмотрено, что детям следует побывать и в *авторской позиции*, т.е. иметь свой опыт литературного творчества (такие занятия проводились, начиная с младших классов); при этом ученики должны были осваивать и *позицию критика* (получали представление о «выразительно-содержательной форме»). Все это

обеспечивало обогащение их читательской позиции, побуждало более активно воспринимать текст. Статья знакомит с тремя возрастными этапами развития читательской позиции. Эта большая многоплановая работа велась в русле определенной психолого-эстетической научной школы и непосредственно направлена на решение психолого – дидактических задач. Однако очевидно, что изучение у детей читательского восприятия, понимаемого как общение с текстом и его автором, относится и к разработке основ библиопсихологии.

К содержанию этой статьи примыкает изыскание Н.Ф. Чубук: она проанализировала творческие работы учеников, которые прошли курс литературы по программе Г.Н. Кудиной и З.Н. Новлянской. Эти школьники ежегодно, в течение 10 лет, должны были сочинять что-нибудь свое, т.е. побывать в «авторской позиции». Оказалось, что в зависимости от возраста юных авторов вполне определенным образом изменяются особенности описания ими людей (литературных персонажей). Выявлены последовательные этапы возрастания полноты и сложности личностных характеристик. Обнаружены также закономерные тенденции в установках на жизнеподобие или на условность изображаемого. Выполненный анализ проявившихся черт "авторской позиции" одновременно дает представление об уровне и некоторых аспектах читательского развития детей. Тем самым вносится вклад в столь существенное для библиопсихологии изучение особенностей читателя.

Статья Е.Л. Гончаровой проливает свет на самую начальную пору приобщения к чтению. В качестве «главного события» раннего читательского онтогенеза выделяется наступление периода понимания ребенком *контекстной* речи, т.е. понимания того, что выходит за пределы непосредственно выражаемого в речи (в отличие от ситуативной речи, обозначающей то, с чем сталкивается ребенок "здесь и сейчас"). Способность к пониманию контекста речи - это уже и способность улавливать в содержании текста ту новую информацию, которая может войти в уже имеющийся личный опыт (познавательный, эмоциональный, смысловой). Именно такое, не сводящееся к ситуационному, восприятие речи обогащает и развивает психику, становится важной предпосылкой читательской деятельности. Обычно выход ребенка на этот рубеж развития происходит незаметно. Подлинное значение и жизненная необходимость перехода к контекстному пониманию речи (текста) может остро обнаруживаться в случаях, когда ребенок лишен нормальных условий социализации (например, дети с глубокими нарушениями зрения и слуха). Именно на материале изучения и обучения таких детей показаны роль и психологические механизмы готовности к восприятию речевого контекста. Выяснение ранних, исходных предпосылок приобщения к чтению как к источнику познания окружающей жизни и самопознания - необходимое звено в системе изысканий, разрабатывающих проблемы библиопсихологии.

Психолого-педагогическому подходу к проблеме чтения посвящена статья Г.Г. Граник, С.М. Бондаренко, Л.А. Концевой. В ней на основе обобщения передового учительского опыта представлена модель "идеального читателя". На многих выразительных примерах - применительно к чтению учебных и научно-популярных текстов – показано, что значит "уметь работать с книгой" и заниматься самостоятельно. Главная мысль - в том, что для понимания и запоминания текста нужно относиться к нему активно: обращаться с вопросами и искать на них ответы, выдвигать собственные предположения, с чем-то соглашаться, в чем-то сомневаться, спорить, другими словами - мысленно общаться с текстом, а то и с его автором. Тем самым выявляются предпосылки полноценного читательского восприятия. Статья в целом - свидетельство того, как союз психологии и педагогики может помогать педагогической практике.

Первая часть завершается статьей В.М. Букатова о комментариях к книгам. Это не должно удивлять: библиопсихология охватывает самые различные вопросы, касающиеся взаимодействия человека с литературным текстом. Многообразна роль комментариев: они могут пояснять, давать справку, иллюстрировать, интерпретировать. Ими надо уметь пользоваться. Они могут играть важную психологическую роль, помогая восприятию и пониманию текста.

Столь разные статьи этой части книги достаточно характерны для современного состояния той области знания, о которой идет речь. Сейчас в библиопсихологии наиболее заметны культурологические и семиотические изыскания, а также экспериментальные и эмпирические работы в сфере словесно-книжной культуры, относящиеся непосредственно к проблемам

образования. Так что представленные статьи могут частично давать ориентировку в этой возникшей на стыке наук особой научной отрасли, призванной отвечать на многие запросы, но еще продолжающей заниматься поисками своего "предмета"

В Приложении к этой части книги дается статья классика отечественной психологии, выдающегося психолога Б.М. Теплова, где речь идет о психологии восприятия искусства, в том числе и литературных произведений. Статья была написана еще в 40-е годы прошлого века, но ее содержание нисколько не устарело.

Вторая часть посвящена библиотерапевтическому аспекту в работе библиотек. Статьи специалистов по библиотечному делу и детскому чтению позволяют получить конкретные представления о проблемах, связанных с применением на практике положений библиопсихологии.

Библиотерапия – она может пониматься не только как лечение, но и как воспитание с помощью книг. Тем самым она имеет отношение как к медицине, так и к педагогике. В одних случаях имеется в виду лишь подбор книг для чтения, в других – и обсуждение их с теми, кто нуждается в поддержке. У библиотерапии могут быть разные цели: например, изменение эмоционального состояния человека или влияние на сами особенности личности; она может выступать как руководство со стороны, а может – как средство самоанализа и самосовершенствования; может применяться в индивидуальных и в групповых формах, и т.д.

Начинается эта часть книги со статьи О.Л. Кабачек, специально посвященной теоретическим вопросам библиотерапии. После сведений о понятии «терапия» в прошлом (первоначально "терапевт" – мудрец, мыслитель) представлен исторический ход становления библиотерапии, вобравшей в себя методы медицины, педагогики, психологии и библиотечного дела. В центре внимания психологические механизмы библиотерапии, в частности, рассматривается проблема идентификации читателя с героем литературного произведения, а иногда и с его автором. Представлены обоснования разных подходов к классификации библиотерапевтических методик. В этой связи выясняется возможная терапевтическая роль тех или иных жанров литературы. Особо рассматривается значение внутренней вовлеченности читателя в процесс восприятия текста. Раскрывается влияние таких особенностей отношения к чтению, как читательские ожидания, эмоционально-ценностные установки, степень и характер катарсиса. Отдельный раздел посвящен *терапии творчеством*. Статья, в целом, вводя в контекст библиотерапевтических проблем, служит введением к последующим сообщениям по актуальным вопросам воспитательного и лечебного воздействия книг.

В статье И.И. Тихомировой привлекается внимание к роли подлинно художественных произведений литературы в духовно-нравственном развитии растущего человека: указывается, что чтение таких книг укрепляет образное воображение, пробуждает сопереживания и интерес к людям. Отмечается, что знакомство с тем жизненным опытом, который отражен в произведениях литературы, может поднимать уровень самосознания и оказывать психологическую поддержку, позволяя по-новому взглянуть на свои затруднения и неприятности. Поэтому, подчеркивается в статье, нельзя мириться с тем, когда ребенок, тем более в подростковом возрасте, не любит книги, отказывается читать. Такого рода негативизм иллюстрируется примером из рассказа Ф. Искандера (где описаны безуспешные попытки отца приучить сына-подростка к чтению). В статье речь идет и о том, что восприимчивость к чтению зависит не только от личности читателя, но и от качества самих книг, предлагаемых детям. Отсюда – очевидная роль детских библиотек.

С этой статьей перекликается еще одна статья О.Л. Кабачек. В ней также речь идет о важности приобщения детей к чтению и используется в качестве «дидактического пособия» тот же рассказ Искандера (он приводится в конце данной части книги, в виде приложения). Намечается расхождение между двумя авторами: О.Л. Кабачек считает, что И.И. Тихомирова склонна судить об уровне читательского развития "по здравому смыслу", недостаточно учитывая данные психологической науки. Имеются в виду разработанные в психологии характеристики возрастных этапов детства, а также свидетельства о том, что в годы возрастного развития литературно-творческие возможности и читательское восприятие — две стороны единой системы личностного роста. В подкрепление своих тезисов О.Л. Кабачек дает краткий обзор научных направлений в отечественной психологии чтения (после Н.А. Рубакина), что представляет самостоятельный

интерес. Та и другая статьи близки по своим гуманистическим установкам. В каждой из них убедительно показаны воспитательный потенциал подлинно художественной литературы, а также значимость помощи юному читателю со стороны детских библиотек. Полемический зачин начала второй статьи переходит к концу ее в примиряющее утверждение о том, что в практическом плане педагогика чтения - это как искусство, так и наука.

Далее идут несколько статей, где речь идет о разных формах работы детских библиотек с читателями. Статья В.П. Будасовой, М.Г. Вакулы, Н.Н. Морозовой сообщает о проведенном ими психолого-социологическом изучении читателей в возрасте 13-15 лет (на достаточно большой выборке). Методом анкетирования определялись: их круг чтения, предпочитаемые ими жанры литературы, а также мотивы чтения. Им же давался подростковый вариант теста-опросника на акцентуацию характера. Таким образом выявлялось, как связаны различия между подростками как читателями и их принадлежностью к тому или иному психологическому типу. Установлено, что от психологических черт может зависеть сама выраженность тяготения к чтению и эффективность тех корректирующих, компенсирующих функций, которые чтение может выполнять. Работа дает представление о том, что и ради чего читают российские подростки начала XXI века и как следует учитывать их принадлежность к тому или иному психологическому типу.

В статье Т.Н. Макаровой представлен опыт работы детской библиотеки с детьми-инвалидами и детьми-сиротами с задержками развития. Из данного сообщения видно, что приобщение к литературе такого контингента детей не только содействует умственному и нравственному развитию, но и ободряет их, приносит радость, удовлетворение. Показано, какими разнообразными и увлекательными могут быть формы библиотерапевтической работы. Статья О.О. Матухиной также посвящена детям, отстающим в умственном развитии. Но тут представлен особый опыт библиотечной работы - совместной с коррекционной школой. Ученики коррекционных классов один учебный день в неделю проводили в библиотеке, где для них была подготовлена специальная программа по привлечению к чтению и развитию творческих способностей. Опорным было представление о том, что у данного контингента детей достаточно развито наглядно-действенное мышление. С учетом этого подбирались тексты и темы для занятий по чтению. Полученные результаты свидетельствуют о значимости приобщения к книгам и таких детей.

Сообщение Б.Д. Каштановой и Л.А. Радыгиной знакомит с опытом создания библиотерапевтического центра для детей с ограниченными физическими возможностями. Детская библиотека стала инициатором разносторонней помощи таким детям. Здесь библиотерапия - одно из средств избавления от ярлыка инвалидности и неполноценности. Показано, что система поощрения может содействовать общему развитию способностей и в перспективе - подлинной умственной и личностной реабилитации. В статье Т.В. Ермаковой речь идет о работе в библиотеке для слепых и слабовидящих. Здесь нужда в библиотерапии особенно очевидна: освоение книг приобщает к жизни зрячих, компенсирует недостаточность собственного опыта. Возможен подбор текстов, поднимающих настроение, влияющих на развитие нравственных и волевых качеств. Во многих случаях можно говорить о подлинном "лечении словом" (художественным текстом).

О роли книги в жизни людей с сенсорной депривацией можно судить по следующей далее поразительной статье А.В.Суворова. Этот автор, будучи слепоглухим, от первого лица, как бы изнутри, показывает неутолимую потребность в чтении как незаменимом источнике информации и эмоционально-насыщенных впечатлений. Общение с книгой для него - не только библиотерапия, но и сама радость жизни.

В данной части книги представлена и теоретическая статья А.И. Сосланда о значении активности идеологий и особенностях их распространения (нельзя упускать из виду и этот аспект книжной культуры). Философское содержание этой статьи в его отношении к библиотечному делу поясняется кратким комментарием О.Л. Кабачек.

Совокупность рассмотренных статей дает представление о библиотерапии как самой сути библиотечного дела, применительно к детским библиотекам, во всяком случае. Конечно, чтение книг и библиотечное обслуживание выполняют и другие очень важные функции

(информационная, помощь учению, форма отдыха). Но книги дают и нечто большее. Они могут иметь для читателя подлинно личностный смысл: утешать, воодушевлять, помогать лучше понимать себя и других. Известно, что вовремя прочитанные книги оказывают влияние на само формирование личности. Без книг жизнь становится духовно беднее и в чем-то более трудной. Этому не могут не знать те, кто выдает книги читателям, особенно в детские руки. Об этом заходила речь и в представленных статьях.

Для понимания роли и значения библиотерапии, о которой шла речь в данной части книги, нужно не упускать из виду условность этого термина. Здесь «терапия» не обязательно означает лечение. Литературно-художественные произведения могут быть значимыми в педагогическом, воспитательном плане и именно этим оказывать благотворное влияние на психику. Когда книга духовно развивает и тем самым позволяет справляться с некоторыми внутренними противоречиями, гармонизирует душевную жизнь, то к чему это относится больше - к воспитанию или лечению? По-видимому, в библиотечном деле могут быть одинаково полно выражены как воспитывающая, так и оздоравливающая стороны библиотерапии.

В третьей части речь идет об одной конкретной сфере применения библиотерапии, а именно - при лечении людей, страдающих нарушениями речевого общения (логоневроз в форме заикания). Имеются в виду лица с сохранными речевыми органами, но подверженные нервным состояниям, с которыми не удастся справиться. Их речевые недостатки во многом обусловлены психическими состояниями, связанными, например, с опасениями неудачи при произнесении нужных звуков, слов, фраз, а также с такими чертами характера, как тревожность, торопливость, слабость воли, недооценка себя, застенчивость и др. Данная часть книги знакомит со способами реабилитации их личности и речи. Рассматриваемый здесь библиотерапевтический подход включен в систему комплексного метода оздоровления заикающихся.

Этому направлению работы положила начало четверть века назад доктор психологических наук Ю.Б. Некрасова. В ее статье, открывающей данную часть книги, указаны те прогрессивные подходы к проблемам личности, получившие признание в психологии и медицине, которые легли в основу создававшейся логопсихотерапии (ею введенный термин). В статье кратко представлена сама система работы с указанной категорией лиц: групповая форма занятий, четыре этапа работы (в том числе – сеанс эмоционально-стрессовой терапии); основное внимание уделено использованию библиотерапевтического подхода. Подробнее описан предварительный, начальный период, длящийся полгода - когда заикающиеся подростки и взрослые получают индивидуальные задания прочесть определенные художественные произведения и написать о своих впечатлениях (подбирались книги, которые были бы значимы для лиц с переживаниями по поводу своего недуга, могли бы "задевать за живое"). Так будущие пациенты вступали в заочный диалог с психотерапевтом, сообщали о своем отношении к прочитанному, о возникавших у них ассоциациях и соображениях, и, конечно же, не могли не задумываться о том, как это будет воспринято адресатом.

Такая необычная форма библиотерапии – контакты с пациентом «через книгу», предваряющие личное знакомство, - оказалась весьма эффективной. Заикающиеся заранее настраивались на собственное участие в лечении. Особенности реагирования пациентов на книги давали психотерапевту важную информацию об индивидуальности больного. Представленный в статье анализ основных функций библиотерапии указывает на широкие возможности использования такого подхода.

Последние 10 лет логопсихотерапевтическую работу возглавляет ученица и последовательница Ю.Б. Некрасовой доктор психологических наук Н.Л. Карпова. За эти годы возросло внимание к роли семьи пациентов, - родители и другие члены семьи стали вовлекаться в лечебный процесс в качестве его постоянных участников. Так, на пропедевтическом этапе и родители должны прочитывать определенную часть рекомендуемых пациентам книг и давать на них свои письменные отзывы, они активно участвуют в работе и на всех последующих этапах социореабилитации. Это очевидным образом содействует взаимопониманию между членами семьи и тем самым создает благоприятную атмосферу для заикающихся. Существенно, что возрастной состав групп расширился: вместе со взрослыми и старшими подростками, как это было

раньше, теперь в логопсихотерапевтические группы включают и заикающихся младших школьников. Семейно-групповые занятия воспринимаются всеми участниками как психологически очень естественными и оказываются наиболее эффективными. В таких группах возникают новые возможности для вызывания и продления саногенных (оздоравливающих) состояний, что содействует коррекции и укреплению определенных личностных свойств. Влияние на личностную сферу с целью помочь реабилитации в общении, мобилизация собственной активности пациентов – главное, на что направлена вся система работы.

Статья Н.Л. Карповой знакомит с этим новым периодом в развитии логопсихотерапии. Здесь показано, что понимание заикания как невротического состояния требует особого внимания к жизни в семье, где пациенты больше всего проводят времени и где близкие люди могут либо тактично смягчать проявления недуга и связанные с ним трудности, либо, наоборот, усиливать их болезненность, делать их травмирующими. Указывается, что от психологической атмосферы в семье зависит не только самочувствие заикающихся, но и то, насколько успешно пойдет оздоровление, закрепится ли достигаемый успех и велика ли будет вероятность рецидива. Раскрываются также значение и специфика семейного чтения как реального средства влияния на взаимоотношения в семье. Имеется в виду не обязательно совместное чтение вслух: ведь и когда читают порознь одни и те же книги, обычно возникают разговоры-обсуждения, позволяющие лучше понять друг друга и почувствовать то общее, что сближает. Такая библиотерапия – «лечебное средство», полезное не только для пациентов, но и для других членов семьи, – одна из существенных характеристик нового этапа развития логопсихотерапии.

Статья дает также представление о расширении способов применения библиотерапевтического метода. Так, в ходе самих групповых занятий представители разных семей обмениваются мнениями о содержании прочитанных произведений, об отдельных персонажах, спорят по поводу вычитанных мыслей и их формулировок; иногда – включаются в подготовку к театрализованному представлению по прочитанной пьесе или книге, и под этим углом зрения по-новому вникают в текст. В статье рассматривается и сама динамика лечебного процесса. Показано, что кроме выделенных прежде функций библиотерапии (прежде всего прагматических - помогает диагностике, настраивает на лечение и даже лечит, подключает к общению) большего внимания к себе требует и функция общеличного развития. Накопленный опыт позволил утверждать, что приобщение к художественной литературе, установка на вдумчивое вчитывание в текст и на чувствительность к его эмоциональной стороне, расширяя кругозор и побуждая к самоанализу, - очень действенное средство лечебного воспитания.

Статью Н.Л. Карповой дополняет статья А.Д. Яковистенко, которая знакомит с некоторыми особенностями использования библиотерапевтического метода в логопсихотерапии. Здесь рассматривается системность подбора заданий и взаимообусловленность всех сторон применения этого метода. Указывается, что библиотерапия содействует развитию у лиц с логоневрозом потребности в творческой самореализации, что выступает, в частности, в творческом подходе к самому «лечению книгой». Показано принципиальное значение именно семейно-групповой формы работы. Уже накопленный опыт свидетельствует, что в каждой из создаваемых групп – на основе разработанной системы занятий, включающей на всех этапах библиотерапию, - возникает атмосфера дружеского коллектива, особой общности, вовлекающей каждого в активное преодоление недостатка речевых коммуникаций. Здесь накапливается очень ценный для логоневротиков положительный опыт общения. Значительный интерес представляют и приводимые в статье сведения о том, как помогает логопсихотерапевту библиотерапевтический метод: при выявлении особенностей личности пациентов и членов их семей, а также при подборе оптимальных лечебно-воспитательных воздействий.

В статье Н.А. Ситниковой (с кратким предисловием Н.Л. Карповой) использование библиотерапевтической методики рассматривается не только с точки зрения библиотерапевта, но и с позиции пациента (сама автор статьи – бывшая заикающаяся, излечившаяся, ставшая практикующим логопсихотерапевтом). Данный текст вообрал в себя воспоминания о переживаниях и размышлениях, связанных с прочтением книг, рекомендуемых на пропедевтическом этапе лечения. Автор пишет не только о себе. Приводимый в статье обзор работ заикающихся дает яркое

представление о некоторых сторонах их внутреннего мира: переплетающихся у них тягостных переживаниях, надеждах и возвышенных устремлениях. Представленные материалы указывают, в частности, что для лиц с нарушениями речевого общения характерен углубленный интерес к свойствам личности, своим и других людей. Взгляд на библиотерапию со стороны тех, к кому ее применяют, как бы «изнутри» представляет большой психологический интерес. Содержательность этой статьи, ее убедительность окрашены своеобразным лиризмом: автор пишет о том, что осмысливает как специалист, и что было им самим пережито.

В статье А.А. Афрюткиной анализируется психологический механизм *проекции*, т.е. непрямого, невольного обнаружения в текстах пациентов личностных ценностей и устремлений. Показано, что выполняемые библиотерапевтические задания могут давать в этом отношении ценнейший материал для психотерапевта. Благодаря получаемым откликам заикающегося на определенные художественные произведения удается судить об его индивидуальных особенностях и находить оптимальный подход к его личностной, реабилитации. Выясняется, что именно в проективной функции - один из секретов высокой информативности и лечебной эффективности библиотерапевтической методики (в системе логопсихотерапии).

Две следующие статьи посвящены вопросам диалогического подхода к библиотерапии. Т.В. Мордовцева прежде всего останавливается на историческом развитии самого понятия «диалог». В настоящее время в гуманистической психологии и философской антропологии этот термин указывает на личностный характер общения, в отличие от взаимодействия, сводящегося к исполнению социальных ролей и функций. Особый аспект термина - внутренний диалог, споры с самим собой. В диалоге личность выражает себя, вступая в общение с другой личностью; при этом участники диалога равноправны. В статье вводится понятие «диалогический статус», означающее право иметь собственную позицию и готовность выслушивать другого, предполагающий уверенность в себе, чувство собственного достоинства. Отмечается, что такие личностные качества являются условием восстановления речевого общения и что на их развитие как раз и направлена логопсихотерапия. В статье указывается, что библиотерапевтическая методика, приобщая к определенным художественным произведениям, вызывает у пациентов мысли и чувства, имеющие для них важный личностный смысл, и что это побуждает их активно вникать в текст, мысленно вступать в общение с героями книги, с автором. Так, для заикающихся может становиться близкой, а затем и привычной – диалогическая позиция. Отмечается, что методика позитивно влияет в том же направлении и на членов семьи пациентов.

И.В. Янченко также исходит из принятого в логопсихотерапии понимания заикания как нарушения личностно-психологических основ общения. В статье представлены те методологические обоснования, согласно которым на передний план выдвигается проблема диалога. Эти теоретические установки подкрепляются большой эмпирической работой. Показано, что библиотерапевтическая методика не только вовлекает пациентов в диалог (поначалу с героями художественного произведения, с его автором, с психотерапевтом), но и каждая из ее функций в лечебно-воспитательном процессе содействует восстановлению нарушенного диалогического общения. Указаны также некоторые внутренние и внешние предпосылки эффективности библиотерапии, в их числе, едва ли не в первую очередь, - диалог с ближайшим окружением пациента.

Статья А.Ю. Кругликовой обобщает опыт работы с заикающимися подростками, включенными в группу взрослых пациентов. Использование библиотерапевтической методики в таких условиях затрудняется тем, что младшим подросткам (10-12 лет), да и подросткам постарше (13-14 лет) еще нужно приучиться к более полному и углубленному восприятию художественных произведений. Соответственно была адаптирована инструкция к библиотерапевтическим заданиям, и особое внимание уделялось семейной ситуации таких пациентов. По-видимому, вся психологическая атмосфера в разновозрастной группе приводит к личностному росту самых юных ее членов, поднимает на новый уровень их отношение к чтению, чувствительность к прочитанному. Такой результат отчетливо достигается в ходе логопсихотерапии. Как указывается в статье, пациенты подросткового возраста уже соотносят образный мир книг с тем, что им известно о реальной жизни, задумываются над поступками литературных героев и их

взаимоотношениями, представляют себя в их обстоятельствах. Тексты вызывают у них эмоциональный отклик. Для них чтение – уже повод мысленно обратиться к собственным проблемам. Так происходит становление их как размышляющих, углубляющихся в текст читателей, что в свою очередь содействует большей вовлеченности в учебно-лечебный процесс, в борьбу за свое оздоровление. Выясняется, какую важную роль при этом играет семейное чтение, приводящее к сближению, большему взаимопониманию детей и родителей. По мере прохождения библиотерапевтического курса обнаруживается улучшение речи. Так что применение логопсихотерапии к заикающимся в переходном возрасте, при определенных условиях, оказывается весьма эффективным.

Статья Н.В. Глуховой знакомит со своеобразием применения методики библиотерапии к детям дошкольного возраста. Речь идет о так называемой сказкотерапии. Сказка - вид художественной литературы, доступный и увлекательный для маленьких слушателей. Содержание сказок не только развлекает малышей, но и заставляет их задумываться, сопереживать. Сказки несут в себе большой воспитательный потенциал. На этом и основывает автор статьи свою логопсихотерапевтическую работу в условиях детского сада. Была взята установка на коррекцию речи заикающихся детей путем воздействия на особенности их личности, например, имелось в виду преодоление заниженной самооценки, нерешительности, застенчивости и т.п. Для этого проводилось включение детей в различные формы активного реагирования на содержание сказок: обсуждение-споры о смысле сказки, право по-своему изменить судьбу ее персонажей, игры-драматизации по мотивам сказки и проч. Все это развивало эмоциональную сферу детей, делало их более отзывчивыми, придавало большую уверенность в себе. При этом у них ярко выступало творческое начало, отличающее этот возраст, и очень заметно обнаруживались индивидуальные особенности ребенка. Приобщение к сказкам происходило при обязательном участии и помощи родителей. Постепенно маленькие пациенты обретали большую самостоятельность, в их общении становились менее выраженными личностные "тормоза". В результате подтвердилось, что сказкотерапия может выполнять такие важные функции, как диагностическая и терапевтическая. Таким образом, показано, что библиотерапевтическая методика (в ее адаптированном варианте) может найти себе применение уже в самые ранние возрастные периоды нарушения речевого общения.

Статья Е.З. Загородниковой (логопеда, матери 12-летнего пациента, прошедшего курс семейной групповой логопсихотерапии) - это размышления о методе библиотерапии заинтересованного и компетентного человека. Сообщается, как нужны, полезны рекомендуемые книги для тех, кто опекает и воспитывает пациентов в семье: они прибавляют мудрости и чуткости, помогают лучше понять переживания, связанные с речевым недугом и с трудностями его преодоления. У автора статьи также был удачный опыт работы по методу библиотерапии с родителями детей, занимающихся в логопедической группе детского сада.

В конце данной части книги - статья Н.В. Янченко о возможности формализованной обработки библиотерапевтического материала. Дело в том, что истолкование отзывов пациентов – непростая задача, и здесь психотерапевту важно не допускать субъективности оценок. Автор статьи предлагает для повышения их достоверности и доказательности использовать метод *контент-анализа*: это подсчет частоты упоминания *смысловых единиц*, выделяемых на основе определенных категорий и подкатегорий, выражающих содержание текста. Процедура этого метода предусматривает, что путем *кодирования инструкции* происходит перевод выявляемых характеристик текста в цифровое выражение; далее следует статистическая обработка полученных данных. Проведенное пробное применение контент-анализа указывает на достоинства такой обработки количественных и качественных показателей. По-видимому, здесь открывается перспектива повышения объективности и строгости методики - подъема на более высокий научный уровень.

Все статьи этой части книги, имея общую основу - теорию и практику логопсихотерапии - представляют собой определенное единство: они с разных сторон и на разных возрастах выясняют роль литературно-художественных произведений как возможного средства (в системе других методик) избавления от заикания. При этом исходным является понимание заикания как дефекта,

связанного с нарушением полноценного диалогического общения, т.е. обусловленного личностными чертами. Считается также, и обосновано большим эмпирическим материалом, что эмоциональные и образно-смысловые воздействия специально подобранных книг могут оказывать влияние не только на психические состояния, но и на изменение личностных особенностей. Последнее подтверждается многими фактами реабилитации заикающихся. Это происходит в значительной мере благодаря библиотерапевтической методике (в условиях семейной групповой логопсихотерапии). Здесь особенно заметно, что цели (преобразованию личностных свойств) соответствует средство (методика влияния на личность). И здесь выступают в единстве воспитательная и исцеляющая роли библиотерапии.

В Приложении к третьей части даются библиотерапевтические работы участников групп семейной логопсихотерапии с комментариями Н.Л. Карповой.

Эта книга – первая попытка представить сводку ряда конкретных работ, ведущихся в области библиопсихологии и библиотерапии. В отечественной психологической науке и в «библиотечном деле» (выражение Н.А. Рубакина) получили признание методологические установки, согласно которым чтение книги, особенно литературно-художественных произведений, – это прежде всего выражение личности читателя, устремленного к диалогическому общению. Соответственно, в библиопсихологии – в центре внимания взаимодействие, общение читателя с текстом, а в библиотерапии – использование такого общения в лечебно-воспитательных целях.

Различие между тремя частями книги – весьма условно. В каждый из них идет речь о психологии читательского восприятия (библиопсихология), и в каждой, в той или иной мере, – о гармонизирующей психику функциях чтения (библиотерапия). И все же: статьи первой части – в основном о самих психологических механизмах восприятия текста (главным образом – на разных этапах детства), второй – преимущественно о развитии и воспитании посредством книг, третьей – прежде всего, о влиянии рекомендуемых психотерапевтом книг на личностные черты (на примере лиц, страдающих логоневрозом). Части книги, дополняя друг друга, могут давать общее представление о направленности проводимых здесь работ. Современную культуру с ее усложняющимися проблемами образования и возрастающими нагрузками на психику нельзя представить себе без внимания к библиопсихологии и библиотерапии. Цель предлагаемого издания – помочь начальному знакомству с этой областью знания.

(Опубликовано: Библиопсихология и библиотерапия / Ред.: Н.С. Лейтес, Н.Л. Карпова, О.Л. Кабачек. – М.: Шк. библиотека, 2005. – С. 7-25.)

Карпова Н.Л., Лейтес Н.С., Голзицкая А.А., Ситникова Н.А. О НЕКОТОРОЙ ТИПОЛОГИИ УЧАСТНИКОВ ЛОГОПСИХОТЕРАПИИ*

Примером распространенного заболевания, глубоко затрагивающего личностную сферу человека, является нарушение речевого общения в форме заикания, – подтверждением тому служит описание многими авторами (Асатиани Н.М., Глозман Ж.М., Карвасарский Б.Д., Мясичев В.Н. и др.) целого ряда личностных расстройств данного контингента пациентов, поэтому лечение тяжелых случаев заикания имеет более широкое значение, чем просто восстановление нормальной речи. Здесь решается проблема, говоря словами В.Н.Мясичева, «лечебного перевоспитания» невротической личности – ее творческой адаптации и перспективного развития с новой речью.

Систему социореабилитации для многократно и безуспешно лечившихся от заикания подростков и взрослых (14-40 лет) с начала 60-х годов XX века на основе метода сеанса эмоционально-стрессовой психотерапии К.М.Дубровского создавала и в течение более 30 лет успешно апробировала на практике Ю.Б.Некрасова (10). Разработанная ею система групповой логопсихотерапии состоит из четырех основных этапов: I – пропедевтический (лечебно-

* Данное исследование – один из аспектов коллективного исследовательского проекта «Семейная групповая логопсихотерапия как средство преодоления логоневроза (заикания)» (грант РГНФ 04-06-00269а - рук. Н.Л.Карпова).

подготовительный) длится не менее полугодом, строится на авторской динамической психотерапевтической диагностике, в основе которой - метод библиотерапии (лечение направленным чтением); II - сеанс эмоционально-стрессовой психотерапии по К.М.Дубровскому, где за 1,5 часа происходит «снятие» симптомокомплекса заикания во фрустрирующей ситуации - перед зрительным залом; III - активная групповая логопсихотерапия: в течение 2-3 месяцев проводятся ежедневные 8-9-часовые комплексные занятия; в последние годы ею был введен IV этап - контрольно-поддерживающая логопсихотерапия – он проводится полгода спустя после основного лечебного курса, длится две недели и повторяет на новом, более высоком уровне основные элементы, приемы и методы групповой логопсихотерапии.

С конца 80-х годов мы развиваем данную методику в направлении семейной групповой логопсихотерапии (5, 6), активно привлекая к процессу «лечебного перевоспитания» на всех этапах родителей и родственников пациентов (теперь в группе участвуют заикающиеся от 8 до 45 лет). Это позволило сократить этап активной логопсихотерапии до полутора месяцев. Но так же как и 40 лет назад постоянно возникает вопрос об эффективности методики.

Заикание, представляя собой особую форму невротического нарушения общения, в основе которого лежит функциональное расстройство речедвигательного механизма, провоцируется и закрепляется дисгармоничными отношениями в семье и, в частности, неадекватным отношением к самому речевому дефекту. В.Н.Мясищев подчеркивал: «Невроз представляет собой болезнь личности еще и потому, что нигде, как в неврозе, с такой полнотой и выпуклостью не раскрывается перед исследователем личность человека, нигде так убедительно не выступает болезнетворная и благотворная роль человеческих отношений, нигде так ясно не выступает уродующая и целительная сила воздействия, не сказывается с такой отчетливостью роль созданных людьми обстоятельств. Поэтому область борьбы с неврозами - это область пограничная между педагогикой и медициной» (8, с.205).

Анализируя причины больших или меньших успехов и неудач участников наших разновозрастных групп, в которых также занимаются родители и родственники пациентов, необходимо учитывать их (заикающихся) индивидуально-психологические особенности, от которых зависит успешность выполнения всех разнообразных видов предлагаемой логопсихотерапией деятельности. Наши пациенты обнаруживают разную восприимчивость, разную обучаемость, как бы разные способности к работе по преодолению своего недуга.

Эти очень значимые для лечения индивидуальные особенности включают в себя как более общие данные (интеллектуальные, физические, эмоциональные), так и более специальные, (связанные с отдельными анализаторами). Именно единство общих и специальных свойств пациента – в их взаимопроникновении – обуславливает подлинные его возможности.

В свое время Б.М.Теплов, решительно выступая против недооценки значения индивидуальных различий между людьми, в само определение понятия «способность» ввел утверждение, что это индивидуальная особенность, отличающая одного человека от другого. При этом способности «не сводятся» к знаниям, навыкам и умениям, то есть не могут быть просто заданы извне, так как предполагают и собственно внутренние индивидуальные предпосылки развития, поэтому не может быть равенства по способностям: они всегда несут на себе печать индивидуальности.

В центре внимания логопсихотерапии – именно индивидуальность пациента. В основе методики – опора на положительное начало в человеке, выявление неповторимых черт и особенностей его личности. Рабочим термином стало введенное Ю.Б.Некрасовой понятие «портрет неповторимости». При этом первостепенное значение придается «внутренней картине здоровья» (10), которая не может быть полностью замаскирована признаками болезни.

Диагностирование индивидуальных различий играет очень важную роль на каждом этапе методики. Разработка системы комплексного диагностирования включает в себя тестирование: мы используем фрустрационный тест Розенцвейга, шкалу тревожности Тейлора, шкалы самооценки эмоциональных состояний Рикса-Уэссмана, тест эмоциональной направленности А.Додонова, рисуночные тесты и др. Эти тесты направлены на измерение

отдельных черт личности: тревожности, ригидности, характера реагирования на фрустрирующие ситуации. Используются, кроме того, специальные опросники для выяснения ситуации семейного развития, места и предпочитаемой роли пациента в различных социальных группах, а также для диагностики готовности его к работе в логопсихотерапевтической группе и др.

Особенно большое значение в комплексной диагностике принадлежит авторской методике, разработанной Ю.Б.Некрасовой – динамическая психотерапевтическая диагностика, в основе которой – библиотерапия (9): пациенты должны прочесть специально подобранные литературные произведения (предлагаемые в определенной последовательности) и дать на них письменные отзывы; обнаруживающиеся в этих отзывах различия в восприятии художественных текстов дают возможность судить о некоторых существенных особенностях индивидуальности пациентов, позволяют уловить тонкие оттенки человеческих качеств; к тому же художественные тексты пробуждают психические состояния, которые могут быть целебными для пациентов. Все библиотерапевтические произведения предлагаются «в связке» с определенными тестами и опросниками, которые дополнительно высвечивают значимые психофизиологические характеристики испытуемого.

Таким образом, для нас диагностика индивидуальных различий – это не просто выявление уникальности человека, его отличий от других, но и установление тех черт его личности, в которых заложена «программа выздоровления».

Для составления «портрета неповторимости» применяются и такие методики, как «Речевой дневник», «Самохарактеристика», развернутые интервью и беседы с участниками групп и их родителями, опросник для выпускников логопсихотерапевтической группы, используется также метод компетентных судей и др.

Здесь отметим, что Б.М.Теплов, специально разбирая методы психологии и подчеркивая ограниченность возможностей самонаблюдения, указывал, что проникнуть в свойства личности, изучить ее индивидуальные особенности можно только опосредованно: человек отдает себе отчет о своем темпераменте, характере, способностях, интересах на основании тех же показателей, которые позволяют другим людям судить о нем, в первую очередь по тому, как он ведет себя в тех или иных ситуациях, что и как он делает. Подобно тому, как установление медицинского диагноза есть дело врача, а не больного, хотя последний может многое рассказать о своем самочувствии, так и суждение об индивидуальных особенностях человека – компетенция психолога, квалифицированно использующего отчеты самонаблюдений лишь как материал для анализа.

Мы все это не упускали из виду, стремясь обеспечить объективность и надежности диагностирования. Учитывалось, что высказывания и оценки пациентов не всегда следует понимать буквально, они могут быть «проекцией» определенных внутренних трудностей и противоречий, поэтому, как уже было сказано, библиотерапевтические задания даются в «связке» с теми или иными тестами и опросниками. При выявлении индивидуальных различий много внимания уделялось методу наблюдения и сопоставлению сведений из разных источников. Также использовались видеозаписи занятий и киноматериалы.

Многосторонность проведенного анализа позволила получить подлинно личностные характеристики. При этом мы разделяем представления дифференциальной психологии о преимущественном значении *качественного подхода* к индивидуальным различиям.

Познакомимся с отдельными участниками логопсихотерапевтических групп.

Ниже представлены три пациента – из числа наиболее успешных (их отличает то, что по окончании лечебного курса они стали бывать на занятиях последующих групп с целью помощи новичкам). Все трое проходили курс логопсихотерапии в разных группах и были разного возраста; ни у кого из них по линии наследственности отягощающих влияний (психических заболеваний, заикания или алкоголизма) не было. До прихода в группу они уже неоднократно лечились от заикания без особых результатов.

На этих конкретных примерах можно видеть значение некоторых внутренних условий для успешного выполнения социореабилитационной деятельности в рамках групповой логопсихотерапии.

ДАВИД – инженер, 25 лет, заикание тяжелое. Вырос в благополучной семье, - родители инженеры, есть младшая сестра. Из анамнеза: родился ослабленным, гуление и лепет появились вовремя и к 9 месяцам освоил первые слова: «мама», «папа», «дай», «на». Но вскоре тяжело заболел и почти до 2-х лет новые слова в речи не появлялись. Откликался и понимал все, что ему говорили, но к взрослым обращался с помощью жестов. В 2 года появилась непонятная для окружающих, быстрая, косноязычная речь. Логопеды предсказывали заикание, и к трем годам, когда речь стала разборчивей и богаче, диагноз – заикание - был поставлен.

Родителей это очень волновало, и с 5 лет Давида отдали в логопедический детский сад, где в основном работали с дефектом произношения. Специалисты-логопеды исправили Давиду некоторые звуки, он стал говорить разборчивее, но заикание усилилось. Поведение мальчика характеризовалось повышением эгоистичности и агрессивности. Он часто обижался и плакал. Если не знал, как справиться с обидчиком посильнее, кусался и махал кулаками. Без восторга воспринял рождение младшей сестры и братской нежности к ней в первые годы не проявлял.

По словам родителей, уже с семилетнего возраста Давид проявлял «чудеса организованности»: сам обедал, ничего не терял, имел определенные обязанности по дому - забирал сестру из детского сада, выносил мусор. Но если что-то не хотел делать, заставить было сложно. В младших классах с учительницей не повезло: из-за заикания она считала мальчика отсталым и предлагала родителям отдать ребенка в специальный интернат. Но постепенно Давид учился все лучше, - были некоторые проблемы с русским языком, но быстро читал, хорошо ориентировался в математике.

Никогда не жаловался, что из-за заикания ребята его дразнят, но в общении с одноклассниками был резким, недружелюбным, выясняя все отношения с помощью кулаков, палок, клюшек. Возможно, такие отношения складывались из-за стремления быть первым - рано выявившаяся его характерная особенность, - а это не всегда удавалось. Проигрыши в игре в самой безобидной обстановке доводили его до слез, а то и до истерики. *«В более позднем возрасте, да и сейчас, я стараюсь избегать те игры, где я не на высоте, и тех соперников, которые играют сильнее меня»* (из теста «Лидерство»).

Особенно тяжело Давиду было на уроках, когда его спрашивали неожиданно. Учителя при этом делали замечания за болтливость на перемене и “затяжные” ответы у доски. В итоге появился страх не просто «заикливой» речи, а речи вообще. В школу идти не хотелось, но занятий он не пропускал. Родители в этот период, стараясь помочь сыну, по совету логопедов также часто поправляли его, но реакция была однозначной: слезы, агрессивность и грубость. В классе его считали одним из главных драчунов. Драки были для него средством защиты от унижений, зачастую связанных с дефектом речи.

В подростковом возрасте Давид придумал собственную методику совладания с заиканием: он продумывал всю канву любого предстоящего разговора или ответа на уроке, проигрывал вариации темы, проговаривал предполагаемые вопросы-ответы за себя и за собеседника (как тут не вспомнить «феномен Демосфена» - оратора, который подобным образом тщательно готовил каждую свою речь). Но такая «подстраховка» отнимала массу времени и физических сил. Зато приобреталась некоторая уверенность, что при достаточной подготовленности он может неплохо говорить.

Дружбы с ровесниками в этот период фактически не было, - отношения, в лучшем случае, ограничивались приятельским формальным общением. То ли дело компания взрослых! Родители брали мальчика с собой в походы и поездки, где он учился плавать на байдарках, замечать и ценить прекрасные пейзажи. Здесь речь улучшалась сама собой, а общение с интересными, умными и творческими людьми, друзьями родителей, придавало уверенности в себе, стимулировало желание добиваться в жизни всего самому.

В 6-ом классе Давид перешел в математическую школу. Новые условия изменили его представления об учебе, о дружбе, о себе. Преподаватели целенаправленно готовили учеников к поступлению в ВУЗы и уровень требований был высоким, но для Давида это не составляло труда. Учиться хотелось. Класс, в который попал Давид, был сборный из разных школ, поэтому новичком себя не чувствовал никто. Он быстро завоевал авторитет у одноклассников, и на его недуг почти никто из них не обращал внимания. В этот же период началась настоящая мальчишеская дружба, которая продолжалась многие годы после школы. В общении с друзьями был раскован и не стеснялся говорить. Дома также чувствовал себя более спокойно и уверенно. Познакомившись позднее с автобиографическим романом Алана Маршалла “Я умею прыгать через лужи”, Давид с восхищением писал в анализе этого романа, явно соотнося его содержание со своим отрочеством: *«Превозможная боль, Алан начинает вести активный образ жизни, стараясь всячески не уступать своим сверстникам, а во многом превосходить их, учится мужественно переносить боль, закалять душу и волю перед ударами судьбы... Искалеченное тело не должно отложить отпечаток и на душу. Только поднявшись духом выше телесного недостатка можно рассчитывать, что люди примут тебя как равного... И нет препятствий для сильных людей»*.

После школы Давид поступил в технический ВУЗ, где учился довольно легко. Говорил с переменным успехом, но сильных переживаний по этому поводу уже не было. Стал активнее в общении, увереннее в речи, хотя проявлял нетерпение и раздражительность, когда не успевал заранее “обыграть” ситуацию. Даже в общении с девушками мог направить разговор в нужное ему «проработанное» русло.

Но речевые проблемы все же тревожили его и его семью, и после первого курса он прошел курс лечения в стационаре Ленинградского Института речи: улучшения не было. Отношения Давида с окружающими в этот период можно назвать дифференцированными: хорошо знакомых людей, относящихся к нему заведомо уважительно, он воспринимал спокойно, с интересом, мог долго общаться с ними, шутить, не думать о своем речевом и личностном статусе. Людей малознакомых и незнакомых воспринимал с некоторой степенью недоверия и даже с опаской. С людьми, стоящими выше по интеллекту и занимаемой должности, чувствовал себя неуверенно, а то и подавленно; такое отношение к этим людям было вызвано, пожалуй, осознанием некоторой своей неполноценности. В опроснике «Самохарактеристика до лечения» Давид вполне самокритично писал: *«Стремление скрыть свою неуверенность и самоутвердиться приводит к подавленному настроению. С друзьями этого состояния нет, потому что мне нечего им доказывать, и наши отношения основаны на равенстве»*.

Поведение и поступки Давида в студенческом возрасте были зачастую импульсивны. При хорошем расположении духа, при достижении успехов он был весел и добр ко всем, а при неудачах отличался резкой сменой настроения, нервозностью, становился критичным и нетерпимым к чужим слабостям. При этом хорошие искренние отношения с родителями и изменившаяся их тактика по отношению к речевому недугу (они теперь не привлекали к нему внимание) также способствовали его дальнейшему речевому «раскрепощению».

По окончании института Давиду предлагали поступить в аспирантуру, но он пошел работать на производство, чтобы помогать своей семье. В начальный период работы заикание резко усилилось, поскольку должность сменного мастера требовала, с одной стороны, четко ставить задачу рабочим, а с другой - находить общий язык с руководством. Опыта гибкого общения еще не было, а самолюбие было большим и болезненным. По-видимому, успех Давиду нужен был не в речи как таковой, а во взаимоотношениях, где речь присутствует. И все это происходило в ситуации тяжелой физической нагрузки: работа в разные смены, часто - в ночную, рабочие субботы. Физическое переутомление приводило не только к ухудшению самочувствия, но и к речевым спадам.

О методе лечения заикания Ю.Б.Некрасовой Давид узнал от мамы, которой передали информацию ее знакомые. Пройдя консультацию в НИИ Общей и педагогической психологии АПН СССР (ныне Психологический институт РАО), Давид поначалу не загорелся идеей «чудодейственного исцеления»: *«Так не бывает – считал он, - а если бывает, то не со мной»*. Да и дополнительных усилий прикладывать не хотелось, - жизнь уже вошла в какое-то относительно постоянное русло, хватало проблем и без лечения... Через несколько месяцев после консультации он получил приглашение на просмотр сеанса эмоционально-стрессовой психотерапии и пошел на него под давлением мамы, с чувством недоверия и предвзятости. Даже выступления перед сеансом излечившихся были, на его взгляд, не убедительны.

Но то, что он увидел далее, не укладывалось ни в какие математические формулы и расчеты: *«Сеанс меня поразил. Люди, которые в начале сеанса не могли произнести ни слова, к концу его - заговорили!.. Я был потрясен увиденным и услышанным»*, - написал Давид в своем отзыве, в котором не только описал свои впечатления, но и разложил на составляющие всю канву сеанса с формулировкой каждого действия ведущего и подчеркнул, что напряжение, которое он испытал во время сеанса, было таким сильным, будто он сам стоял на сцене.

Окончательно укрепила его желание лечиться именно этим методом книга А.Б.Добровича «Общение: наука и искусство», - он понял, что нужно исправлять не только речь, но и свой подход к восприятию себя, коллектива, межличностных отношений. Он поверил, что заикание излечимо.

Курс логопсихотерапии Давид проходил в возрасте 25 лет. Групповые занятия продолжались в течение трех месяцев. О заикании и о речи никогда отдельно не говорилось, но тема речи постоянно присутствовала во всех элементах занятий: в работе над дыханием, над голосом, в психотерапевтических беседах об обидах, страхах, о проблемах личностного роста. Особо интересными и полезными для себя Давид считал организованные Ю.Б.Некрасовой встречи с людьми, сумевшими преодолеть все препятствия на пути нормального человеческого общения и самореализации (в частности, встречу со знаменитым спортсменом Ю.П.Власовым, сумевшим и после серьезнейшей травмы добиваться мировых рекордов). Такие встречи-беседы превращались в занятия по тренировке воли, выстраиванию планов преодоления собственных трудностей, созданию для себя методики самореабилитации.

Способность к систематической работе, организованность, целеустремленность помогали Давиду создать необходимый запас прочности в речи и содействовали дальнейшему развитию личности. Забота о технике речи не превалировала - главным стало другое: забота о регуляции своих состояний, о характере личностного общения.

В новые логопсихотерапевтические группы Давид приходил на занятия уже в качестве «старика» и с энтузиазмом помогал всем.

Как видно из вышеизложенного, у Давида – сложный и во многом противоречивый характер. С детских лет ему свойственны высокий уровень притязаний, нетерпимость к неудачам; потребность в общении и вместе с тем большая избирательность по отношению к окружающим – трудность установления близких и дружеских отношений. Его отличают большое трудолюбие и организованность: он предельно добросовестно выполняет каждую работу. Ему присуще также умение планировать и распределять свои усилия, склонность к рационализации способов работы.

Для понимания того, почему и как ему удалось преодолеть недуг заикания, важное значение имеет и такая его особенность, как постоянное стремление к осознанию того, что с ним происходит во время речи - желание осмысливать свои переживания и состояния. Это проявлялось в том, как вдумчиво он относился к каждому элементу проводимых в группе занятий. В проникновении в суть методики логопсихотерапии он превзошел многих выпускников группы: он осознал, что главное – работа над своей личностью, овладение динамикой положительных психических состояний.

Существенно здесь и присущее ему повышенное чувство ответственности не только за результаты своего труда, но и за коллективное дело. Безусловно, глубокому пониманию и освоению методики ему помогло то, что он пришел в группу уже взрослым человеком, имевшим и некоторый опыт руководства трудовым коллективом. Он очень много работал над собой не только в ходе занятий в группе, но и по завершении лечебного курса. Трудно переоценить значение в речевой реабилитации Давида его чрезвычайной работоспособности.

НАТАША проходила курс групповой логопсихотерапии 18-летней студенткой фармацевтического института. Заикание было средней тяжести, началось с 3-х лет.

Наташа - первый ребенок в семье сельских интеллигентов: мать - преподаватель, отец - административный работник. Есть младшая сестра. Росла в спокойной обстановке, начала говорить в 1 год 3 месяца. Около трех с половиной лет девочка попала вместе с мамой в большой город, где была очень напугана движущимся громко звенящим трамваем, что, по-видимому, и стало причиной возникновения логоневроза. Перед поступлением в школу заикание усилилось, но девочка относилась к своей речи спокойно, не замечая трудностей.

В школе первая учительница деликатно выстроила отношения между детьми, и в классе ее никто не обижал. Сама она тоже не чувствовала своего дефекта, хорошо училась. В 10-летнем возрасте девочку направили на консультацию в областную больницу, где был поставлен диагноз: заикание тоно-клонического типа, невротическое, тяжелое. Однако по возрасту на лечение пока не взяли. Но она не чувствовала какой-либо ущербности, была общительной, расположенной к людям.

Со вступлением в подростковый возраст стала замечать, что собеседникам трудно на нее смотреть, они подсказывают ей слова, и теперь неудачи в общении она стала относить на счет заикания... Наташа трижды, во время летних каникул, лечилась в областной больнице в сурдологопедическом отделении. Были явные улучшения в речи, но в течение учебного года за счёт усталости заикание о себе опять давало знать.

В старших классах Наташа увлеченно училась (статус «отличницы» поддерживался без особого напряжения), активно участвовала в организации вечеров и концертов, но при этом сознательно занимала место «во второй шеренге» (из-за речевого дефекта). В эти годы заикание было переменчивым - усиливалось к концу года и учебной четверти, уменьшалось на каникулах.

После окончания школы Наташа поступила в ВУЗ на факультет фармакологии.

На первую консультацию к Ю.Б.Некрасовой в Психологический институт в Москве она приехала в возрасте 16-ти лет с отцом, и ее пригласили присутствовать в качестве зрителя на сеансе эмоционально-стрессовой психотерапии уже подготовленной группы. Сеанс произвел на Наташу сильное впечатление. Но после увиденного необходимо было еще проделать немалую работу (письменно выполнить ряд заданий), прежде чем самой встать на сцену в качестве участницы. Это произошло в 18 лет.

При анализе Наташиных работ подготовительного этапа можно отметить большой диапазон переживаемых ею состояний. Есть, например, такие выражения: “отчаяние”, “самое страшное - одиночество”. И вместе с тем - “большая радость”, “как здорово любить человека, с которым говоришь”. В ее текстах заметны лиричность и романтичность, но наряду с этим видны и настойчивость в работе, умение сосредоточиться.

...Сеанс для ее группы проходил на сцене «Театра на Таганке», при большом скоплении зрителей - специалистов, родственников, студентов. По признанию Наташи, она испытала чувство сопричастности к общему жизненно важному делу, и это придавало ей силы и уверенность в личном успехе. Потом начались ежедневные занятия по 10-12 часов в группе с очень разными по возрасту и статусу людьми, и ей это очень нравилось. Она сразу же вошла в новый коллектив, почувствовала себя здесь в своей стихии. Также большое впечатление производила работа «стариков», бывших пациентов, уже прошедших подобный курс и помогающих следующим группам.

После окончания курса и возвращения в институт изменения в ее тоне и в речи отметили многие, и она сама убедилась, что произошли не только улучшения в речи, но и перемены в самочувствии и мироощущении. Но она не удовлетворилась достигнутым, и уже сама продолжила работу по оздоровлению речи и налаживанию речевого общения, понимая, что «главное - не уйти в состояние заикающегося человека, не вернуться в «коросту заики»». Наташа нашла для себя удобный способ закрепления и развития того, что освоила в групповых занятиях: она стала настойчиво применять нужные приемы в процессе обычного разговора с окружающими людьми. Это позволило, по ее словам, «тренироваться, не упражняясь», не выделяя специально время на лечебные занятия. И методику она почувствовала «как единое целое».

Позже она стала одним из самых активных помощников руководителя групп семейной логопсихотерапии, проводя работу с группами в разных городах и самостоятельно.

Из изложенного выше видно, что Наташу с детских лет отличали умственная активность, общительность, нравственная чуткость. Она хорошо училась, часто была «заводилой» в общественной работе и развлечениях. Заикание мешало проявлениям ее деятельной энергии, приносило огорчения и обиды, но она всегда оставалась компанейской, тянулась к сверстникам.

В средних и старших классах, наряду с присущей ей романтичностью и мечтательностью, ее отношение к окружающей жизни и к самой себе становилось все более вдумчивым, углубленным, и к началу занятий в логопсихотерапевтической группе Наташа была уже достаточно самостоятельной, ищущей свою дорогу в жизни и внутренне настроенной на борьбу за нормальную речь.

В группе Ю.Б.Некрасовой она нашла для себя ту среду, к которой стремилась. В новом коллективе общий недуг делал всех близкими друг другу, а она всегда любила участвовать в общих делах, помогать другим. Ей очень нравилась именно групповая форма занятий, и неудивительно, что она оказалась одной из самых успешных и ценимых другими. Вполне естественным стало для Наташи и последующее приобщение к занятиям новых групп уже в качестве помощника логопсихотерапевта. В дальнейшем она стала не только самостоятельно вести занятия, но и проводить сеанс эмоционально-стрессовой психотерапии. Такая работа соответствует ее внутренней потребности, накопившемуся опыту и всему складу ее личности.

ПАВЕЛ - 18-летний студент-первокурсник технического ВУЗа. Заикание средней тяжести. Его родители – оба с высшим техническим образованием – расстались, когда мальчику было 6 лет, и с тех пор общение с отцом прекратилось. У Павла - врожденное недоразвитие правой ноги, но на «моторике» это не сказалось.

Заикание стало проявляться постепенно с 4-х лет, что, по словам врачей, было обусловлено «дисгармонией между темпом развития речи и мысли». Сначала небольшие ускорения, запинки в речи, затем повторения слогов и перенапряжение мышц лица. В 6 лет мальчик перенес сложную операцию, что усугубило заикание, и его отдали в логопедический детский сад, где до школы ему ставили звуки, но заиканием занимались недостаточно.

Павел воспитывался матерью и бабушкой, - обе они отличались энергичным, волевым характером и ребенку уделяли много внимания. Мама водила сына в театр, музеи, покупала книги по искусству и грампластинки. Мальчик рос наблюдательным, увлекался чтением и музыкой.

Первые два года учебы в школе заикание не было сильным (дошкольные занятия с логопедом дали результаты), но в 3-ем классе произошел инцидент: один из ребят резко ударил Павла в грудь, что вызвало у мальчика сильный испуг и очень повлияло на речь. Неделью он вообще не мог говорить, только мычал, потом речь постепенно восстановилась, но заикание усилилось. Вместе с тем он продолжал учиться на «отлично», занимался плаванием, лыжами, - можно сказать, что у него проявлялись волевые качества мамы. Заикание снова обострилось в связи со сменой школы. В седьмом классе Павел поступил в математическую школу. Учеба всегда давалась ему легко, но отвечать перед новыми преподавателями и товарищами было достаточно сложно.

Следует заметить, что повышенные ожидания матери Павла, по-видимому, уже стали и его внутренними критериями. Быть «средним» учеником его не устраивало, поэтому самооценка в новых условиях была переменчивой и неустойчивой, но он упорно старался «во всем дойти до сути». В старших классах активно стремился к общению – применял «приспособления к заиканию»: помощь рукой, употребление слов-связок типа «ну», «значит», подбирал заранее для некоторых ситуаций особый «режим речи».

После окончания школы Павел поступил в один из Московских технических институтов, в котором также хорошо учился, а к заиканию почти привык. В конце I-го курса Павел успешно прошел лечение у Ю.Б.Некрасовой, которая уже при первой встрече отметила, что он и без лечения может хорошо общаться, но юноша принял решение: занятия в группе обязательно пройти. Это свидетельствовало, с одной стороны, о том, что он не переставал чувствовать некоторую ущербность в отдельных ситуациях общения (даже в периоды улучшения), а с другой стороны - о его твердом стремлении освободиться от речевого недуга.

На сеансе эмоционально-стрессовой психотерапии, с которого фактически начались лечебные занятия, он удивительно точно запомнил все, что говорилось не только ему конкретно, но и каждому участнику группы. Своей главной задачей во время лечения Павел видел «контроль над речью при любых обстоятельствах» и особо важной считал победу над страхом общения с незнакомыми людьми.

По окончании курса логопсихотерапии Павел стал замечать изменения не только в речи, но и в чертах характера: «*Меня стало труднее вывести из себя, стал гораздо более спокойным и уравновешенным. Я сильно изменился, описать все изменения очень трудно*» (из Анкеты для выпускников).

Студенческие годы проходили активно и радостно: Павел играл на гитаре, ездил с друзьями на экскурсии и не переставал заботиться о совершенствовании своей речи. Через несколько лет его увлечение гитарой переросло

сложное взаимопереплетение биологического и социального, включая то, как та или иная психосоматическая особенность, информация или переживание воспринимается, оценивается и закрепляется сознанием и самосознанием самого субъекта. Памятуя, что внутренняя логика, «спонтанность» развития особенно отчетливо проявляются в «отклоняющихся» случаях - как при высоком уровне способностей, так и при отставании от нормального психического развития, - следует иметь в виду, что в ходе эффективного процесса социореабилитации у многих пациентов яркое проявление тех или иных способностей, ранее «задавленных» дефектом, помогает новому «рождению личности», ее самоактуализации, самопроявлению на качественно новом уровне (11).

Проведенное исследование также подтвердило известное положение о том, что достижения в деятельности зависят не только от способностей, но в большой степени и от волевых особенностей человека, который, активно откликаясь на требования деятельности, волевыми усилиями реализует, осуществляет себя в ней, что не может не зависеть от общей направленности личности.

Очень существенно признание ценности самых разных индивидуально-типических особенностей, обеспечивающих творческое выполнение деятельности, а то своеобразие, которое отличает одну индивидуальность от другой, является залогом ценности каждого человека для общества.

Таким образом, систематизация конкретных фактов, относящихся к особенностям реабилитационной работы, и психологический анализ самой логопсихотерапевтической деятельности открывают возможности подхода к изучению самых сложных, личностных условий успешности этой деятельности.

1. *Афрюткина (Голзицкая) А.А.* Проективная функция библиотерапии в методике логопсихотерапии //Библиопсихология и библиотерапия. Ред. Н.С.Лейтес, Н.Л.Карпова, О.Л.Кабачек. - М.: Школьная библиотека, 2005. – СС. 365 – 372.
2. Библиопсихология и библиотерапия /Ред. Н.С.Лейтес, Н.Л.Карпова, О.Л.Кабачек. - М.: Школьная библиотека, 2005.
3. *Глозман Ж.М.* Личность и нарушения общения. М., 1987.
4. *Карвасарский Б.Д.* Неврозы. М., 1990.
5. *Карпова Н.Л.* Мотивационная включенность в деятельность: структура, механизмы, условия формирования.- Дисс. ... докт.психол.наук.- М., 1998.
6. *Карпова Н.Л.* Основы личностно-направленной логопсихотерапии. Уч. пособие. - 2-е изд. испр. и доп.- М.: Флинта, 2003.
7. *Лейтес Н.С.* Возрастная одаренность и индивидуальные различия. - М.-Воронеж, 1997.
8. *Мясищев В.Н.* Психология отношений / Под ред. А.А.Бодалева. - М.-Воронеж, 1995.
9. *Некрасова Ю.Б.* Особенности диагностики при реабилитации людей с нарушением речевого общения //Вопр. психол., 1991, N5.
10. *Некрасова Ю.Б.* Психологические основы процесса социореабилитации заикающихся. Дисс. в форме научн.докл. ... докт. психол. наук. - М., 1992.
11. *Некрасова Ю.Б., Бодалев А.А., Карпова Н.Л., Суворов А.В., Чудновский В.Э.* Разработка новых путей социореабилитации людей с различными формами нарушенного общения //Вестник РГНФ, 1996, N3.- С.199-206.
12. *Ситникова Н.Н.* От «Гадкого утенка» до «Чайки по имени Дж.Ливингстон» //Библиопсихология и библиотерапия /Ред. Н.С.Лейтес, Н.Л.Карпова, О.Л.Кабачек. - М.: Школьная библиотека, 2005. – СС.354-365.
13. *Теплов Б.М.* Психофизиология и психология индивидуальных различий. – М.-Воронеж, 1998.

*(Опубликовано: О некоторой типологии участников логопсихотерапии
// Теоретическая и экспериментальная психология, Том 2, № 3, 2009, с.15-26)*

ДИПЛОМ «ЗОЛОТАЯ ПСИХЕЯ» (2006)

ИНТЕРНЕТ- ИЗДАНИЕ ДЛЯ ПСИХОЛОГОВ WWW.PSY.SU
«ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ГАЗЕТА»

ДИПЛОМ

Звание лауреата

Национального профессионального психологического конкурса
«Золотая Психея»
по итогам 2006 года в номинации

«Лучший проект 2006 года в психологической
практике»

решением Большого Жюри присуждается

**Коллективному практико-ориентированному
исследовательскому проекту «Семейная групповая
логопсихотерапия как средство преодоления логоневроза
(заикания)»**

Авторы: Карпова Наталья Львовна, Лейтес Натан Семенович, Суворов Александр
Васильевич, Волкова Наталья Владимировна, Ситникова Наталья Алексеевна, Шувиков
Александр Иванович, Кругликова Анна Юрьевна, Янченко Ирина Владимировна, Глухова
Наталья Валерьевна, Мордовцева Татьяна Васильевна, Яковистенко Анастасия
Дмитриевна

Председатель
Оргкомитета Конкурса «Золотая Психея»,
гл. редактор «Психологической газеты»

М. Г. Зайцева

Санкт-Петербург
2007

Фотографии из архива Н.С. Лейтеса и В.И. Рождественской

Сотрудники Психологического института, июнь, 1956.
Н.С. Лейтес в верхнем ряду третий справа.

Н.С. Лейтес второй ряд, второй слева.
На обороте надпись: "Уважаемому Натану
Семеновичу от группы психологов.
14/VIII - 48 года."

Школа №110. Выпуск 1951 года.
Н.С. Лейтес во втором ряду, четвертый слева.

1961 год. Сотрудники института на субботнике: Слева-направо: С.Ф. Жуйков, Н.С. Лейтес, Н.И. Крылов, Л.Б. Голина, И.В. Равич-Щербо, В.А. Крутецкий, Ю.В. Идашкин, М.Н. Борисова

Сотрудники Психологического института
в редакции журнала
«Телевидение.Радиовещание», 1971, №1

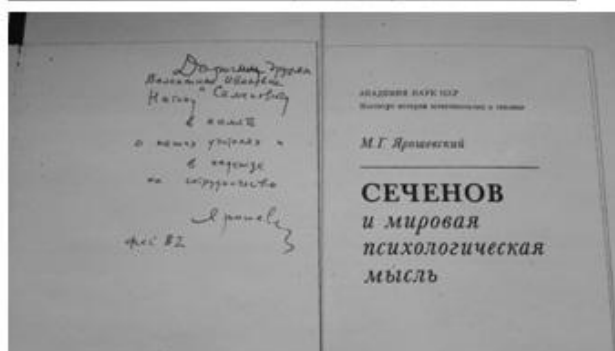
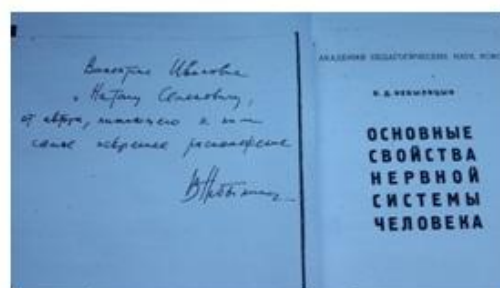
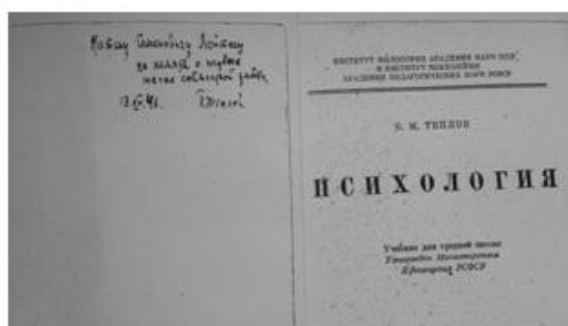

1974 год. Н.С. Лейтес выступает на защите: За столом В.А. Крутецкий и аспирант Фам Ван До.
На обороте надпись: «Глубокоуважаемому моему оппненту Натану Семеновичу Лейтесу с благодарностью и пожеланием здоровья, счастья и больших успехов в науке от Фам Ван До. Москва, 4/1 -74 г.»

Н.С. Лейтес выступает на защите: За столом В.В. Давыдов, Т.Н. Боркова, З.А. Фарапонова и аспирантка Нерели. . 1981 год.

Книги Н.С. Лейтесу с дарственными надписями авторов

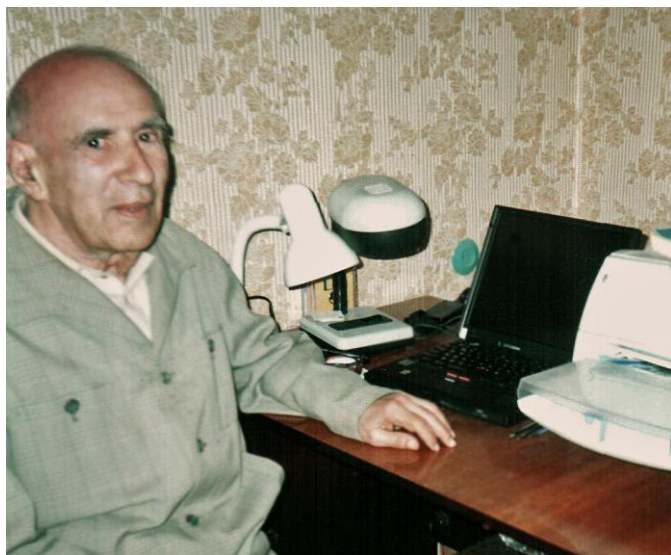

2. Коллективный портрет Н.С. Лейтеса к 90-летнему юбилею

УЧЕНЫЙ. УЧИТЕЛЬ. ЧЕЛОВЕК

(к 90-летию Н.С. Лейтеса)

(Опубликовано: «Вопросы психологии», 2008, N 3, с.177-184)

В связи с юбилеем Натана Семеновича Лейтеса редакция журнала обратилась к его коллегам и ученикам с предложением вспомнить о своих творческих встречах с ним и высказать слова приветствия.

В.Э. Чудновский (д.псих.н., проф., вед.н.с. ПИ РАО):

– Около полувека назад мне довелось встретиться с Натаном Семеновичем Лейтесом. Я благодарен судьбе за то, что с тех давних времен и до сегодняшнего дня имею счастливую возможность общаться с ним, знать, что в любую минуту он готов принять участие в моих делах и проблемах, посоветовать, поддержать. Отличительная черта Натана Семеновича – способность не только разделить чужую беду, но и искренне радоваться чужой радости.

Натан Семенович прожил большую жизнь. Его главной страстью и главным смыслом жизни был и остается страсть к поиску научной истины. Он и сейчас, в свои девяносто, принимает участие в научном поиске, помогает другим, доводя до нужной кондиции их работы, готовит к переизданию свои книги, редактирует учебные пособия, которые пользуются большим спросом в вузах.

Натан Семенович посвятил свою не только длинную, но и трудную жизнь проблеме одаренности. Было время, когда эта проблема фактически была под запретом. Его труды замалчивались, публикации тормозились. Был период, когда ему пришлось уйти из института, в котором проработал большую часть своей жизни. Сегодня, когда исследование проблемы одаренности приобрело широкий размах, следует отметить, что научный фундамент отечественной концепции психологии одаренности заложил Н.С. Лейтес.

Отдавая должное роли воспитания в психическом развитии ребенка, он, вместе с тем, убедительно показал неправомочность сведения психического развития к присвоению внешнего социального опыта. Пафос его исследований направлен на изучение внутренних закономерностей психического развития. На большом фактическом материале Натан Семенович рассмотрел проблему детской сензитивности и показал, что каждый возрастной период имеет свои особые, неповторимые возможности развития, а переход от одной возрастной ступени к другой бывает связан не только с приобретениями, но и с потерями. Весьма значимым для психологии развития является обоснованный Н.С. Лейтесом вывод о

сложной диалектике изменения и развития внутренних возрастных предпосылок: последние могут совмещать в себе особенности как одного, так и нескольких этапов, «надстраиваясь» над предыдущими или вытесняя их. Натан Семенович показал, что быстрый подъем умственных способностей, как правило, имеет в своей основе совмещение особенностей сензитивности, присущих нескольким возрастным периодам.

Лейтмотивом научного творчества Натана Семеновича является проблема детской одаренности. Опубликованная им более 30 лет назад книга «Об умственной одаренности» вошла в золотой фонд отечественной психологии. В то время, когда официальная педагогика была направлена на изучение «среднеуспевающего» ученика, исследование Н.С. Лейтесом проблемы одаренности имело особое значение для теории и практики детского развития. Его книги сочетают фундаментальность рассмотрения научных проблем с простотой и логической стройностью изложения. Н.С. Лейтес показал огромные «разрешающие» возможности метода психологического наблюдения и монографического изучения детей. Его книги помогают проникнуть в сущность педагогического явления, учат умению избегать шаблона в оценках и мнениях о ребенке, видеть перспективу его развития. Блестящие возрастные и индивидуальные характеристики детей, выполненные Н.С. Лейтесом, до сегодняшнего дня являются образцом углубленного научного анализа. Натан Семенович был и остается непревзойденным мастером психологического портрета. Многие полученные им научные результаты еще недостаточно оценены и чрезвычайно значимы для современной теории и практики.

Сегодня, в день замечательного юбилея очень хочется сказать: «Здравствуйте, дорогой Натан Семенович, долгие годы. Вместе со своей верной спутницей по жизни Валентиной Ивановной радуйте нас тем, что Вы есть». Что Вы из тех людей, общение с которыми и вся жизнь которых побуждает нас стать лучше, честнее, добрее.

Э.А. Голубева (д.психол.н., проф., гл.н.с. ПИ РАО):

– Многое написано о вкладе Натана Семеновича Лейтеса в науку. Из-за краткости журнального приветствия хотелось бы отметить те черты личности выдающегося ученого, которые определили глубину и уникальность изучения им одаренных детей. Но эти черты сказались и на судьбах некоторых взрослых.

С самых первых дней работы в лаборатории Бориса Михайловича Теплова Натан Семенович Лейтес и его жена Валентина Ивановна Рождественская были по отношению ко мне очень внимательны и добры. Но докторскую диссертацию мне пришлось защищать в 1975 году, увы, без Теплова и Небылицына, при которых она была сделана. Диссертация посвящена сопоставлению устойчивых особенностей памяти человека с электрофизиологическими показателями типологических свойств нервной системы. Ее консультанты – компетентнейшие специалисты в этих областях знания - А.А. Смирнов и Е.Н. Соколов.

Однако ситуация вокруг работы сложилась напряженной. Один из фактов – у меня была не только защита, но и предзащита – процедура, к тому времени отмененная ВАК’ом. Недавно перечитывая стенограмму защиты, в отзыве Н.С. Лейтеса как неофициального оппонента я обнаружила оригинальный ракурс анализа наших исследований. Им выделены основные аспекты диссертации, где особенно заметна преемственность направления Теплова-Небылицына, с одной стороны, и успехи в разработке новейших проблем дифференциальной психофизиологии, - с другой. Здесь зримо проявился «научный дух» (термин юбиляра), отражающий духовность как мировоззрение, что было характерно для семьи Лейтесов, и о чем Натан Семенович рассказал в интервью (см.: **Н.С. Лейтес.** в книге В.И.Артамонова «Психология от первого лица». Academia, М.: 2003, с.145-173).

Но «научный дух» буквально спаян у Натана Семеновича с действенной, активной, повседневной добротой, с самопожертвованием. К радости окружающих, эта черта остается неизменной до сих пор.

Другой дар, которым обладает юбиляр (им, правда, трудно поделиться) – это дар литературный. Одной из его особенностей – поиском точного соответствия слова и мысли – надо все-таки попытаться овладеть.

Мне посчастливилось быть соруководителем с Натаном Семеновичем сначала кандидатской, а потом и докторской диссертации Б.Р. Кадырова, которые посвящены соотношению способностей и склонностей с их природными предпосылками. В работе над ними, а также над совместной статьей корректность измерительных методов обеспечивалась верной помощницей Натана Семеновича – его женой Валентиной Ивановной. А при постановке проблемы, при обозначении реалий (в том числе, жизненных показателей), интерпретации и выводы, их взвешенность, четкость, акцентирование смыслов – следствие и редакторского мастерства и литературного дара юбиляра. Статья имеет большой индекс цитирования.

И, наконец, еще об одном проявлении «научного духа» Н.С. Лейтеса.

Сложилась странная ситуация. Обсуждая проблему «И.П.Павлов и психология», некоторые психологи чаще обращаются к павловской сессии, к которой великий физиолог не имел отношения, а не к его трудам. Здесь у Натана Семеновича позиция весьма определенная и поучительная. Вот лишь три короткие выдержки из уже приводимого интервью:

1. *«...лично для меня важным психологическим событием было чтение работ И.П.Павлова. Они воодушевляли возможностями объективного научного метода применительно к психологическим явлениям. Те психологи, которые выступали против Павлова, считая, что будто бы он претендовал на подмену своей физиологией психологии, имеют превратное представление о его действительных установках»* (с.153). Далее Лейтес цитирует наизусть соответствующую мысль Павлова.

2. *«Потенциал павловского направления в психофизиологии не исчерпан!»* (с. 154).

3. Говоря о трудностях в нахождении существенных оснований для подлинного прогноза дальнейшего хода развития при ранних проявлениях одаренности и о необходимости отличать диагностику признаков одаренности от оценки будущего потенциала растущего человека, Н.С. Лейтес намечает перспективную область диагностики – исследование типов развития: *«Прогресс в этом отношении, мне кажется, будет достигаться по мере того, как на помощь тестологии придет дифференциальная психофизиология и психогенетика»* (с.171).

Это напутствие очень важно для развития дифференциальной психофизиологии и ее содержательного сближения с психогенетикой и другими разделами нейронауки.

Дорогой Натан Семенович! От души поздравляю Вас со славным юбилеем, моя семья и я желаем многие лета Вам и Валентине Ивановне.

Навсегда признательная, Эра, Эра Александровна.

Я.А.Теплова (к.физ-мат.н., зав.лаб.НИИ ядерной физики при МГУ им. М.В.Ломоносова):

– Натан Семенович – один из самых первых учеников Бориса Михайловича Теплова. В 1960-е годы, не зная его лично, я много слышала о нем, о его внимании к одаренным детям, об отдельных интересных эпизодах из его работ с испытуемыми. В последние годы его работы стояли как бы особняком, как мне кажется, в русле гуманитарных исследований (чем, кстати, Б.М.Теплов тоже интересовался), вне дифференциальной психологии, требующей экспериментальных подтверждений с использованием современных технологий, математики, что стало основным направлением работ Бориса Михайловича.

Зная, что Натан Семенович был в определенной степени близок к тематике исследований Б.М.Теплова, а также является прекрасно эрудированным человеком, я попросила его помочь мне в разборке архива Бориса Михайловича. Он очень внимательно к этому отнесся и впоследствии по этим материалам и личным впечатлениям написал статью для иллюстрированного издания о ведущих психологах Москвы (2005 г).

Б.М. Теплов хорошо относился ко всем своим ученикам, в том числе к Натану Семеновичу и Валентине Ивановне Рождественской. Наблюдая длительно их роман, он много раз повторял, что пора бы им создать семью, и был доволен, когда это произошло. О Валентине Ивановне Борис Михайлович отзывался как о прекрасном экспериментаторе. Результаты ее исследований он часто цитировал.

Натан Семенович и Валентина Ивановна интересовались жизнью, успехами и огорчениями сначала внука Бориса Михайловича, затем – правнука, давали полезные советы. К

сожалению, ни сын, ни внук не оказались очень одаренными (может и к счастью), они вполне обыкновенные люди, но я очень благодарна за советы и участие в жизни нашей семьи. Хочется поздравить Натана Семеновича с замечательным юбилеем, пожелать ему хорошего здоровья, творческой активности.

В.И. Панов (д.псих.н., чл.-корр. РАО, зав. лаб. ПИ РАО) :

– Натан Семенович Лейтес - когда я о нем рассказываю студентам, то первое что я говорю, это то, что Натан Семенович Лейтес едва ли не единственный из МЭТРОВ психологии одаренности, здравствующий донныне. Как ученик и как соратник Бориса Михайловича Теплова, он не только продолжил и развил лучшие российские традиции дифференциальной психологии и психологии индивидуальности, но также создал свое направление в психологии, известное под названием "возрастная одаренность".

О некоторых ученых говорят, обращая внимание на их способность либо к экспериментальным исследованиям, либо, напротив, к теоретическим изысканиям. Про Натана Семеновича нельзя сказать, что он теоретик или экспериментатор, - не получается, потому что он одинаково глубоко и широко владеет и теоретическими, и экспериментальными методами психологического исследования. Но не получается также и потому что на ум приходит другой эпитет – Учитель. Причем даже не потому, что у него большое количество учеников, а потому, что это человек, у которого постоянно приходится учиться и отношению к науке, и отношению к людям.

В человеческом плане нельзя не отметить удивительную скромность Натана Семеновича. Эта скромность удачно сочетается с острым умом, интересом к работам своих коллег, в том числе и молодых, активной напористостью при отстаивании принципиальных на его взгляд позиций и в то же время - способностью с большим уважением относиться к научным взглядам других авторов даже тогда, когда он с ними не согласен.

Н.Л. Карпова, д.псих.н., вед.н.с. ПИ РАО:

– Бывают в жизни удивительные встречи, которые, продолжаясь, сказываются потом не только на твоих собственных делах, но и на твоём окружении. Таким событием для меня стало знакомство с Натаном Семеновичем Лейтесом весной 1994 года, когда он любезно согласился прочитать мою первую статью о семейной логопсихотерапии для журнала «Вопросы психологии» (об особой строгости Натана Семеновича я знала от В.Э Чудновского, который был в свое время его аспирантом и неоднократно рассказывал, что его первую статью в журнал руководитель одобрил ... только в 10-ом варианте!). При встрече, которая, неожиданно для меня, длилась полтора часа, Натан Семенович подробно расспрашивал о работе, прося уточнений почти по каждому абзацу статьи, и в конце напутствовал: «Надо писать книгу», - что и помогло мне в дальнейшем.

Как мы потом многократно убеждались, скрупулезность и внимание к деталям – характерная черта Лейтеса-Ученого, и для нас одной из особо значимых стала его статья "Склонность к труду как фактор одаренности" и работа "Об умственной одаренности". Рассматривая вопросы формирования умственных способностей вплоть до талантливости и гениальности, Н.С.Лейтес постоянно говорит об основном факторе в данном явлении - склонности к труду. Беремся утверждать, что и в результативности лечебного процесса, как и любой другой длительной и напряженной деятельности, важна работоспособность пациента, в основе которой - общечеловеческая склонность к труду, но не любая, а именно та "общая склонность к труду", которая несет в себе "особенности пробуждения интересов, а также волевые и эмоциональные моменты". РАБОТОСПОСОБНОСТЬ предстает здесь как РАБОТОСПОСОБНОСТЬ, т.е. способность в обычном значении этого психологического термина, - такую глубокую трактовку дает этому понятию Натан Семенович.

В 1999 году мы впервые включили в состав разновозрастной группы семейной логопсихотерапии младших подростков 11-12 лет и, зная об исследовании В.И. Рождественской «Индивидуальные различия работоспособности» (1980), обратились к Валентине Ивановне и

Натану Семеновичу с просьбой помочь в проведении анализа участия подростков в сложной многодневной и многочасовой работе группы. Вместе мы разработали диагностику, а потом Валентина Ивановна и Натан Семенович были и на сеансе снятия заикания, и на занятиях экспериментальной группы. Результат исследования позволил научно подтвердить, что смена видов деятельности, динамизм социореабилитационного процесса и организация сотворчества его участников снижает эффект утомляемости и позволяет детям работать в группе наравне со взрослыми. Это дало нам основание снизить возрастную границу и в дальнейшем включать в состав групп детей 8-12 лет (результаты представлены в дипломной работе Т.В. Бажановой - МГППУ, 2000).

Как отмечали сотрудники института, работавшие с Натаном Семеновичем, он был одним из любимых учеников Б.М.Теплова, который ценил его умение тонкого наблюдения за испытуемыми и составления психологического портрета. Неудивительно, что впоследствии Натан Семенович написал и яркий портрет своего учителя, - его статья о Б.М.Теплове – одна из самых интересных в книге «Выдающиеся психологи Москвы».

Огромное значение для нас имел приход Натана Семеновича в 2000 году на одно из занятий группы, когда он сам предложил помощь и сотрудничество! С этого времени в исследованиях процесса семейной групповой логопсихотерапии начался новый этап. Так же как и Б.М. Теплов, Н.С. Лейтес выступает против недооценки значения индивидуальных различий между людьми, и под его руководством мы приступили к разработке метода сравнительно-сопоставительных характеристик успешных и малоуспешных участников логопсихотерапевтических групп. Сам Натан Семенович неоднократно встречался в некоторыми из выпускников групп и их родственниками, - эти уникальные интервью записаны и магнитофон и затем расшифрованы; по ним велась работа над составлением психологических портретов заикавшихся. Мы много раз собирались дома у Лейтесов, обсуждая каждую характеристику, - какими интересными и творческими были эти встречи! Натан Семенович не только учил нас своему мастерству анализа, но и спорил с нами, порой сердился, но чаще радовался творческим находкам.

В 2004-2006 гг. Натан Семенович участвовал в нашем исследовательском проекте «Семейная групповая логопсихотерапия как средство преодоления логоневроза (заикания)», поддержанном РГНФ. Результатом стала статья «К проблеме индивидуальных различий в логопсихотерапии» (Карпова Н.Л., Лейтес Н.С., Голзицкая А.А., Ситникова Н.А.) и большой материал для монографии по проблемам логопсихотерапии. Параллельно в течение двух лет шла работа над коллективной монографией «Библиопсихология и библиотерапия», вышедшей в 2005 году в издательстве «Школьная библиотека». Н.С. Лейтес был ее главным редактором, а мы с О.Л. Кабачек с трепетом выслушивали его требования и замечания при составлении своих разделов. Он же написал развернутое предисловие к книге, где дал глубокий анализ ее содержания, подчеркнув, что «хотя книги в нынешнем виде начинают уходить в прошлое, что далеко не бесспорно, но такая реальность, как взаимодействие человека с текстами, будет иметь место и впредь. Связанные с этим психологические проблемы – залог сохранения библиопсихологии и ее дальнейшего развития» (см. рецензию в «Психологическом журнале», 2007, N1).

... Разве можно поверить, что Натану Семеновичу Лейтесу 90 лет, а скоро и его прекрасная жена Валентина Ивановна сравняется с ним в этом возрасте! Такая удивительная у обоих жизненная стойкость и светлое мировосприятие! Такой живой интерес ко всему происходящему, - достаточно яркий штрих: несколько лет назад в их доме появился компьютер, а недавно – Интернет! Вместе с молодыми сотрудниками и аспирантами мы приходим в этот доброжелательный дом за рекомендациями, советом и отзывами на книги, статьи, диссертации. И встречи всегда радуют.

Спасибо Вам, наши дорогие Учителя и в науке, и в жизни! Великая благодарность вам ото всех участников наших групп – Москвы, Таганрога, Владивостока, Самары и Самарской области – за научную помощь и поддержку. Мы счастливы еще долгие годы продолжать учиться у вас и сотрудничать с вами!

Е.П. Гусева (к.псих.н., вед.н.с. ПИ РАО):

– С творчеством Натана Семеновича мне довелось познакомиться впервые в 1969 году, на заседании лаборатории дифференциальной психофизиологии НИИ общей и педагогической психологии АПН РСФСР (как тогда именовался Психологический институт РАО). Вел заседание зав. лаборатории В.Д. Небылицын, присутствовал весь состав «тепловской» лаборатории: такие маститые ученые как К.М. Гуревич, Н.С. Лейтес, М.Н. Борисова, Э.А. Голубева (мой научный руководитель в аспирантуре), В.И. Рождественская, В.М. Русалов, И.В. Равич-Щербо, О.К. Конопкин, А.Е. Ольшанникова, и мы – молодое пополнение института – аспиранты и лаборанты.

Обсуждалась рукопись монографии Н.С. Лейтеса «Умственные способности и возраст». Все должны были прочитать текст и высказать свои соображения. Книга читалась легко, сложнейшие проблемы переплетения и взаимопроникновения возрастных и индивидуальных особенностей детской одаренности излагались простым и ясным языком, приводились такие живые, яркие, разносторонние и глубокие психологические характеристики детей, которые невозможно было читать без увлечения, раскрывались внутренние движущие силы умственного развития, роль особых сензитивных периодов детства для становления тех или иных умственных качеств, были описаны психологические сложности детей с опережающим темпом умственного развития. Все это не могло не вызвать восхищения, особенно у неискушенного читателя.

Полной неожиданностью для меня, первый раз принимавшей участие в обсуждении, явилась традиция лаборатории сначала предоставлять слово самым молодым ее членам. И, оказывается, мало было выразить свое восхищение и признательность автору, нужно было еще и высказать критические замечания. Это приводило в смущение и замешательство: какие могут быть критические замечания к столь мастерски написанному тексту? Но когда после высказываний молодых в обсуждение включалась «тяжелая артиллерия», то мы становились свидетелями интереснейших дискуссий по поводу, например, диагностической ценности метода наблюдения для определения индивидуально-типологических особенностей.

Помню, с каким жаром отстаивал этот метод Натан Семенович, аргументируя свои позиции тем, что это должно быть не простое наблюдение, а так называемое, включенное наблюдение, проводимое по определенной схеме, по сути, это участие в жизни наблюдаемого ребенка и в школе, и в домашних условиях, и во внешкольных занятиях и увлечениях. В ходе дискуссии поднимались вопросы относительно жизненных проявлений типологических свойств нервной системы, их сложности и неоднозначности. Такие обсуждения работ на лабораторных заседаниях были для нас, молодых, настоящей научной школой, в которой мы учились выработать и отстаивать свои научные позиции, свое понимание психологических проблем, активно включались в совместный поиск научной истины.

Примечательно, что именно эта книга Н.С. Лейтеса «Умственные способности и возраст», в обсуждении которой я впервые участвовала, в дальнейшем служила теоретической основой для объяснения результатов, полученных в моих собственных исследованиях соотношения возрастных и типологических предпосылок способностей школьников. И теперь, по прошествии десятилетий, теоретические положения, развиваемые Н.С. Лейтесом относительно детской одаренности, не теряют своей актуальности и значимости, а составленные им психологические портреты одаренных детей служат образцом глубокого и всестороннего психологического анализа личности.

А.А. Мелик-Пашаев (д.псих.н., зав.лаб. ПИ РАО):

– В первый раз я увидел Натана Семёновича Лейтеса, когда, едва поступив в аспирантуру Психологического института, пошел посмотреть, что же это такое – заседание Ученого совета? Того, что говорил там Натан Семёнович, я, при всей ясности его речи, понять не мог. Зато...

Недаром Михаил Чехов учил: будешь слушать, *что* человек говорит – и не поймешь человека; будешь слушать, *как* он говорит – и поймешь человека. Вот я и понял, во-первых, что публичное выступление не доставляет психологу Лейтесу никакого удовольствия, но он преодолевает себя, поскольку выступить *нужно*. Во-вторых, что ему нелегко указывать другому на ошибки и недостатки в работе, но он всегда преодолевает себя и выскажет все, чего требует

профессиональная совесть. В-третьих, что он всерьез заинтересован в научной истине и *предельно ответственен* за каждое слово, исходящее из уст или из под пера. За минувшие с тех пор десятилетия мне не пришлось корректировать это первое впечатление, хотя, понятно, оно стало и богаче, и глубже.

В облике Натана Семёновича очень трудно разделить «человеческое» и «профессиональное». Он для меня, как и для многих, выдающийся мастер живого наблюдения и тонкого описания, отечественный представитель понимающей психологии – представитель тем более замечательный, что много лет стойко удерживал этот курс при весьма неблагоприятном идеологическом ветре. Ценив научную строгость и достоверность, стремясь, где это возможно, к доказательности, он никогда не забывает о безмерной сложности человеческого существа и о том, что нечто главное рождается «внутри» ребенка, а не проектируется нами извне.

Четкие и ясные тексты Натана Семёновича невозможно использовать как инструкции, чтобы по ним научиться искусству понимающего наблюдения – но они помогают человеку найти и раскрыть *в себе самом* аналогичную способность. А, значит, измениться самому и благодаря этому усовершенствоваться в своей профессии.

Недавно мы говорили о Натане Семёновиче с Зинаидой Николаевной Новлянской, которая знает его еще дольше, чем я. Говорили как о человеке, который далек от суеты; для которого естественно не прилаживаться к обстоятельствам, а быть верным себе и достойно поступать в сложных жизненных ситуациях. И моя собеседница подвела итог: Натан Семёнович так ведет себя потому, что он – *человек правильный*.

А где «правильный», там недалеко и «праведный», ведь это родственные слова. И если верить, что долголетие даруется порой за эту самую праведность, то пусть этого дара хватит еще надолго. Ведь наш любимый и уважаемый юбиляр являет пример человека и ученого той «чистой пробы», которая крайне редка и потому особенно нужна.

Поздравления из разных городов

Глубокоуважаемый и дорогой Натан Семёнович!

Искренне поздравляю Вас с замечательным юбилеем.

Восхищаюсь Вами! С великой благодарностью вспоминаю Вас как своего чуткого и тонкого первого оппонента на защите кандидатской диссертации в далёком 1971 году. Огромное спасибо Вам и за Вашу работу с Самарскими психологами в рамках годовичного семинара "Одарённые дети" в начале 90-х годов.

Встречи с Вами всегда радовали и наполняли чувством великого уважения к Вам как к человеку и специалисту, на которого всегда хотелось равняться. Желаю Вам доброго здоровья, оптимизма, верных друзей и соратников. Всегда помнящая и благодарная Вам

Валентина Евгеньевна **Кадочкина**, которая теперь работает директором университета пожилых в городе **Самаре**.

Слова признательности юбиляру

Я не являюсь учеником Н.С. Лейтеса. Однако труды по психологии способностей уже со студенческой скамьи стали для меня хрестоматийными. Тогда, в условиях дефицита научной литературы и учебников по психологии, книга «Умственные способности и возраст» стала настоящим подарком. Она была понятна и доступна для начинающих психологов. Хорошо помню, как однажды мне пришлось делать доклад по этой проблеме, и я впервые прикоснулся к этой замечательной работе. Интерес к психологии и к профессии психолога возникает по многим причинам, в том числе и благодаря тому, что студенты читают книги, написанные профессором Н.С. Лейтесом.

С юбилейной датой Вас, уважаемый Натан Семенович!

К.М. Романов, д.псих. наук, проф. Мордовского

Уважаемый Натан Семенович!

Разрешите от имени жителей славного города Таганрога поздравить Вас с Юбилеем!
От всей души желаем Вам здоровья, благополучия и новых творческих успехов!
Читаем и перечитываем Ваши работы и готовы трудиться над новой книгой под Вашим редактированием!

**Группы семейной логопсихотерапии 2000-2008 гг. Таганрога
и руководители групп Янченко И.В., Кругликова А.Ю.**

С 90-летием юбиляра 26 июня 2008 г. поздравили родственники, сотрудники и друзья

С 95-летием юбиляра 26 июня 2013 г. поздравили родственники, сотрудники и друзья

**3. Материалы Круглого стола
памяти Н.С. Лейтеса (1918-2013)**

**«ПРОБЛЕМА ИНДИВИДУАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ
И ОДАРЕННОСТИ:**

СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД»

Вместо введения: О Круглом столе памяти Н.С. Лейтеса

22 апреля 2014 г. в Психологическом институте РАО состоялся Круглый стол «Проблема индивидуальных различий и одаренности: современный взгляд», посвященный памяти Натана Семеновича Лейтеса (1918-2013), одного из ведущих отечественных специалистов в области психологии способностей и одаренности. В работе Круглого стола приняли участие сотрудники Психологического института и ученые Вузов и научных центров.

Открыл заседание зам. директора ПИ РАО *М.К. Кабардов*, - он подчеркнул особую роль личности Н.С. Лейтеса, который с 1945 года был сначала аспирантом Б.М. Теплова, а потом научным сотрудником института, продолжая помогать в исследованиях молодым и опытным сотрудникам до последних дней, и был для всех примером настоящего Ученого, Педагога и Человека. Об основных жизненных событиях и научной деятельности Натана Семеновича рассказала старейший сотрудник *Э.А. Голубева*. Она работала с Лейтесом в одной лаборатории еще под руководством Б.М. Теплова, который выражал особую симпатию и уважение к особому исследовательскому таланту своего ученика. Особо выступавшая подчеркнута целенаправленность Н.С.Лейтеса: он был практически единственным, кто начал разрабатывать в нашей стране оригинальное направление исследований соотношения возрастных и индивидуальных особенностей детей и подростков как условия, необходимого для понимания отдельных случаев становления одарённых детей. По существу, этому направлению он остался верен до конца своей научной деятельности. Его уникальный вклад в отечественную науку - понятие «возрастная одарённость» для описания зависимости между становлением способностей ребенка и специфическими возможностями детства, ходом возрастного созревания.

Глубокую оценку работ Н.С. Лейтеса дал *В.Э. Чудновский* (вед.н.с. ПИ РАО), который был одним из его первых аспирантов и гордится многолетней дружбой с ним. Отметив, что Натан Семенович был замечательным научным руководителем, в котором сочетались почти отеческая забота со строгостью и требовательностью, выступающий отметил замечательную способностью Лейтеса интуитивно и безошибочно определять главную изюминку проблемы и наиболее рациональное направление исследования. Было отмечено, что свой талант ученый отдавал проблеме одарённости, которая долго не приветствовалась официальной наукой, недооценивавшей роль природного, индивидуального в жизни человека и его психическом развитии. В то время как официальная наука настаивала на том, что способности есть результат усвоения социального опыта, главным интересом Натана Семеновича было таинство человеческой природы. Он впервые показал сложную диалектику внутренних возрастных предпосылок одарённости и внёс большой вклад в понимание проблемы детской сензитивности, подчеркнув и другую сторону развития Я: переход от одного периода к другому связан не только с приобретениями, но и с потерями. Он как бы предупреждал: будьте внимательны, постарайтесь использовать те возможности, которые предоставляет каждый возрастной период, - в противном случае многое будет безвозвратно упущено. Также Натан Семенович показал, что нравственность человека не просто результат усвоения определенных норм и принципов, что существуют внутренние предпосылки нравственности, что *нравственная потребность* может играть ключевую роль в умственном развитии взрослеющего человека. Он писал: «В наш век развития кибернетики, когда так сближены понятия о мозге и автоматах, особенно важно не упускать из виду *человечность ума*».

Н.И. Чуприкова (гл.н.с. ПИ РАО) проанализировала значение описанных Н.С. Лейтесом жизненных характеристик школьников для теории природных основ индивидуальности и личности. Отметив, что Лейтес представил жизненные характеристики школьников,

принадлежащих к разным типам нервной системы - общим и специально человеческим, выступающая обратила внимание на то, что работе использован метод наблюдения, которое проводилось на уроках, в беседах, во внешкольной деятельности. Сейчас этот метод не популярен, но только он может дать ценностную системную характеристику психологических индивидуальных качеств личности и поведения, поскольку тесты, опросники и экспертные оценки характеризуют только отдельные стороны и проявления индивидуальности и личности.

«Книга Н.С. Лейтеса «Об умственной одарённости» – это классика отечественной психологии, - подчеркнула Н.И. Чуприкова. - Она должна входить в список книг, содержание которых должно быть известно каждому профессиональному психологу».

Выступившая председатель МПО *Д.Б. Богоявленская* отметила возрастание роли теории Н.С. Лейтеса, поскольку проблемы выявления и сопровождения одаренных детей приобретает все большую актуальность. Важны указания Н.С. Лейтеса на то, что при быстром умственном подъеме специфические возможности отдельных возрастов могут как бы суммироваться, оказывать совместное действие, что приводит к многократному их усилению. Также важно помнить его предостережение о том, что возникшее сочетание внутренних условий умственного роста может сохраниться недолго, поскольку дальнейшее развитие детей, у которых совместились черты их возраста и последующего, может протекать по-разному. По мнению Лейтеса, понятие “возрастная одаренность” привлекает внимание к тому, что характеризуется именно ребенок, и акцент на раннее выявление одаренности образует серьезные риски как в развитии одаренности, так и в развитии личности этих детей. *В.И. Панов* (зав. лаб. ПИ РАО) также подчеркнул, что в начале 1990-х годов Н.С. Лейтес был приглашен в качестве консультанта при разработке системы диагностики уровня подготовки детей к обучению в школе, где настаивал на особо осторожном подходе к выявлению одаренных детей. Именно введенное Лейтесом понятие “возрастная одаренность” и его уточнение определения «дети с признаками одаренности» было отражено в Рабочей концепции Министерства образования РФ (под ред. В.Д. Шадрикова).

В своих воспоминаниях об Н.С. Лейтесе *Г.Г. Граник* (зав. лабораторией ПИ РАО) прежде всего отметила гражданскую и нравственную позицию ученого: он был совестью коллектива института. Натана Семеновича отличала особая деликатность и внимание к коллегам, не только к их научным делам, но и к жизненным проблемам. В его облике очень трудно разделить «человеческое» и «профессиональное». А в научном плане особо отличался стиль текстов Н.С. Лейтеса – четкий и ясный, художественно-образный, чего он требовал и от своих аспирантов и коллег, сотрудничая по просьбе Б.М. Теплова с редакцией журнала «Вопросы психологии». Об этом сказала в своем выступлении и *З.Н. Новлянская* (вед.н.с. ПИ РАО), отметив целый ряд рецензий Натана Семёновича, которые помогли ей во многих работах – и научных, и научно-популярных. Он всегда умел найти в любой работе самые главные «точки роста», подсказывая перспективные направления для дальнейшего научного поиска. Так, высказывая критическое замечание относительно недоопределённости термина «впечатлительность», которым был обозначен один из компонентов литературно-творческих способностей, он посоветовал рассмотреть его в плане эстетических эмоций и отношений, что помогло выйти на проблему эстетического отношения к жизни как первоосновы художественного творчества. *А.А. Мелик-Пашаев* (зав. лабораторией ПИ РАО) также отметил оказанную Н.С. Лейтесом помощь в различении родовой, общечеловеческой – возрастной – художественной одаренности и одаренности индивидуальной, которая требует своей реализации именно в художественном творчестве. Выступающий подчеркнул, что из этого следует целый ряд важных выводов, касающихся педагогической стратегии, критериев оценки, принципов диагностики художественного развития детей. Поэтому некоторые работы Натана Семеновича были опубликованы в журнале «Искусство в школе».

Е.И. Щепланова (зав. лабораторией ПИ РАО) в своем выступлении говорила об уникальности Н.С. Лейтеса как Человека и Ученого. Его уникальные и обширные научные исследования, обобщенные в целостной концепции возрастной одаренности, создали научный фундамент отечественной психологии одаренности. Развитые им теоретические положения о

природе и структуре детской одаренности не только не теряют своей актуальности и значимости, но их важность становится все более очевидной по мере накопления данных по этой проблеме в мировой науке. В то же время совместная работа при подготовке главы «Исследования способностей и одаренности в начале XX века» для сборника «Московская психологическая школа: история и современность» (2004) показала его глубокий интерес к ранее утраченным работам по одаренности. Он очень тщательно анализировал точки зрения всех авторов и участников давних дискуссий, ранее неизвестные факты из трагической истории нашей науки и ученых, занимавшихся проблемой одаренности, и старался максимально точно передать смысл их высказываний. *Л.А.Карпенко* (вед.н.с. ПИ РАО) рассказала о некоторых эпизодах научного пути Н.С. Лейтеса, в частности, о его работе в 1990-е годы в составе группы «Психология личности», возглавляемой А.В. Петровским, а затем в лаборатории теории и истории психологии. Проведенный анализ направлений исследований Н.С. Лейтеса и основных его монографий и статей показал его значительный вклад в теорию и практику отечественной психологии, подчеркнула выступающая.

В своих воспоминаниях *М.С. Страчеус* (проф. Московской консерватории им. П.И. Чайковского) рассказала о многолетней дружбе с Натаном Семеновичем, которая началась с противоположных рецензий на одну книгу, которую оба рецензировали по просьбе одного издательства. Приветливое и внимательное отношение к «оппоненту» и искреннее стремление «во всем разобраться», никого не подавляя и ничего не навязывая, определило на долгие годы диалогическое творческое взаимодействие и помощь автору – сотруднику проблемной лаборатории музыки и музыкального образования. В отличие от многих маститых рецензентов, Н.С. Лейтес никогда не требовал, — он, скорее, «обращал внимание автора». Такое же деликатное руководство научной работой отметил бывший аспирант Н.С. Лейтеса *А.Б.Орлов* (проф. Высшей школы экономики).

В своем выступлении *Н.Л. Карпова* (вед.н.с. ПИ РАО) рассказала о тесном сотрудничестве с Н.С. Лейтесом в последние десятилетия. «Способности, труд, талант» – так называется одна из его первых (1961 г.) небольших книг, и, разбирая в течение многих дней архив (более 30 папок) и библиотеку Натана Семеновича с Валентиной Ивановной Рождественской, верной его женой и соратницей (прожили вместе полвека, работали еще в лаборатории Бориса Михайловича Теплова), постоянно отмечали преобладание именно темы вышеназванной книги. Особый талант самого Н.С. Лейтеса состоял в «родственном внимании» к собеседнику, в умении заинтересованного тонкого наблюдателя психологических явлений давать им глубокий анализ. Последние 20 лет Натан Семенович активно участвовал в анализе работы групп семейной логопсихотерапии, в написании двух больших коллективных монографий по библиопсихологии и библиопедагогике (2005; 2013), а также в подготовке ряда дипломных и диссертационных работ. И можно говорить о *школе Лейтеса* по исследованию способностей и возрастной одаренности, но также все, кто учился у Натана Семеновича и сотрудничал с ним, тоже прошли *школу Лейтеса* – Ученого и Человека.

Об интересных встречах с Н.С. Лейтесом, оставивших большой след в жизни, и о работе с ним рассказали *Н.С. Ситникова*, бывший сотрудник ПИ РАО, и *А.И. Шувиков* – кинорежиссер телеканала «Культура», *О.Л. Кабачек* - н. сотр. РГДБ. *А.А. Голзицкая* (м.н.с. ПИ РАО) рассказала о совместном с Н.С. Лейтесом, Н.Л. Карповой и Н.А. Ситниковой написании статьи «К проблеме индивидуальных различий в логопсихотерапии» (2009) и о дипломной работе по исследованию проективной функции библиотерапии.

Во время заседания Круглого стола также были продемонстрированы фрагменты видеозаписей и фотографии из архива Н.С. Лейтеса. Текст материалов будет опубликован в сборнике и на сайте ПИ РАО.

Н.Л. Карпова – вед.н.с. ПИ РАО

(Опубликовано: *Круглый стол по проблемам индивидуальных различий и одаренности // Вопросы психологии, 2-14, № 4, с. 167-170*)

О НАТАНЕ СЕМЕНОВИЧЕ ЛЕЙТЕСЕ

Э.А. Голубева

д. псих. н., гл.н.с. ФГНУ «Психологический институт» РАО, г. Москва

Когда мы говорим о Натане Семёновиче Лейтесе, старейшем отечественном психологе, докторе психологических наук, почетном члене общества психологов России, лауреате премии Правительства Российской Федерации (1998 г.), мы вспоминаем не только его научные труды, но и особенности его личности – бескорыстная преданность науке, исключительная добросовестность, умение в трудных условиях отстаивать свои убеждения, гуманизм, постоянное стремление быть полезным людям.

Он был очень скромным и воспитанным человеком, не любил говорить о себе. Но благодаря одному из редакторов “Психологического журнала”^{*} мы всё-таки знаем о нём и его семье. Натан Семёнович родился в г. Днепропетровске (бывшем Екатеринославе). Затем, в 1924 году его семья переехала в Москву. Его отец, юрисконсульт, по мировоззрению был толстовцем. Мать, врач по образованию, не работала по специальности, так как вела домашнее хозяйство и воспитывала троих детей. В доме была хорошая духовная атмосфера, много времени уделялось чтению художественной литературы, на детей не оказывалось психологического давления.

В 1937 г. Натан Семёнович с отличием окончил школу и поступил на филологический факультет МГУ. Под влиянием книги В.М. Экземплярского “Проблемы одарённости” и книги С.Л. Рубинштейна “Основы общей психологии” в 1945 году он решил поступать в заочную аспирантуру Научно-исследовательского института психологии. При подаче документов Наталья Александровна Менчинская посоветовала ему поступать в очную аспирантуру и рекомендовала поговорить с Борисом Михайловичем Тепловым, который предложил вступительный реферат написать по книге Т. Рибо “Творческое воображение”. Успешно сдав экзамен, Лейтес стал (едва ли не первым) аспирантом Бориса Михайловича Теплова. Под его руководством он защитил кандидатскую (1948) и докторскую (1970) диссертации об одарённых детях.

Поражает удивительная целенаправленность Натана Семёновича: он был практически единственным, кто начал разрабатывать в нашей стране оригинальное направление исследований соотношения возрастных и индивидуальных особенностей детей и подростков как условия, необходимого для понимания отдельных случаев становления одарённых детей. По существу, этому направлению он остался верен до конца своей научной деятельности, внося уникальный вклад в отечественную науку. Он тщательно изучил особенности детей трёх возрастных групп: 8–9 лет (2 классы), 12–13 лет (6 классы) и 15–16 лет (9 классы), введя понятие “возрастная одарённость”, с помощью которого описывал обнаруженную им зависимость между становлением способностей ребенка и специфическими возможностями детства, ходом возрастного созревания. Оказалось, что возрастные различия могут перекрывать и половые, и индивидуальные, поэтому их надо исследовать и учитывать при работе с каждым конкретным учеником.

Отдавая должное роли воспитания в психическом развитии ребенка, он вместе с тем убедительно показал неправомочность отождествления процесса развития с “присвоением” закономерностей психического развития. На большом фактическом материале Лейтес

^{*} Лейтес Н.С. Изучать одаренность детей: запись В.И. Артамонова // Психол. журн. 1992. Т. 13. № 1. С. 147–164.

рассмотрел проблему детской сензитивности и показал, что каждый возрастной период связан не только с приобретением новых возможностей развития, но и с потерями. Он выделил разные виды внутренних предпосылок одаренности: преходящие, которые исчезают при переходе на следующий возрастной этап, и те, которые становятся устойчивыми индивидуальными особенностями человека. Одаренность выявляется по мере того, как из череды сменяющихся возрастных свойств выступают те, которые укореняются, за которыми будущее. Иными словами, возрастное переходит в индивидуальное.

Лейтес тщательно подбирал для наблюдения “чудо-детей” и вундеркиндов на основе их различий по темпераменту, полагая, вслед за Б.М. Тепловым, что природной основой темперамента являются различия в общих свойствах высшей нервной деятельности, а также различия во взаимодействии двух сигнальных систем. Исследуя проблему одаренности, он исходил из того, что не следует переоценивать формализованный, по существу “измерительный” подход к одаренности, и считал необходимым качественный анализ этого феномена.

Будучи мастером наблюдения, он имел дело с самыми различными ситуациями: присутствовал на школьных уроках, преподавал в старших классах логику и психологию, был классным руководителем в 10 классе, посещал своих учеников дома, гулял с ними по городу. В результате многомесячных, а иногда и многолетних наблюдений Лейтес создал интереснейшую “галерею” психологических портретов отдельных учеников: детей, подростков, юношей, – в которой убедительно показал, что “целое не только больше суммы частей – целостный образ не только конкретизирует, он углубляет проблему”. Эта работа была настолько интересна и поучительна, что останется навсегда образцом того, как следует применять метод наблюдения в психологических исследованиях. Лейтес “прикасался” к растущему человеку “кистью художника”, он показал большую “разрешающую” способность этого метода. По степени проникновения во внутренний мир человека созданные Н.С. Лейтесом психологические портреты могли поспорить с работами признанных мастеров-живописцев.

Чрезвычайный интерес и особую актуальность сегодня представляет проведенное Натаном Семёновичем исследование проблемы нравственной одаренности (1997). Он показал, что нравственность человека – не просто результат усвоения норм и принципов, что к ней существуют внутренние предпосылки, и что нравственная потребность может играть ключевую роль в умственном развитии взрослеющего человека. Он писал: “В наш век развития кибернетики, когда так сближены понятия о мозге и автоматах, механизмах, особенно важно не упускать из виду человечность ума”. Можно считать, что это завещание Н.С. Лейтеса.

Необходима специальная работа специалистов по истории и методологии психологии для того, чтобы определить место оригинальной концепции Н.С. Лейтеса в отечественной науке, учитывая его основную устремлённость – сохранять “дух научности” (это его термин), в частности, опираясь на современную психогенетику и дифференциальную психофизиологию.

Натан Семёнович был ученым высочайшей квалификации, тонким психологом, обладавшим большой “интеллектуальной зоркостью”, проникавшей в самую суть психологического явления. Его труды сочетают в себе фундаментальность рассмотрения научных проблем с простотой и логической стройностью изложения, они помогают понять значение педагогики, увидеть перспективу развития ребёнка, учат избегать поверхностности, шаблонности в оценках и характеристиках детей.

Н.С. Лейтес – автор десятка монографий и брошюр, под его руководством защищено 10 кандидатских диссертаций. Широко известны такие его работы, как “Об умственной одаренности” (1960); “Умственные способности и возраст” (1971) – книга, получившая первую премию Академии педагогических наук СССР; “Возрастная одаренность и индивидуальные различия” (Избранные труды) (1997, 2003); “Возрастная одаренность школьников” (2000). Под его руководством и с его авторским участием издано учебное пособие для студентов “Психология одаренности детей и подростков” (1996, 2000), коллективная монография “Библиопсихология и библиотерапия” (2005) и подготовлен ее новый выпуск “Библиопсихология. Библиопедагогика. Библиотерапия”, также подготовлен учебник психологии для педагогических институтов. Всего Н.С. Лейтесом было опубликовано более 100 научных работ. Его труды в переводе были изданы в Германии, Венгрии, Румынии, США.

Натан Семёнович был великолепным редактором. Он готовил к печати и редактировал двухтомник избранных трудов Б.М. Теплова. С огромным вниманием и заинтересованностью он относился к исследованиям молодых сотрудников и аспирантов, органически сочетая почти отеческую заботу об аспиранте и высокую требовательность. Работать под руководством Натана Семёновича считалось большой жизненной удачей. В нашей памяти и сердце навсегда

останется светлый образ Натана Семёновича Лейтеса, большого ученого, талантливого и оригинального исследователя, товарища, замечательного человека.

*(Опубликовано: Натан Семенович Лейтес
// Психологический журнал, 2014, том 35, № 3, с. 142–144)*

СЛОВО О НАТАНЕ СЕМЕНОВИЧА ЛЕЙТЕСЕ

В.Э. Чудновский

д.псх.н., вед.н.с. ФГНУ «Психологический институт» РАО, г. Москва

Прошло полгода. Не верится, что Натан Семеновича нет с нами. Наша дружба (сейчас могу сказать сейчас об этом с гордостью) продолжалась более 50 лет. Мы жили в разных концах Москвы, достаточно далеко. Но я постоянно чувствовал, что Натан Семенович рядом. Что можно снять трубку телефона и услышать его голос, в котором столько тепла. Голос, в котором слышалось не только искреннее сочувствие чужому горю, но и искренняя радость чужой радости. Сама возможность снять трубку и услышать: «А вы читали последний номер Литературной газеты?» - добавляла сил, помогала жить.

Натан Семенович был замечательным научным руководителем. В его отношениях с аспирантами сочетались дружеская поддержка, почти отеческая забота со строгостью и требовательностью. Текст моей первой статьи я переделывал 10 раз. Натан Семенович решительно возвращал очередной вариант с поправками и вопросительными знаками. Но когда был одобрен последний вариант текста, и я отнёс его Борису Михайловичу Теплову, который был тогда редактором «Вопросов психологии», тот, увидев подпись Лейтеса, не читая, дал указание - «в набор».

Натан Семенович обладал замечательной способностью интуитивно и безошибочно определять главную изюминку проблемы и наиболее рациональное направление исследования. В начале работы я принёс ему огромный ворох подготовленных материалов. Он внимательно прочитал и при встрече сказал: «Там есть одна фраза, обратите на неё внимание, и пусть она будет «изюминкой» проблемы». И действительно, вскоре она выросла в проблему соотношения возрастных и индивидуальных особенностей в процессе развития. Показательный факт в биографии Натана Семеновича: он разглядел в восьмилетнем мальчике, которого наблюдал среди второклассников, будущего ученого, доктора биологических наук.

Натан Семенович оставил нам большое научное наследство. В течение многих десятилетий он отдавал свои силы и свой талант исследованию проблемы одарённости, которая долго не приветствовалась официальной наукой, недооценивавшей роль природного, индивидуального в жизни человека и его психическом развитии. Думаю, что сама проблема одарённости стала для него главной не случайно. Она стала следствием всей направленности его личности, его гуманизма, его человечности, его трепетного отношения к человеку и его природе. В то время как официальная наука настаивала на том, что способности есть результат усвоения социального опыта, главным интересом Натана Семеновича было таинство человеческой природы.

Он внёс большой вклад в понимание проблемы детской сензитивности. Если официальная наука ограничивалась характеристикой возможностей сензитивных периодов, Натан Семенович обратил внимание на другую сторону развития Я: переход от одного периода к другому связан не только с приобретениями, но и с потерями. Он как бы предупреждал: будьте внимательны, постарайтесь использовать те возможности, которые предоставляет каждый возрастной период, - в противном случае многое будет безвозвратно упущено.

Натан Семенович впервые показал сложную диалектику внутренних возрастных предпосылок одарённости. Он показал, что одарённость выявляется по мере того, как из череды сменяющихся возрастных свойств выступают те свойства, которые укореняются, за которыми будущее. Возрастное переходит в индивидуальное. Он утверждал, что нельзя переоценивать формализованный, по преимущественно измерительный подход к исследованию одарённости и

обратился к целостной личности. «Кому как не психологам,- писал он, - нужно знать и уметь описывать жизненную симптоматику, саму картину явления».

Натан Семенович прикасался к растущему человеку кистью художника, и на свет появлялись шестилетний математик Саша, десятилетний астроном Эдик, ученик 4 класса международник по призванию Костя... Натан Семенович оставил нам уникальную галерею психологических портретов, научную и практическую значимость которой невозможно переоценить.

В своё время Б.М. Теплов, выступая на ученом совете института и рассказывая о своих заметках психолога при чтении художественной литературы, заметил, что психологам нужно ещё много поработать, чтобы приблизиться к талантливым писателям по глубине проникновения во внутренний мир человека. Думаю, что по этому показателю психологические портреты Натана Семёновича могут поспорить с работами талантливых писателей. В самом деле, написанные им психологические портреты глубоко раскрывали внутренний мир взрослеющего человека. И, что может быть самое важное, - его потенциальные возможности. Его психологические портреты предостерегают от шаблона в оценках и мнениях, учат умению видеть в как будто бы бесспорных достижениях и теневые стороны, мешающие максимальному развитию потенциальных возможностей.

Натан Семенович был разносторонне одарённым исследователем. В своё время им была создана экспериментальная методика двигательного последствия, которая получила широкое распространение. Он внёс фундаментальный вклад в методический арсенал психологической науки, показав огромные разрешающие возможности психологического наблюдения и монографического изучения детей. Блестящие возрастные и индивидуальные характеристики детей, выполненные Натаном Семеновичем, являются и, уверен, будут являться образцом психологического анализа. С его именем неразрывно связано исследование проблемы детской сензитивности.

Ещё один оригинальный вклад Натана Семеновича в психологическую науку: он начал разработку проблемы, которая, думаю, получит своё продолжение. Это не значит, разумеется, что нравственность, как таковая, является прирождённой. Но это значит, что существуют различные возрастные и индивидуальные предпосылки нравственности и учет этих предпосылок существенно обогатит психологию воспитания. Натан Семенович показал, что нравственность человека не просто результат усвоения определенных норм и принципов, что существуют внутренние предпосылки нравственности, что *нравственная потребность* может играть ключевую роль в умственном развитии взрослеющего человека. Он писал: «В наш век развития кибернетики, когда так сближены понятия о мозге и автоматах, особенно важно не упускать из виду *человечность ума*».

Нет с нами Натана Семеновича. И вновь возникает вопрос: правда ли, что незаменимых нет? Да, правда. Но правда и то, что незаменимые есть. Никто и ничто не может заменить то, что сделал Натан Семенович. И то, как он это сделал. Натан Семенович навсегда занял место в нашей душе, нашей памяти, нашем сердце. И это место незаменимо.

ЗНАЧЕНИЕ ОПИСАННЫХ Н.С. ЛЕЙТЕСОМ ЖИЗНЕННЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ШКОЛЬНИКОВ ДЛЯ ТЕОРИИ ПРИРОДНЫХ ОСНОВ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ И ЛИЧНОСТИ

Н.И. Чуприкова

д.псих.н., гл.н.с. ФГНУ «Психологический институт» РАО, г. Москва

В книге «Об умственной одарённости» Н.С. Лейтес представил жизненные характеристики школьников, принадлежащих к разным типам нервной системы - общим и специально человеческим. Это яркие, увлекательные и развернутые психологические характеристики. По своему жанру они стоят в одном ряду с замечательной книгой Б.М. Теплова о психологических особенностях ума, воли и поведения, отличающих выдающихся полководцев. У Н.С. Лейтеса - это описание психологических качеств ума и поведения школьников по разным типом нервной системы.

В работе использован метод наблюдения, которое проводилось на уроках, в беседах, во внешкольной деятельности. Сейчас этот метод не популярен. Но только он, по-видимому, может дать ценностную системную характеристику психологических индивидуальных качеств личности и поведения. Тесты, опросники, экспертные оценки характеризуют только отдельные стороны и проявления индивидуальности и личности. Из них не составить целостной психологической картины. Для этого не обойтись без метода наблюдения. Но само наблюдение должно быть целенаправленным и систематическим. Надо знать, что именно хочет наблюдать ученый. Хорошее наблюдение сложных явлений должно исходить из каких-то общих теоретических представлений. Научные факты всегда теоретически нагружены. Это справедливо и по отношению и к наблюдаемым фактам поведения. Они также должны быть вписаны в определённую теорию, должны ей соответствовать и в определённом смысле её воплощать. Только тогда они будут иметь научное значение.

Теоретическая нагруженность портретов школьников, представленных в книге Н.С. Лейтеса, неопределима. И в этом их глубокое значение для психологической науки. Какая же теория воплотилась в этих портретах?

Н.С. Лейтес, ученик и ближайший сотрудник Б.М. Теплова, начал разработку грандиозной научной проблемы. Он поставил своей целью построить теорию индивидуальности человека, теорию индивидуальных различий на основе Павловских представлений об основных свойствах нервной системы. Теория предполагает, что имеются природные биологические основы индивидуальности, что в природной основе многих индивидуальных различий людей должны лежать основные свойства их нервной системы. Поэтому в лаборатории было начато экспериментальное изучение свойств нервной системы человека, как общих для человека и животных (сила процессов возбуждения и торможения, их уравновешенность и подвижность), так и специально человеческих (соотношение первой и второй сигнальных систем). А Н.С. Лейтесу предстояло дать картину их жизненных проявлений. Предполагалось, что если свойства нервной системы действительно составляют мощный природный базис индивидуальности, то они должны находить ясное выражение в проявленных особенностях психики и поведения, в частности, в особенностях умственной деятельности. В исследовании Н.С. Лейтеса это предположение подтвердилось.

В течение длительного времени он наблюдал за поведением трёх участников 10 класса с примерно одинаковыми общими умственными способностями и с примерно одинаковыми высокими школьными отметками. Но многие особенности их умственной деятельности оказались очень разными и вместе с тем хорошо отвечающими теоретическим представлениям о таком ведущем свойстве нервной системы, как сила процессов возбуждения и торможения.

У двух учащихся обнаружилась непротиворечивая система таких особенностей умственной деятельности, которая имела все основания отнести их к сильному типу нервной системы. Это способность к обработке больших объемов учебного и научного материала, широта интересов и сфер деятельности, способность к одновременной работе в разных направлениях, быстрое включение в работу, высокая концентрированность, малая утомляемость. У третьего ученика обнаружилась столь противоречивая система совсем других особенностей умственной деятельности, которая позволяла говорить об определенной способности нервной системы. Это повышенная утомляемость, легкая тормозимость посторонними внешними воздействиями, трудность быстрого вхождения в работу, нехватка времени для того, чтобы справиться с разными делами и занятиями. Однако эти особенности компенсировались за счёт тщательного планирования занятий, за счёт тщательного и углублённого повторения материала, его всестороннего обдумывания и систематизации. Поэтому этот ученик мог подчас достигать такой глубины понимания изучаемого, которое могло быть недоступной быстро и легко всё схватывающим ученикам с сильной нервной системой. Очень выразительна характеристика ума, которую даёт Н.С. Лейтес двум мальчикам с разной силой нервной системы. Один из них – Арсений, обладающий сильной нервной системой, «умен сразу», а второй – Павел, представитель слабой системы, «умен потом».

Также очень выразительно описаны Н.С. Лейтесом особенности мышления и умственной деятельности трёх школьниц. Они таковы, что могут быть отнесены за счёт преобладания первой или второй сигнальной системы. Н.С. Лейтесом ярко представлены контрастные варианты их ума – не по величине и степени, а по направленности.

Ум двух девочек направлен на восприятие и познание конкретных явлений и фактов действительности. Их суждения о жизненных и изучаемых в школе явлениях характеризуются ясностью, четкостью, определённостью деятельности и систематичностью. Высказываемые ими суждения о конкретных явлениях весомы и аргументированы. При этом для одной из девочек было характерно образно-поэтическое восприятие действительности, тогда как у другой этого не было. Она оставалась в рамках, как пишет Н.С. Лейтес, ярко выраженного «здорового смысла». Описанные особенности ума, его направленности этих девочек хорошо отвечают Павловскому представлению о преобладании у них первой сигнальной системы.

Совсем другие особенности характеризуют ум третьей девочки. Он направлен в сторону формулирования общих понятий, поиска общих закономерностей и глубинного смысла наблюдаемых и изучаемых явлений. При этом в её высказываниях и суждениях можно увидеть определённую неполноту, недостаточную яркость чувственного восприятия. Система этих особенностей хорошо отвечает представлению о преобладании у данной девочки второй сигнальной системы.

Глубокий теоретический смысл имеют описанные Н.С. Лейтесом особенности языка и речи у девочек с преобладанием первой и второй сигнальной системы. Результаты наблюдений позволили сделать важное обобщение.

У девочек с преобладанием первой сигнальной системы ведущая особенность речи состоит в переводе в словесно-вербальную форму результатов деятельности первой сигнальной системы. У них речь – это по преимуществу способ словесного выражения первосигнальных впечатлений. Такой способ может иметь два разных вида. Один вид характерен для школьницы Вики, это речь образная, метафорическая, яркая. Вторым видом, отличающим речевую продукцию школьницы Нины, это речь четко-конкретная, как пишет Н.С. Лейтес, «бесчувственно выражающая» близость её ума к действительности. Совсем другой характер носит речь школьницы Юли, у которой преобладает вторая сигнальная система. В её речи больше места занимают общие абстрактные понятия. Её речь, как пишет Н.С. Лейтес, по преимуществу выполняет функцию обобщения и отвлечения от действительности.

Хотя обе функции языка и речи обязательно представлены в психике и поведении всех людей, в их соотношении, как показано Н.С. Лейтесом, могут иметь место большие различия. Язык и речь разных людей могут быть в значительно разной степени нагружены либо образным, либо абстрактно-отвлечённым и обобщённым содержанием. Эти результаты наблюдений Н.С. Лейтеса имеют очень большое и явно недооценённое значение в контексте дискуссионных лингвистических и психологических проблем, касающихся значений слов языка. Книга Н.С. Лейтеса «Об умственной одарённости» – это классика отечественной психологии. Она должна входить в список книг, содержание которых должно быть известно каждому профессиональному психологу.

О ВОЗРАСТАЮЩЕЙ РОЛИ ТЕОРИИ Н.С.ЛЕЙТЕСА

Д.Б. Богоявленская

д.псих.н., вед.н.с. ФГНУ «Психологический институт» РАО, г. Москва

В ситуации государственной важности проблемы выявления и сопровождения одаренных детей приобретает все большую актуальность указание Н.С.Лейтеса на то, что при быстром умственном подъеме специфические возможности отдельных возрастов могут как бы суммироваться, оказывать совместное действие. В результате это приводит и многократному усилению их действия, к удивительным проявлениям ума, которыми блещут некоторые дети. Вместе с тем, Лейтес подчеркивает сомнение в том, надолго ли сохранится возникшее сочетание внутренних условий умственного роста, поскольку дальнейшее развитие детей, у

которых совместились черты их возраста и последующего, может протекать по разному. Для обозначения такого рода феноменов, наблюдаемых в годы детства и отрочества, Лейтес считает правомерным употреблять выражение *возрастная одаренность*. По его мнению, употребление слов “возрастная одаренность” привлекает внимание к тому, что характеризуется именно ребенок, чьи свойства еще не указывают достаточно определенно на их уровень и своеобразии в будущем. Не учет данного факта при акценте на раннее выявление одаренности образует серьезные риски, как в развитии одаренности, так и развитии личности этих детей.

О НАУЧНОМ ПУТИ НАТАНА СЕМЕНОВИЧА ЛЕЙТЕСА

Л.А.Карпенко

к.псих.н., вед.н.с. ФГНУ «Психологический институт» РАО, г. Москва

Проследивая научный путь Натана Семеновича Лейтеса, отметим некоторые его вехи: в 1945 г. Лейтес кончил филологический факультет МГУ. В этом же году поступил в аспирантуру Института психологии АПН РСФСР, став одним из первых аспирантов и ближайшим сотрудником Б.М. Теплова (1896-1965). В 1948 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Склонность к труду как фактор одаренности». С 1965 по 1970 г. работал в лаборатории психофизиологии, возглавляемой, после Б.М. Теплова, В.Д. Небылицыным (1930-1972). В 1970 г. Н.С. Лейтес защитил докторскую диссертацию на тему: "Возрастные и типологические предпосылки общих умственных способностей" [1]. С 1973 по 1978 г. он возглавлял группу по изучению склонностей и способностей. В 1978 г. из-за разногласий с тогдашним директором покинул институт, уйдя на пенсию, но в 1986 г. по приглашению нового директора вновь вернулся теперь уже в НИИ ОиПП АПН СССР.

Н.С. Лейтес был известнейшим специалистом в своей области. Он разработал концепцию детской одарённости и развития способностей детей, в которой одну из ведущих ролей отводил собственной активности детей. Исследовал также индивидуальные стили умственной деятельности школьников, показал, что возрастное развитие происходит неравномерно.

После преобразования в 1993 г. Академии педагогических наук СССР в Российскую академию образования Натан Семёнович, как главный научный сотрудник, работал в группе Психологии личности, возглавляемой А.В. Петровским [3]. В состав группы в то время также входили Л.А. Карпенко, М.Ю. Кондратьев и Е.Ю. Уварина. Исследовательская проблематика группы касалась генеза и феноменологии развивающейся личности в современном обществе. И хотя нельзя сказать, что Н.С. Лейтес непосредственно относился к научной школе А.В. Петровского, тем не менее, тема его исследований была вполне в русле научной проблематики группы психологии личности.

В 1998 г. А.В. Петровский оставил административную работу в РАО и сосредоточился на научной работе в ПИ РАО и Университете РАО. Группа психологии личности была преобразована в лабораторию Теории и истории психологии. Сотрудниками лаборатории в этот период были: Н.С. Лейтес, Л.А. Карпенко, С.В. Ильина, О.В. Каекин, А.И. Сокова, И.Р. Айрапетян. Исследования лаборатории с этого периода были направлены на разработку основ теоретической психологии и создания Энциклопедического словаря в 6 томах, «Психологический лексикон».

Н.С. Лейтес продолжал исследования проблемы одарённости в составе лаборатории вплоть до 2003 г. [2]. В отчётных статьях им была показана неразрывная взаимосвязь индивидуального и возрастного в признаках умственной одаренности. Он ввёл понятия «возрастные факторы одаренности», «возрастная одаренность». В центре его внимания были проблемы, связанные с трудностями диагноза и прогноза развития умственной одарённости. Однако он обращал внимание и на то, что теперешняя ситуация в школах может давать некоторые поводы для беспокойства: «Повсеместно выделяют группы учеников, которых называют одаренными. Выделяют их по самым разным основаниям. Нужно бы деликатнее обращаться со словом «одаренный», не злоупотреблять им».

«Разумеется, я не хочу сказать, - писал Н.С. Лейтес, - что надо вообще перестать пользоваться выражениями «одаренный ребенок», «одаренные дети». Эти во многом условные выражения нужны как описательные, в первом приближении. Но плохо, когда они становятся единственными, жестко фиксированными. Чтобы этого не происходило, и нужны некоторые варианты, формулировки, более конкретно обозначающие интересующих нас детей. Такую роль могут выполнять слова: «признаки одаренности ребенка», «дети с признаками одаренности». Вопрос о замене выражения «одаренный ребенок» на выражение «ребенок с признаками одаренности» — это не формальный, не схоластический вопрос об оттенках терминов, как это может кому-нибудь показаться, а нечто реально значимое. От того или иного словоупотребления зависит само осмысливание своей работы. От этого может зависеть и взаимопонимание с педагогами, с самими детьми, выделяемыми как одаренные, с обществом» [2].

С 2004 г., окончательно выйдя на пенсию, Н.С. Лейтес уже не работал в лаборатории Теории и истории психологии. Его научные и исследовательские интересы в большей мере были связаны с проблематикой научно-исследовательской группы под руководством Н.Л. Карповой, которой он сотрудничал с 1994 г.

Говоря о научных трудах Натана Семеновича, отметим, что в своих наиболее известных публикациях "Об умственной одаренности" (1960), "Умственные способности и возраст" (1971), "Способности и одаренность в детские годы" (1984)) он проанализировал качественные различия в умственной одаренности школьников и представил оригинальный метод сравнения психологических характеристик одаренных детей, поставил вопрос о соотношения индивидуального и возрастного в ходе становления интеллекта [1]. В работах Н.С. Лейтеса был также дан анализ трех школьных возрастов и разных вариантов неравномерности хода возрастного развития в контексте изучения склонностей и способностей детей. И тогда же им было введено понятие "возрастная одаренность". Другое направление исследований Лейтеса было связано с изучением характеристик темперамента («Опыт психологической характеристики темперамента», 1956). Это было, в своё время, существенным вкладом в развитие дифференциальной психофизиологии, так же как изучение феномена «последствия» на основе разработанной им оригинальной методики «двигательного последствия».

Большое значение как для диагностики одаренности, так и для анализа ее структуры имели исследования Лейтеса, посвященные изучению роли умственной активности в структуре развивающегося интеллекта ("К вопросу о динамической стороне психической активности", 1977) и особенностей развития одаренности в детстве ("К проблеме сензитивных периодов психического развития человека", 1978; "Ранние проявления одаренности", 1988). Многолетние исследования Н.С. Лейтеса обобщены в его книгах "Возрастная одаренность и индивидуальные различия. Избранные труды" (1997, 2007, 2008), "Возрастная одаренность школьников" (2000). Под редакцией Н.С. Лейтеса и с его авторским участием издано учебное пособие для студентов "Психология одаренности детей и подростков" (1996, 2000) [1].

1. Марцинковская Т.Д. Лейтес Натан Семёнович./История психологии в лицах. Персоналии / Под ред. Л.А. Карпенко // Психологический лексикон. Энциклопедический словарь в шести томах / Ред.-сост.

Л.А. Карпенко. Под общ. ред. А.В. Петровского / Т.Д. Марцинковская. – М.: ПЕР СЭ, 2005. – с. 265-266.

2. Лейтес Н.С. Предыстория разработки проблем одарённости в Российской психологии / Краткий отчет о научной работе за 2003 г. по теме: Теоретико-методологический анализ исторического движения психологического знания (в конкретных областях психологии)// ПИ РАО. Лаборатория Теории и истории психологии./ Н.С. Лейтес. – М. ПИ РАО, с. 10-12. (Рукопись).

3. Карпенко Л.А. Школа Петровского / Л.А. Карпенко // Развитие личности. – 2014. - № 3. – 2,52 п.л. (в печати).

УНИКАЛЬНОСТЬ Н. С. ЛЕЙТЕСА КАК ЧЕЛОВЕКА И УЧЕНОГО

Е.И. Щепланова

д.псих.н., зав. лабораторией ФГНУ «Психологический институт» РАО,

г. Москва

Основной проблемой, изучению которой Н. С. Лейтес посвятил свою долгую жизнь, была проблема одаренности и одаренных детей. Он работал над этой проблемой и тогда, когда ее не признавали и даже препятствовали ее изучению, и тогда, когда значение этой проблемы стало общепризнанным и ее изучение приобрело широкий размах. Его уникальные и обширные научные исследования, обобщенные в целостной концепции возрастной одаренности, создали научный фундамент отечественной психологии одаренности. Разработанные им теоретические положения о природе и структуре детской одаренности не только не теряют своей актуальности и значимости, но их важность становится все более очевидной по мере накопления данных по этой проблеме в мировой науке.

С позиций целостного подхода к изучению индивидуального развития одаренных детей Н. С. Лейтесом были проведены уникальные многолетние исследования. В созданных им психологических портретах школьников отражены целостные и всесторонние характеристики не только интеллектуальных способностей детей разного возраста, но и их потребностей и интересов, эмоциональных реакций, взаимоотношений со сверстниками и окружающими взрослыми, особенностей их поведения в различных ситуациях. Это позволило определить качественное своеобразие умственных возможностей детей, возрастных предпосылок становления общей одаренности, а также выделить ее основные составляющие: неустанную активность, стремление к самому процессу познания, высокий уровень интеллекта и творческих способностей.

Возрастные аспекты умственной одаренности изучены Н. С. Лейтесом наиболее полно. Под одаренностью он понимает "особо благоприятные внутренние предпосылки умственного развития, выступающие у ребенка в необычно высокой восприимчивости к учению и более выраженным творческим проявлениям" [1, с.57]. Причем каждую возрастную ступень отличают качественно своеобразные, не свойственные ни предыдущим, ни последующим возрастам возможности развития. Задачу изучения ранних признаков одаренности автор видит в том, чтобы "сквозь возрастные достоинства интеллекта выявить в той мере, в которой это возможно, уже собственно индивидуальные черты в их развитии" [там же, с. 66].

Для изучения одаренных детей и их сверстников на разных этапах школьного обучения ученым применялись преимущественно такие методы изучения, как наблюдение, беседы, естественный эксперимент, анализ продуктов деятельности, на основе которых была описана целостная жизненная симптоматика детской одаренности. На основе этих исследований Н. С. Лейтесом были выявлены качественные особенности младшего, среднего и старшего школьного возраста с их неповторимыми достоинствами и возможностями для умственного развития, а также индивидуальные и типологические проявления общей умственной одаренности в каждом из этих периодов [2]. Было показано, что достоинства детского ума не являются чем-то одномерным и в своеобразии умственного развития одаренного ребенка всегда неразрывно присутствуют два плана: на время возникающие общие возрастные особенности и собственно индивидуальные предпосылки одаренности.

Главным итогом этих наблюдений послужил вывод о том, что понятие "одаренные дети" следует относить к умственным преимуществам лишь на данном возрастном этапе и не воспринимать как точное указание на будущие успехи. Прогноз развития одаренности в детском возрасте не может быть абсолютно надежным в силу слитности ее возрастных и индивидуальных моментов. Однако, как утверждал Н. С. Лейтес, это должно вести не к отмене проблемы детской одаренности, а к перенесению акцента с попыток угадать и отобрать детей, обещающих будущие достижения, на выявление детей, чьи повышенные умственные возможности и восприимчивость к учению на данном этапе возрастного развития требуют для своей реализации особых условий воспитания и обучения [1]. С выводами Н.С. Лейтеса о проблематичности прогноза развития одаренности согласны также и зарубежные исследователи, проводившие длительные наблюдения за развитием детей с необыкновенными умственными способностями и описавшие случаи как оправдавшихся, так и не оправдавшихся надежд.

Н. С. Лейтес был не только выдающимся и преданным науке ученым, но и удивительным человеком. Мне довелось работать с ним при подготовке главы "Исследования способностей и одаренности в начале XX века" для сборника "Московская психологическая школа: история и современность" [3]. Меня восхищал глубокий интерес Н. С. Лейтеса к ранее утраченным работам по одаренности. Он очень тщательно анализировал точки зрения всех авторов и участников давних дискуссий, ранее неизвестные факты из трагической истории нашей науки и ученых, занимавшихся проблемой одаренности. Он старался максимально точно передать смысл высказываний Г. И. Челпанова, П. П. Блонского, В. М. Экземплярского и др., у которых находил созвучность своим мыслям и восхищался их предвидением. Меня потрясла его работоспособность и увлеченность стоявшей перед нами задачей. Уже после того, как мы подготавливали тексты, он звонил и просил (по памяти!) исправить некоторые фразы, чтобы как можно более точно передать смысл. Еще важно отметить тактичность его замечаний в адрес тех ученых, которые использовали научные дискуссии для политических обвинений своих оппонентов.

Я бесконечно благодарна Н. С. Лейтесу, что он сам предложил мне написать отзыв на автореферат моей диссертации, когда он уже не работал в институте. Я бы не осмелилась попросить его об этом. В своем отзыве он написал: "Работа направлена именно на выявление сути проблемы одаренности школьника. А суть эта в вопросах: в чем секрет особых умственных возможностей некоторых детей, чем эти дети отличаются от обычных, какую роль играют собственно умственные данные и личностные черты, как изменяются особенности незаурядных детей с возрастом, каким должно быть обучение таких детей по его организации и содержанию? На такие вопросы в работе даются ответы, основанные на анализе фактов, полученных по преимуществу экспериментально. Мы узнаем не только об отдельных составляющих феномена одаренности и соотношениях между ними, но и о целостных индивидуальностях, изменяющихся с возрастом". Этот отзыв Н. С. Лейтеса был мне тогда огромной моральной поддержкой и стимулом для дальнейшей работы.

1. *Лейтес Н.С.* Возрастной подход к проблеме детской одаренности // Основные современные концепции творчества и одаренности / Под ред. Д.Б. Богоявленской. М., 1997. С. 57–66.

2. *Лейтес Н.С.* Возрастная одаренность и индивидуальные различия: Избранные труды. – М.: МПСИ, 2003. – 464 с.

3. *Лейтес Н.С.*, *Матюшкин А. М.*, *Щебланова Е.И.* Исследование способностей и одаренности в начале XX века // Московская психологическая школа. История и современность: В 3т. / под ред. действ. чл. РАО, проф. В. В. Рубцова. Т.1. Кн. 2. М.: ПИ РАО, МГППУ, 2004. С.58-69.

4. *Лейтес Н.С.* Отзыв об автореферате докторской диссертации Е.И. Щеблановой "Одаренность как психологическая система: структура и динамика в школьном возрасте" // Из архива автора. М., 2006.

МОЙ ЛЮБИМЫЙ ОППОНЕНТ

З.Н. Новлянская

к.псх.н., вед.н.с. ФГНУ «Психологический институт» РАО, г. Москва

Кем был в моей жизни Натан Семёнович Лейтес? Так сложилось, что, прежде всего, – постоянным оппонентом. В 1966 году я стала аспиранткой лаборатории Психологии способностей нашего института. И первые же мои тезисы для первой научной публикации попали на рецензию к Натану Семёновичу.

Я, недавняя выпускница филфака МГУ, сочиняла всевозможные тексты довольно уверенно и считала, что главное – это писать предельно понятно и интересно для читателя. И вот мне передают, что Натан Семёнович, не ограничиваясь формальной рецензией, хочет поговорить со мной про мои тезисы. Прихожу я к нему и получаю довольно строгий выговор за то, что не соблюдаю научного стиля и пишу легковесно, «как будто для «Пионерской правды». От этого нашего первого разговора осталось очень сложное чувство: моя «филологическая честь» была задета, но я понимала, что оппонент мой, во-первых, глубоко прав и что, во-вторых, он очень

хочет, чтобы моя первая научная публикация была достойной, удачной публикацией. Это ощущение строгой доброжелательности сопровождало и все наши последующие отношения.

Натан Семёнович был оппонентом многих моих работ – и научных, и научно-популярных. И всегда это был глубокий, скрупулёзный анализ, в котором не было и тени формализма. Он всегда умел найти в любой работе самые главные «точки роста», подсказывая перспективные направления для дальнейшего научного поиска. Так, в отзыве на мою диссертацию, высказывая по сути дела критическое замечание относительно недоопределённости термина «впечатлительность», которым был обозначен один из компонентов литературно-творческих способностей, он советует рассмотреть его в плане эстетических эмоций и отношений. И именно этот совет помог мне выйти на проблему эстетического отношения к жизни как первоосновы художественного творчества.

В этом же отзыве, анализируя созданные мною исследовательские методики, он указал на их развивающий потенциал и возможности использования в педагогической практике. Это впервые заставило меня задуматься над проблемой психолого-педагогических условий литературно-художественного развития. Так мой оппонент помог мне определить два главных направления всей моей будущей научной деятельности: исследование эстетического отношения и авторской позиции – и тех условий, в которых может происходить их полноценное становление у ребёнка. Результаты этих исследований нашли своё воплощение в курсе «Литература как предмет эстетического цикла», который был создан в соавторстве с Г.Н. Кудиной и стал главным делом в моей профессиональной жизни.

Ещё одно замечательное качество Натана Семёновича – внимание к языковому воплощению рецензируемых работ. Он, по сути дела, был тем редким оппонентом, который брал на себя заботу и по редактированию текста, подсказывая, как сделать его более ясным, точным, красивым. Мелким почерком на полях не ленился он выписывать свои замечания, не жалея времени на эту уже не психологическую, а филологическую работу.

Что касается научного влияния, то самое большое значения для моего становления имела особая «гуманитарность» работ Натана Семёновича. В то время, когда психология шла преимущественно по естественно-научному пути, когда всюду преобладал точный эксперимент и приветствовались количественный анализ и статистически значимые результаты, он отстаивал необходимость существования и других, гуманитарных методов нашей науки. Глава его докторской диссертации, посвящённая классическому методу наблюдения, стала, по сути дела, реабилитацией этого метода для нас, начинающих свою научную жизнь.

Образцовыми были для нас и те психологические характеристики, которые присутствовали в его работах о детской одарённости. Они учили нас не терять целостного подхода к человеку за множеством частных экспериментальных показателей.

Строгий, ответственный, всегда доброжелательный, предельно честный, скромный и стойкий в своих убеждениях – таким остаётся в моей памяти мой любимый оппонент. Мне очень повезло, что жизнь подарила мне встречу с Натаном Семёновичем Лейтесом.

ПРАВИЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

А.А. Мелик-Пашаев

д.псих.н., зав. лабораторией ФГНУ «Психологический институт» РАО, г. Москва

Вспоминая Натана Семёновича, еще раз повторю сказанное к его 90-летию юбилею: в его облике очень трудно разделить «человеческое» и «профессиональное». Он был не только выдающийся мастер живого наблюдения и тонкого описания, отечественный представитель понимающей психологии, но много лет стойко удерживал этот курс при весьма неблагоприятном идеологическом ветре. Ценил научную строгость и достоверность, стремясь, где это возможно, к доказательности, он никогда не забывал о безмерной сложности человеческого существа и о том, что нечто главное рождается «внутри» ребенка, а не проектируется нами извне.

Натан Семенович не занимался специально психологией художественного творчества, но получилось так, что он оказывался постоянным оппонентом, советчиком, рецензентом моих работ почти с самого начала и до защиты докторской диссертации. Одно, казалось бы, «нормальное», но редко встречающееся человеческое качество его проявилось в том единственном случае, когда он отнесся к моей совместной с З.Н. Новлянской работе не то чтобы отрицательно, но – критически. Во всяком случае, нужного отзыва, который мы от него хотели получить, он тогда не дал. (Замечу попутно: не могло возникнуть даже малейшей тени обиды на этого человека, бескорыстие, принципиальность и доброжелательность которого были очевидны.)

Это была одна из первых наших совместных статей, в которых мы пытались обосновать свое понимание эстетического отношения к жизни как первоосновы способностей к художественному творчеству. Парадокс состоял в том, что еще до этого З. Новлянская говорила об «эстетической позиции» при обсуждении плановых работ у нас в институте, встретила непонимание, а единственным, кто ее «защитил», был как раз Натан Семенович. Но письменный текст, в котором непривычность нашего подхода была, наверное, прописана уже более определенно, его не убедил. Насколько я помню, ему показалось, что мы говорим о каких-то второстепенных и «локальных» проблемах и не придаем достаточного значения тому, что принято было называть «идейным содержанием искусства». Напоследок он посоветовал нам читать труды одного известного эстетика, «вольномышленовавшего» в рамках марксизма.

Прошло небольшое время – и оказалось, что вдумчивый, «гуманитарный», сверхдобросовестный Натан Семенович пересмотрел свою точку зрения, сам завел разговор на эту тему, даже поиронизировал на собственный счет и «отозвал» свою рекомендацию. Много ли найдется известных, авторитетных, немолодых ученых, которые без всякой необходимости поступили бы подобным образом? Позже он стал рецензентом нашей книжки «Ступеньки к творчеству» и дал очень ценные советы по расстановке акцентов и отсечению некоторых чужеродных аспектов рукописи; еще через много лет был оппонентом на защите моей докторской диссертации.

Уже после ухода Натана Семеновича в его архиве нашлась папка, в которой он хранил несколько рукописей работ моих и Новлянской и своих отзывов и заметок по их поводу – начиная с большого, содержательно глубокого отзыва на ее кандидатскую диссертацию 1968 года, посвященную проблеме литературных способностей детей. Какая серьезность отношения к людям, с которыми сводила его судьба! Ведь мы не относились к числу особо близких ему людей, ни по жизни, ни по направлению исследований. Сколько же подобных папок он, наверное, складывал и хранил в течение своей длинной жизни!

Многое в научных исследованиях Натана Семеновича оказалось очень полезным для моего понимания проблематики художественной одаренности. Сейчас скажу лишь об одном. Работая в традиции, берущей исток в исследованиях И.П. Павлова, он показывал, что человек, не направленный на художественное творчество, может, тем не менее, принадлежать, с общей психологической точки зрения, к «художественному типу», и что таково явное большинство нормально развивающихся детей. И, хотя конкретные дети могут не проявлять ни интереса, ни заметной художественной одаренности, их принадлежность к данному типу – не просто нейтральная психологическая характеристика, а благоприятная возможная предпосылка реального художественного развития.

Это помогло нам с З. Новлянской различить родовую, общечеловеческую – возрастную! – художественную одаренность, и одаренность индивидуальную, которая требует своей реализации именно в художественном творчестве. А из этого следует целый ряд важных выводов, касающихся педагогической стратегии, критериев оценки, принципов диагностики художественного развития детей... Поэтому у меня были основания публиковать некоторые работы Натана Семеновича в журнале «Искусство в школе», где я с полным правом представлял его художественно-педагогической аудитории как автора исследований, дано признанных классическими. А он мягко упрекал меня за преувеличение...

Как-то, еще при жизни Натана Семеновича, мы говорили о нем с Зинаидой Николаевной Новлянкой, которая знала его дольше и, наверное, ближе, чем я. Говорили как о человеке, который далек от суеты; для которого естественно не прилаживаться к обстоятельствам, а быть верным себе и достойно поступать в сложных жизненных ситуациях. И моя собеседница подвела итог: Натан Семёнович так ведет себя потому, что он – *человек правильный*. А где «правильный», там недалеко и «праведный», ведь это родственные слова. И, вспоминая жизнь Натана Семеновича, можно поверить, что долголетие даруется порой за эту самую праведность. А еще, когда я восстанавливаю в памяти образ Натана Семеновича, я вспоминаю евангельские слова о человеке с похожим именем Натанаил: «Вот человек, в котором нет лукавства».

ПАМЯТИ НАСТАВНИКА

Страчеус М.С.

*к. искусствоведения, д.пед.н, профессор
Московской консерватории им. П.И.Чайковского*

Почти тридцать лет тому назад мне пришлось писать рецензию на книгу зарубежного автора. Нужно было оценить полезность перевода и знакомства с книгой отечественного читателя. Когда настало время сдавать рецензию, оказалось, что параллельно той же работой «загрузили» Натана Семеновича Лейтеса и оба рецензента предстали перед издателем. Так состоялось личное знакомство.

В наших рецензиях содержались прямо противоположные оценки издательских перспектив книги в СССР. Подобные ситуации встречаются не часто, но ничего хорошего обычно не предвещают, особенно, если один из участников, можно сказать, «живой классик», а другой — едва остепенившийся исследователь. Тогда «консенсус» нашли быстро, Натан Семенович спокойно и не без самоиронии присоединился к доводам готовой «к борьбе» ершистой младшей коллеге. Позже обсуждение позиций, критериев оценки, идей и выводов познакомившего нас автора заняло достаточно много времени ко всеобщему неизъяснимому удовольствию.

Не могу забыть первую встречу: приветливое лицо и внимательные глаза Натана Семеновича, крепкое рукопожатие, творческий, я бы сказала, интерес к возникшей коллизии, искреннее стремление «во всем разобраться», никого не подавляя и ничего не навязывая. Это было настоящее пиршество свободы движения и выражения мысли, редкое и особо ценное для меня не только в те, «советские», но и в нынешние времена.

Подобное диалогическое творческое взаимодействие стало своего рода традицией наших, к сожалению, нечастых встреч с Натаном Семеновичем. Мы обсуждали самые разные научные и экзистенциальные проблемы, литературные пристрастия, исторические параллели, «твердые» убеждения и «неясные» сомнения и т.д. — всего не перечислить. Только сейчас пришло понимание, каким же подарком судьбы оказалось то «рядовое» рецензирование, которое могло бы потеряться в текучке повседневности. В результате я была поистине удостоена дружеского участия неординарного глубокого Ученого и удивительного Человека. Для меня он стал Наставником в самом точном смысле этого понятия — тем, кто поднимает дух, поощряет и поддерживает, кто щедро делится опытом и, главное, энтузиазмом по отношению к работе, кто помогает другим раскрыть и реализовать свои возможности.

Конечно, надо бы вспомнить неизбежные для истории любых профессиональных контактов официальные рецензии Н.С. Лейтеса (неизменно доброжелательные) и его неофициальные, личные (неизменно глубокие и вдохновляющие) отзывы на мои скромные работы, на лекционные курсы, учебные программы и т.п. Даже серьезные замечания Натан Семенович умел сформулировать так, что всемерная поддержка автора трудов ни при каких условиях не могла подвергнуться сомнению.

В отличие от многих маститых рецензентов, Н.С. Лейтес никогда не требовал, — он, скорее, «обращал внимание автора». Приведу пример. В конце 90-х он рецензировал первую редакцию моей книги «Слух музыканта» (издана в 2003 г.) на заседании Проблемной лаборатории музыки и музыкального образования Московской консерватории. Главное замечание рецензента —

неудачная композиция работы. Убедительно обосновав эту оценку, Натан Семенович предложил вариант композиции, который считал более приемлемым. Сама интеллигентная вдумчивая форма выступления рецензента вызывала у автора не желание «защищаться», а азарт поиска причин, которые могли вызвать впечатление нелогичности композиции. Причины были найдены (дело в том, что в одной книге причудливо «слепились» две и их нужно было разделить). Я села переписывать книгу заново, о чем восторженно сообщила ему. Вначале он пришел в ужас от поистине катастрофических последствий своего рецензирования. Но потом произнес немного ироничную формулу, которую после не раз повторял мне в подобных ситуациях: «Вы растете быстрее Ваших книг и, тем более, быстрее Ваших читателей. Оставляйте что-нибудь для «вторых» и «третьих» изданий!» Как обычно, совет не требовал немедленного исполнения — лишь напоминал о разумности самоограничений в исследовательской работе.

Подозреваю, что эти заметки Натану Семеновичу не понравились бы — многовато пафоса. Подобную тональность выражения чувств он не приветствовал. Да и что-то самое важное, самое главное все же не сказано. Трудно искать точные выражения, когда горечь потери еще так остра...

СПОСОБНОСТИ, ТРУД, ТАЛАНТ НАТАНА СЕМЕНОВИЧА ЛЕЙТЕСА (РАЗБИРАЯ АРХИВ...)

Н.Л. Карпова

д.псих.н., вед.н.с. ФГНУ «Психологический институт» РАО, г. Москва

«Способности, труд, талант» – так называется одна из первых (1961 г.) небольших книг Натана Семеновича Лейтеса, а всего за долгую и плодотворную жизнь им написано более ста замечательных статей и десятков интереснейших монографий, которые востребованы и сейчас, не раз переизданы и переведены на иностранные языки...

Разбирая в течение многих дней архив (более 30 папок) и библиотеку Натана Семеновича с Валентиной Ивановной Рождественской, верной его женой и соратницей (прожили вместе полвека, работали еще в лаборатории Бориса Михайловича Теплова, о котором всегда говорили светло и уважительно), постоянно отмечала именно темы вышеназванной первой его книги.

Тема способностей, склонности к одаренности и одаренности для Натана Семеновича стала основной в научных исследованиях с тех пор, как в 1945 году при поступлении в аспирантуру ему порекомендовал данное направление научный руководитель Б.М. Теплов. (Об этом выдающемся психологе Лейтес оставил замечательные статьи и воспоминания в ряде коллективных монографий и сборников Психологического института, а также дал глубокий анализ его исследований при подготовке к публикации избранных трудов.)

Особо отметим *тему труда в аспекте РАБОТОспособности и работоСПОСОБНОСТИ*. Как мы многократно убеждались, скрупулезность в любой работе и внимание к деталям – характерная черта Лейтеса-Ученого, и для нас одной из особо значимых стала его статья "Склонность к труду как фактор одаренности" и работа "Об умственной одаренности". Рассматривая вопросы формирования умственных способностей вплоть до талантливости и гениальности, Н.С.Лейтес постоянно говорит об основном факторе в данном явлении - склонности к труду. Беремся утверждать, что и в результативности лечебного процесса, как и любой другой длительной и напряженной деятельности, важна работоспособность пациента, в основе которой - общечеловеческая склонность к труду, но не любая, а именно та "общая склонность к труду", которая несет в себе "особенности пробуждения интересов, а также волевые и эмоциональные моменты". РАБОТОспособность предстает здесь как работоСПОСОБНОСТЬ, т.е. способность в обычном значении этого психологического термина, - такую глубокую трактовку дает этому понятию Натан Семенович.

О *таланте* как психологическом феномене Натан Семенович писал многократно, рассматривая понятия способностей и одаренности, и всегда отмечал, что прежде всего талант –

это труд. *О таланте* самого Н.С. Лейтеса – Ученого и Человека – надо сказать особо. В его коллективных портретах к 80-летию и 90-летию в «Психологическом журнале» и «Вопросы психологии» (2008, N 3), отмечаешь, что все, кто знал Натана Семеновича, говорят о нем с величайшим уважением и как об авторитетном, творческом и ответственном ученом, и как о глубоко порядочном и принципиальном человеке. А в поздравлении Натану Семеновичу к 90-летию редакции журнала подчеркнуто: «Его книги сочетают фундаментальность рассмотрения научных проблем с простотой и логической стройностью изложения. Н.С. Лейтес показал огромные «разрешающие» возможности метода психологического наблюдения и монографического изучения детей. Его работы помогают проникнуть в сущность педагогического явления, учат умению избегать шаблона в оценках и мнениях о ребенке, видеть перспективу его развития».

Из биографии: Натан Семенович Лейтес (1918-2013) – доктор психологических наук, один из основателей направления исследований способностей и одаренности в отечественной психологии. На вопросы журналиста о детстве ответил, что родился в 1918 г. в Днепропетровске в семье образованных родителей: мать – медик по образованию, отец – юрисконсульт, «*по своему мировоззрению был толстовцем – разделял толстовское отношение к религии, жил с установкой на постоянное искание смысла жизни. Это вносило в жизнь семьи веру в духовность*» [6, с. 145]. В 1924 году семья, где было уже трое детей, переехала в Москву, и «*при всех трудностях быта в семье много времени уделялось чтению художественной литературы*» [там же]. В 1945 г. окончил филологический факультет МГУ, потом поступил в аспирантуру к Борису Михайловичу Теплову в Психологическом институте АПН СССР (с 1993 г. ПИ РАО), с которым многие годы была связана его трудовая деятельность.

«*В этом институте при университете, – вспоминал Натан Семенович, – уже читали лекции такие ученые как Б.М. Теплов, А.А. Смирнов, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия. Большое впечатление на меня произвели сами личности этих психологов, их вера в возможности научного подхода, убежденность в значении психологических знаний. Под влиянием их лекций пробуждалась и укреплялась тяга к проникновению в первоосновы душевных качеств людей. Занятия по психологии переставали быть чем-то формальным, а становились интереснейшим делом жизни*» [3].

Натан Семенович был мастером оригинального метода сравнительных характеристик одаренных детей, но также он оставил яркие портреты выдающихся психологов – современников. Особо рассказал о своем научном руководителе Борисе Михайловиче Теплове, которого назвал «самым значимым учителем в жизни». А первое впечатление о нем Натан Семенович выразил так: «*...(он) показался мне... благодушным и немного чудаковатым ученым... Лишь в последующих встречах с Борисом Михайловичем я смог почувствовать, какой пронизательный, язвительный интеллект и вместе с тем какая особенная нравственная чувствительность скрываются за этой мягкой обходительностью, с какой он держится с незнакомым человеком*» [6, с. 147].

Вот что еще отмечал Лейтес, говоря о Теплове: «*Это выдающаяся личность. Он был больше чем ученый... Он был самым умным среди психологов... для всех самым авторитетным... В его присутствии повышался интеллектуальный тонус окружающих*» [3]. В другом интервью: «*Работать под началом Бориса Михайловича, едва ли не умнейшего и образованнейшего нашего психолога, естественно, было интересно и одновременно трудно. Сказывалось его превосходство, хотя он держался совершенно неофициально и вместе с тем по-особому вежливо, не делая в этом отношении никакого различия между сотрудниками. Он был психологом не только в своей научной работе – у него был особый дар и в живом общении понимать людей, находить индивидуальный подход к каждому. Под его воздействием возникало состояние интеллектуальной приподнятости, усиливалось чувство ответственности. Сотрудники работали, как говорится, не за страх, а за совесть*» (выделено мною – Н.К.) [6, с. 156]. И здесь же, говоря о необычайной информированности Теплова во многих областях науки и искусства, Лейтес дает такую неожиданную

характеристику ученому: *«Как бы чрезмерная, избыточная эрудиция, касавшаяся всей сферы культуры, была одной из главных особенностей Бориса Михайловича»* [там же, с. 157].

Думается, одна из характеристик настоящего Ученого – способность повышать интеллектуальный тонус окружающих, что и создает научные школы и поддерживает научные коллективы. При этом значимы и манера поведения и стиль жизни ученого. Описывая свое поступление в аспирантуру осенью 1945 года, об экзаменационной комиссии, в которой, помимо председателя – директора А.А. Смирнова, были Б.М. Теплов, П.А. Шеварев, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, Натан Семенович вспоминал: *«Я тогда не подозревал, сколь компетентна была комиссия. Держались все они очень демократично – ни малейшей официозности, как будто не экзаменовали, а просто им захотелось еще раз услышать, вспомнить кое-что»* [там же]. Именно такой стиль поведения при отсутствии всякой «официозности» был всю жизнь характерен для самого Лейтеса, - это отмечали все, кто его знал [11].

Он был автором более 100 статей и многих книг: Опыт психологической характеристики темперамента. М., 1956; Об умственной одаренности. М., 1960; Возрастная одаренность и индивидуальные различия. М., 1997; Возрастная одаренность школьников. М., 2000, 2001; Психология одаренности детей и подростков (ред.) М., 1996, 2000; и многих других. Его труды переводились в ГДР, Венгрии, Румынии и США. Под его руководством выполнено 10 кандидатских диссертаций. Его книга «Умственные способности и возраст» (1971) была удостоена первой премии Академии педагогических наук СССР; он избран почетным членом Российского психологического общества, в 1998 г. и в 2004 г. был лауреатом премии правительства РФ. Но всегда был предельно скромным и самокритичным.

В 1991 году, в 73-летнем возрасте, на вопрос, раскрылись ли его собственные возможности как ученого, ответил, что ему трудно судить о собственном потенциале: *«По-моему, у каждого человека он остается во многом нереализованным»* [6, с. 150], а относительно удовлетворенности результатами своей научной деятельности уточнил: *«Я имел возможность заниматься тем, что влекло к себе. Но результатами, конечно, не удовлетворен – надо бы сделать гораздо больше»* [там же]. В 2004 году об удовлетворенности своей жизнью и карьерой ответил так: *«Это очень трудный вопрос. Не могу сказать, что удовлетворен. Я не удовлетворен самим собой... Как я использовал свое время... Много надо было бы сделать иначе...»* [3].

И здесь остановимся на роли научной позиции ученого в траектории его профессиональной жизни. О себе Натан Семенович никогда не говорил много, но в интервью 1991 года (оно было опубликовано в «Психологическом журнале» № 6, затем в книге В. Артамонова «Психология от первого лица», 2003 [6]) он рассказал о событиях, заставивших его в 60 лет, в полном расцвете сил и при хорошем научном потенциале, уйти на пенсию. На вопрос журналиста, что препятствовало полному раскрытию его возможностей как ученого, Лейтес рассказал эпизод, характеризующий не только его конкретный случай, но время, не терпящее «мешающего инакомыслия» ни в диссертационном совете, членом которого он многие годы был, ни исследований «вне магистральных направлений». *«На директора, – вспоминал Н.С. Лейтес, – нельзя было даже обижаться: он был абсолютно убежден, что только с его научным направлением могут и должны быть связаны перспективы развития возрастной психологии и ее дифференциального аспекта и поэтому только к нему должны были направляться новые научные силы. По-моему, это была типичная ситуация того периода жизни нашего общества: в каждой области науки могло быть только одно правильное и прогрессивное направление»* [6, с. 152].

Находясь на пенсии, Натан Семенович участвовал в подготовке к изданию двухтомника работ Б.М. Теплова, опубликовал несколько статей, брошюру. И только более чем через 10 лет по приглашению уже нового директора А.М. Матюшкина он возвратился в Институт для работы по программе «Одаренные дети».

...Мое знакомство с Натаном Семеновичем состоялось в 1994 году, когда, познакомившись с моей первой статьей в журнал «Вопросы психологии», он настоятельно посоветовал писать

книгу, потом помогал советами при подготовке докторской диссертации и особо заинтересовался работой с группами семейной логопсихотерапии: приходил вместе с женой – Валентиной Ивановной Рождественской – на занятия, был на сеансах снятия заикания. А с ноября 2000 года практически стал сотрудником-консультантом нашей научно-исследовательской группы, увидев «живую психологию» и сам предложив свою помощь. Конечно, в этом была не только высокая оценка нашей работы, но и желание настоящего Ученого быть востребованным и заниматься любимым делом – исследованием активного психологического процесса.

Натан Семенович полностью погрузился в нашу работу, – говорю «нашу», потому что он встречался все эти годы не только со мной, но и с моими многочисленными сотрудниками, студентами и участниками логопсихотерапевтических групп. Встречи эти проходили и в стенах Психологического института (как правило, в Малой аудитории), и – чаще всего – у него дома, где нас всегда тепло встречала Валентина Ивановна – верный спутник по жизни и единомышленник (оба в 1950-70-е годы работали в одной лаборатории и под руководством Б.М. Теплова).

А мы – Наталья Ситникова, Алена Афрюткина (Голзицкая) и я под руководством Натана Семеновича в 2003-2005 годах работали над составлением развернутых психологических характеристик нескольких успешных выпускников логопсихотерапевтических групп. А предшествовал этой работе этап серии индивидуальных встреч Натана Семеновича с каждым из шести «героев» и некоторыми их родителями. Эти индивидуальные беседы проводились под аудиозапись (все материалы сохранены), потом 1,5-2-часовой разговор переводился в письменный текст, который распечатывался для нас четверых с целью составления каждой характеристики испытуемого с учетом всех имеющихся его диагностических и библиотерапевтических материалов во время прохождения курса логопсихотерапии. Собирались мы у Натана Семеновича вдвоем, втроем, в итоге – вчетвером для обсуждения и составления окончательного варианта каждой характеристики. Итогом стала коллективная статья «О некоторой типологии участников логопсихотерапии». Она опубликована в 2-х вариантах [4; 5] с подстрочным комментарием: «Данное исследование – один из аспектов коллективного исследовательского проекта «Семейная групповая логопсихотерапия как средство преодоления логоневроза (заикания)» (грант РГНФ 04-06-00269а)». Натан Семенович был участником этого проекта, который стал лауреатом конкурса «Золотая Психея» за 2006 год.

Как профессиональному филологу ему также была близка и интересна тема чтения [10] и библиотерапии – лечения направленным чтением [9]. И он активно включился в большую работу над нашей коллективной монографией «Библиопсихология и библиотерапия», согласившись быть соредактором и написать Предисловие [1]. К счастью, мы с ним успели и завершить работу над вторым сборником: «Библиопсихология. Библиопедагогика. Библиотерапия» [2], – он сейчас находится в печати.

...Для настоящего ученого, а Натан Семенович был именно Настоящим Ученым, – важен не только поиск истины, но и возможность этого поиска. В небольшом предисловии к интервью Н.С. Лейтеса журналу «Развитие личности» (2004, № 2) (рубрика «О жизни и о себе»), где дано несколько фактов его биографии и названы основные труды, есть и такая фраза: «*Сейчас сижу за столом, пишу предисловие к сборнику «Библиопсихология и библиотерапия», – говорит 85-летний ученый... – Книга должна быть сдана в 2004 году».*

На вопрос **о планах на будущее**, он ответил: «*Личные... Личные – неотделимы от работы. Полной определенности нету. У меня есть некоторые планы... Хочу сделать книгу... Может быть, популярную, обращенную к старшеклассникам. Есть другие варианты... Но это планы.*» На вопрос «**В чем для Вас смысл жизни?**» дал скорее не ответ, а психологически емкое определение своего состояния на тот момент и показал свое отношение к данной проблеме: «*Трудный вопрос... я не знаю на этот вопрос ответа. Я много думал о смерти. Я рано осознал драматизм ухода человека из жизни. Но не думал о старости. Человек очень меняется к старости. Это все внове... Старость – это особая пора. Нет привыкания к изменению своего возраста. Удивительно обвалью ускоряется ход времени. Должны быть высшие смыслы!*

Что-то значительное есть в появлении человека на свет». И на вопрос о любимом занятии ответил: «Чтение. Вот библиотерапия – это хорошо» [3].

(Кстати, в этом же журнале было интервью по этим же вопросам и с доктором психологических наук известным педагогом Шалвой Александровичем Амонашвили, который на вопрос «**В чем для Вас смысл жизни?**» ответил: «Как у Бердяева: «Смысл жизни – искать смысл жизни». Сам поиск смысла есть смысл жизни.)

х х х

Смысл жизни Ученого – поиск и утверждение научной истины, пока хватает сил (умственных, душевных, физических, – последовательность, как показывает наш опыт общения со многими коллегами почтенного возраста, именно такова: главное, чтобы «работала» голова). И здесь еще важен объективный фактор – востребованность знаний и умений ученого его современниками и учениками. Самое горькое для многих – ощущение забытости и ненужности, отсутствие учеников и последователей, продолжателей важного дела.

Но настоящий Ученый – это также и педагог, стремящийся передать свои знания и опыт новым сотрудниками молодым коллегам. Ученый-психолог, уже самим фактом своей деятельности в системе «человек-человек» нацелен на научное общение. Наши замечательные старшие коллеги – замечательные Ученые и Педагоги Алексей Александрович Бодалев, Виль Эммануилович Чудновский, Юлия Борисовна Некрасова, Натан Семенович Лейтес создали собственные научные школы, труды их активно востребованы сегодня и находят развитие.

Считаю, что можно говорить о *школе Лейтеса* по исследованию способностей и возрастной одаренности. Хотя он сам, думаю, отрицал бы это, как возмутился аннотации к изданному в 2004 году его аспирантом и докторантом из Ташкента профессором Б.Р. Кадыровым сборнику его научных трудов (Лейтес Н.С. Одаренность детей и подростков [8]). В аннотации было написано: «Книга выдающегося психолога современности, доктора психологических наук Натана Семеновича Лейтеса, представляет популярное изложение педагогических и психологических вопросов умственной одаренности у детей и подростков. Рекомендуются для родителей, педагогов и широкому кругу читателей». Ни один из присланных ему авторских экземпляров книги Натан Семенович не подарил из-за слов, определяющих его как «выдающегося психолога современности». В этом поступке видна не просто скромность ученого, а четкое осознание сделанного им в сравнении с действительно выдающимися современниками – Л.С. Выготским, А.Р. Лурия, Б.М. Тепловым, А.А. Смирновым... Но, безусловно, все, кто учился у Натана Семеновича и сотрудничал с ним, тоже прошли *школу Лейтеса* – Ученого и Человека.

...О смысле своей жизни, на мой взгляд, Натан Семенович все же сказал два года назад в небольшом эссе-воспоминании к 100-летию Психологического института: «*По мере приобщения к психологическим исследованиям росло понимание, что каждое поколение вносит свой вклад в развитие данной науки. Становление психолога происходило прежде всего и более всего под воздействием самой атмосферы научного поиска и ожиданий новых психологических открытий, которая отличала (и отличает) Психологический институт*» [7].

1. Библиопсихология и библиотерапия / Ред.: Н.С. Лейтес, Н.Л. Карпова, О.Л. Кабачек. – М.: Шк. библиотека, 2005. – 480 с.

2. Библиопсихология. Библиопедагогика. Библиотерапия / Ред.: Н.Л. Карпова, Н.С. Лейтес, О.Л. Кабачек, И.И. Тихомирова. – М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2014. – В печати.

3. Интервью с Натаном Лейтесом // Развитие личности, 2004, № 2. – С.145-173.

4. Карпова Н.Л., Лейтес Н.С., Голзицкая А.А., Ситникова Н.А. О некоторой типологии участников логопсихотерапии // Теоретическая и экспериментальная психология, 2009, Т.2, № 3. – С.15-25.

5. Карпова Н.Л., Лейтес Н.С., Голзицкая А.А., Ситникова Н.А. О некоторой типологии участников логопсихотерапии // Семейная групповая логопсихотерапия: исследование заикания / Под ред. Н.Л. Карповой. - СПб: Нестор-История, 2011. – С. 258-302.

6. Лейтес Н.С.: «Изучать одаренность детей» / Артамонов В.И. Психология от первого лица. 14 бесед с российскими учеными. М.: Academia, 2003. – С.145-173.

7. Лейтес Н.С. К 100-летию Психологического института (из архива Н.С. Лейтеса)

8. Лейтес Н.С. Одаренность детей и подростков. Сборник научных трудов. – Ташкент: Национальный университет Узбекистана им. М.Улугбека, 2004. – 130 с.

9. Лейтес Н.С. Использование художественной литературы в логопсихотерапии // Психологические, логопедические и психотерапевтические аспекты восстановления нарушенного речевого общения при заикании: Материалы Н-П конференции памяти Ю.Б. Некрасовой (Москва, ПИ РАО. 14 окт. 2004 г.). – М.-Самара: Изд-во «НТЦ», 2006. – С. 76-80.

10. Лейтес Н.С. Ранний восход: проблема детской одаренности // Исследования чтения и грамотности в Психологическом институте за 100 лет. Хрестоматия / Под ред. Н.Л. Карповой, Г.Г.Граник, М.К. Кабардова. – М.: Русская школьная библиотечная ассоциация, 2013. – 416 с.

11. Ученый. Учитель. Человек (к 90-летию Н.С.Лейтеса) // Вопр. психол., 2008, N 3, С.177-184.

ДОБРЫЙ НАСТАВНИК

Н.А. Ситникова

менеджер, в 2000-2006 гг. м.н.с. Психологического института РАО, г. Москва

Возвращаясь к истории знакомства с Натаном Семеновичем Лейтесом, невольно думаю о том, что испытываю чувство неловкости и некоторого смущения за то, что вообще смогла немножко соприкоснуться с личностью такой величины. Так может чувствовать себя человек, который познакомился с Пушкиным, например. Это необъяснимо странно - осознание того, что великий человек (а я уже знала это, когда пришла впервые в дом к Натану Семеновичу), разговаривает со мной даже не как с равной, а как с равновеликой, как наставник, профессиональный советчик, обсуждает со мной психологические портреты людей. Как тут не возгордиться! В это можно было бы не поверить, но остались многочисленные заметки на полях написанных мной текстов, где Натан Семенович мелким почерком оставлял свои замечания. Так случилось, что мне довелось анализировать материалы по библиотерапии и диагностике некоторых заикавшихся пациентов и выпускников групп, чтобы составить их психологические портреты (это вылилось потом в коллективную статью...).

Натан Семенович Лейтес - признанный специалист в области детской одаренности, мастер психологического анализа и его мнение было самым важным и авторитетным в этом смысле. Мы обсуждали тексты, я много переписывала, и с его замечаниями некоторые портреты были опубликованы. Большой проблемой была моя неуверенность в стилистике написания статей. Будучи погруженной и вовлеченной в процесс общения с пациентами, испытывая к этой работе полноценный интерес, я не способна была передать свой опыт и поделиться информацией в принятой в научной среде манере, т.е. языком научной статьи. Такое психологическое «ограничение» мешало, я думаю, не только мне. Но очень быстро мои сомнения развеял Натан Семенович Лейтес, особенно когда я прочла его книгу с психологическими портретами одаренных детей, с которыми в свое время он работал. Просто, понятно и очень интересно она написана, при этом цепким взглядом ученого высвечены и обозначены и черты, на которых воспитывается характер, и зоны потенциального развития подростков. Тогда я поняла, что наукообразность – это не аксиома стиля языка статьи, ее цель и задача - в логично описанных направлениях мысли автора.

Сейчас я бы хотела сказать о том, как кропотливо и тщательно Натан Семенович готовился к нашим встречам, это я поняла только сейчас, когда увидела его архивы, те самые листы с заметками на полях. Они сделаны то карандашом, то разными ручками, рассказывая о том, что к одним и тем же страницам Натан Семенович обращался не один раз. Кроме листов с правками текста осталась еще тетрадь, где также убористо и аккуратно записаны его соображения и мысли по поводу «будущей книги», которую, как считал Натан Семенович Лейтес, мы обязаны написать. Там записаны его впечатления после моих рассказов о новом формате отношений в группах лечения заикания, о жизни и работе излечившихся пациентов. Меня восхищала невероятная требовательность к себе и ответственность даже за такую «неважность», как советы и консультации начинающему психологу. Это человек, сохранивший до последних дней ясность мысли, глубину профессионального участия и при этом невероятную лояльное и дружественное отношение к работе коллег.

Для полноты создания психологических образов и более тщательного изучения влияния характеристик личности на процесс социологопедической реабилитации с помощью Натана

Семеновича Лейтеса было проведено интервьюирование бывших пациентов, заикавшихся ранее. Их путь избавления от недуга, и стаж «новой» жизни измерялся десятилетиями, т.е. заикаясь с детства, и в молодом возрасте она занимались в группах логопсихотерапии под руководством Ю.Б. Некрасовой, а позже Н.Л. Карповой, получали профессии, работали, создавали семьи, т.е. вели обычный социальный образ жизни, при этом не ощущая себя заиками, изгоями, неполноценными людьми. С каждым пациентом, Натан Семенович общался по три-четыре часа. Это интервью записывалось на магнитофонную пленку и при расшифровках стало видно, с каким неподдельным интересом он ведет интервью, как индивидуальны и деликатны вопросы к пациентам, как неотделимы профессиональное и личностное доброжелательное отношение к своим героям, как за это время раскрываются люди, поддаваясь исключительному лейтесовскому обаянию.

Неотделимость профессионального интереса и личностного – это то, что я чувствовала постоянно, общаясь с Натаном Семеновичем. Не было случая, чтобы он в рабочем, деловом разговоре со мной не спросил о моем муже и дочери, с которыми был знаком и считал, что модель «лечебных» отношений в группах социо-реабилитации, которую выстраивают ведущие групп, начинается в семье самого психотерапевта.

Я прочла в интервью с Натаном Семеновичем о том, что работа для него была и оставалась самым важным делом и личные планы никогда не были отделимы от работы. Это было видно до последних его дней. Он так удивлялся и радовался новым техническим возможностям, наличию компьютера и принтера, например. И что можно мгновенно распечатать нужный текст крупнее, чем обычно. Но при этом всегда отдавал должное собственноручным пометкам и хорошей настольной лампе, занимавшей неизменно главное место на его рабочем столе.

Вообще то, чего он сам не умел, вызывало восхищение и удивление. Например, что можно заказать установку кондиционера по интернету, это так радовало его, что он спрашивал меня «Неужели привезут? И что, установят?». Однажды я принесла продукты, чтобы приготовить обед и сказала, что мой подарок к его дню рождения – это настоящий южный борщ. Пока я готовила, они с Валентиной Ивановной очень заинтересованно разговаривали со мной на кухне обо всякой всячине, истории моей семьи, о предках... (Я вспомнила, как полно и интересно описывал своих героев-подростков Натан Семенович в своей книге «Возрастная одаренность и индивидуальные различия», – там также много было написано и об их родителях). И я с удовольствием резала молодую капусту и рассказывала. А когда пора было уходить, Натан Семенович сказал, что еще никогда не получал такого «настоящего подарка».

Наверно, в жизни каждого человека есть времена, события, и люди, формирующие его личность, влияющие на цепочки внутренних взаимоотношений многочисленных человеческих характеристик, на баланс его жизненных смыслов. Не всегда вклад этих людей, их удельный вес оцениваются вовремя и по достоинству. Но они необходимы человеку, для осознания своего места и своей личностной значимости. Александр Генис в книге «Довлатов и окрестности» писал о том, что чтобы узреть свой окрест, свое окружение, да и себя самого, нужно забраться на сосну повыше, чтобы с ее высоты, с величины другой личности, лучше рассмотреть то, что ты можешь увидеть в себе и других. Натан Семенович стал такой величиной для многих людей, и его личностное влияние распространилось далеко за пределы круга его аспирантов и коллег.

Для меня случилось счастье встречи, счастье такого профессионального, глубокого и деликатного внимания (несмотря на то, что я прибавила-таки ему работы). Во вступительной статье к коллективной монографии «Библиопсихология и библиотерапия» (2005) о моей статье Натан Семенович написал: *«...Использование библиотерапевтической методики рассматривается не только с точки зрения библиотерапевта, но и с позиции пациента (сама автор статьи – бывшая заикающаяся, излечившаяся, ставшая практикующим логопсихотерапевтом). Данный текст вобрал в себя воспоминания о переживаниях и размышлениях, связанных с прочтением книг, рекомендуемых на пропедевтическом этапе лечения. Автор пишет не только о себе. Приводимый в статье обзор работ заикающихся дает яркое представление о некоторых сторонах их внутреннего мира: переплетающихся у них тягостных переживаниях, надеждах и возвышенных устремлениях. Представленные*

материалы указывают, в частности, что для лиц с нарушениями речевого общения характерен углубленный интерес к свойствам личности, своим и других людей. Взгляд на библиотерапию со стороны тех, к кому ее применяют, как бы «изнутри» представляет большой психологический интерес».

Остается благодарить Всевышнего за такие встречи, позволяющие находить почву под ногами, способствующие некоторому самоопределению и определению адекватности мира, пониманию, что же такое настоящие профессионализм, достоинство, личность.

ПАМЯТИ Н.С. ЛЕЙТЕСА

А.А. Голзицкая

м.н.с., ФГНУ «Психологический институт» РАО, г. Москва

Аннотация. Статья посвящена памяти Н.С. Лейтеса (1918-2013). Особое внимание уделено не только впечатлениям от общения с выдающимся психологом, но и опыту многолетнего сотрудничества, имевшему место в работе над темой применения библиотерапии в контексте групповой семейной логопсихотерапии.

Ключевые слова: *семейная групповая логопсихотерапия, библиотерапия, заикающиеся, типология личности.*

Мое первое знакомство с Натаном Семеновичем состоялось много лет назад благодаря работе над материалами логопсихотерапевтических групп и при посредничестве моего научного руководителя Н.Л. Карповой. Обучение в Московском городском психолого-педагогическом университете на тот момент подходило к завершающей стадии, и трехлетнее сотрудничество с Наталией Львовной должно было увенчаться написанием дипломной работы, посвященной проективной функции библиотерапии – метода, применяемого в лечении заикания в целях диагностики и терапии пациентов.

Вполне естественно, что я робела в присутствии титулованных мастеров психологии – и было от чего – их подход к исследовательской работе всегда был всесторонним и сосредоточенным. Натан Семенович как никто мог видеть в изучаемой проблематике особые, иногда скрытые даже от очень искушенного глаза, нюансы. Со всей присущей ему интеллигентностью он, как правило, достаточно строго указывал на ошибки и недочеты рецензируемых статей и иных материалов. Эта строгость могла бы быть воспринята как характерная черта его стиля общения с окружающими – но нет. Взыскательность к качеству работы не распространялась на личное взаимодействие – в беседах на отвлеченные темы раскрывалась вся тонкость и эмпатичность его натуры.

К моменту написания мной дипломной работы наше сотрудничество с Н.С. Лейтесом приобрело регулярный характер. Исследование проективной функции библиотерапии я проводила, анализируя работы девяти пациентов и их родственников – участников московской группы семейной логопсихотерапии, работавшей под руководством Н.Л. Карповой в 2002 году.

В ходе динамической психотерапевтической диагностики, разработанной Ю.Б.Некрасовой, участники процесса социореабилитации выполняли задания по тестам и опросникам и давали письменный отзыв на специально подобранные художественные произведения. Для чтения им предлагалась отечественная и зарубежная классика - рассказы А.П.Чехова и И.С.Тургенев, сказки Г.-Х. Андерсена, романы А. Маршалла и Р. Бредбери, пьеса Б. Шоу и др.

Многолетние исследования особенностей применения библиотерапии в семейной групповой логопсихотерапии показывают, что подобранный по специальным параметрам художественный материал в полной мере выполняет возложенную на него функцию «лечебного перевоспитания», а также способствует установлению психолого-педагогического диагноза каждого участника («портрет неповторимости», по Ю.Б.Некрасовой), и составлению прогноза и планированию процесса лечения [1].

Натан Семенович уделял этому вопросу особое внимание. Как он отмечал в одной из своих статей, переживания, возникающие при прочтении произведения, отождествление с его героем,

обогащают пациента рядом целебных состояний: решимостью бороться, мысленным проигрыванием достигнутого успеха и др. Возрастание роли таких состояний и открывает путь к оздоровлению

В процессе создания теоретической части и при компоновке практической Н.С. Лейтес выступал рецензентом всех предварительных материалов. Его примечания имели особую ценность, поскольку он уже не первый год был отлично знаком с основами работы с заикающимися, практикуемой в рамках метода, основоположником которого была Ю.Б. Некрасова.

Основной акцент в дипломе мной был сделан на том, каким образом (напрямую или косвенно) пациенты группы и их родственники затрагивают в своих отзывах на предлагаемые литературные произведения такие темы, как: особенности преодоление недуга заикания; взаимодействие заикающейся личности со своим окружением и обществом в целом; детско-родительские отношения; восприятие членами семьи недуга заикающегося родственника.

Было выявлено, что существует взаимосвязь между тяжестью проблемы логоневроза, особенностями ее восприятия пациентом и отношением к ней близких родственников, и она может быть выявлена путем анализа библиотерапевтических работ заикающихся и членов их семей, участвующих в процессе групповой семейной логопсихотерапии, поскольку библиотерапия имеет также и проективную функцию.

В своей рецензии на мою дипломную работу Натан Семенович отметил:

После защиты дипломной работы Н.Л. Карпова и Н.С. Лейтес рекомендовали мне использовать ее в качестве основы для проведения диссертационного исследования. Формулировка темы в дальнейшем претерпела большие изменения, основное содержание посвящено диагностике детско-родительских отношений с использованием анализа библиотерапевтических работ заикающихся, а также не заикающихся учащихся и членов их семей. Считаю большой удачей тот факт, что я успела обсудить с Натаном Семеновичем выбор новой темы, и он одобрил его.

Отдельно хочется остановиться на воспоминаниях о совместном с Н.С. Лейтесом, Н.Л. Карповой и Н.А. Ситниковой написании статьи «К проблеме индивидуальных различий в логопсихотерапии» [6]. Перед нами стояла цель рассмотреть несколько случаев заикающихся, имевших по результатам лечения выраженные позитивные речевые изменения. Комплексный анализ материалов дал возможность вычлнить ряд важных личностных свойств бывших пациентов логопсихотерапевтических групп разных лет, что позволило нарисовать их психологические портреты. Натан Семенович в свойственной ему манере очень категорично отсекал все лишнее, что могло помешать читателю вникнуть в самую суть характера героев статьи. Его стремление к лаконичности и четкости формулировок, умение быть настойчивым и убедительным всегда меня восхищали.

Говоря о Н.С. Лейтесе я убеждена, что мне выпал редкий шанс – знакомство с одним из настоящих Психологов, сотрудничество с которым считаю одним из важнейших этапов моего профессионального становления.

1. *Афрюткина (Голзицкая) А.А.* Проективная функция библиотерапии в логопсихотерапии // Библиопсихология и библиотерапия / Ред. Н.С. Лейтес, Н.Л. Карпова, О.Л. Кабачек. – М.: Школьная библиотека, 2005.- С.365-372.

2. Библиопсихология и библиотерапия / Ред. Н.С. Лейтес, Н.Л. Карпова, О.Л. Кабачек. – М.: Школьная библиотека, 2005.

3. *Карпова Н.Л.* Основы личностно-направленной логопсихотерапии. Уч. пособие. - М.: Флинта, 1997. (2-е изд. - испр. и доп., 2003).

4. *Лейтес Н.С.* Использование художественной литературы в логопсихотерапии // Психологические, логопедические и психотерапевтические аспекты восстановления нарушенного речевого общения при заикании. Материалы Н-П конференции памяти Ю.Б. Некрасовой / Ред. М.- Самара: , 2006. – С.76-80.

5. *Некрасова Ю.Б.* Психологические основы процесса социореабилитации заикающихся. Дисс. в форме научн. докл. ... докт. психол. наук. – М., 1992.

6. Карпова Н.Л., Лейтес Н.С., Ситникова Н.А., Голзицкая А.А. О некоторой типологии участников логопсихотерапии // Теоретическая и экспериментальная психология, Том 2, № 3, 2009, с.15-26.

НАБЛЮДЕНИЕ КАК СПОСОБ ИЗУЧЕНИЯ СПОСОБНОСТИ К ЛИЧНОСТНОМУ РОСТУ

А.Ю. Кругликова

к.псих.н., доцент кафедры русского языка, культуры и коррекции речи ФГБОУ ВПО «ТГПИ имени А.П. Чехова» г. Таганрог

Аннотация. Статья посвящена проблеме становления личности младших подростков, имеющих проблемы речевого общения в форме заикания. Среди методов психолого-педагогического изучения детей акцент сделан на наблюдении пролонгированного характера, позволяющего накапливать эмпирический материал о различных сторонах развития младших подростков в процессе преодоления коммуникативно-речевых трудностей. Проведен анализ использования метода наблюдения при составлении психологических характеристик в трудах М.И. Басова, А.Ф. Лазурского, Н.С. Лейтеса. Дано описание систематического целенаправленного исследования феномена личностного роста младших подростков – выпускников логопсихотерапевтических групп в рамках возрастной одаренности социального развития.

Ключевые слова: лонгитюдное наблюдение, психологическая характеристика, личностный рост, социальная одаренность, логоневроз, семейная групповая логопсихотерапия.

Современная психология располагает значительным арсеналом средств, позволяющим осуществлять научное познание. Основными стратегиями при изучении психического развития детей являются наблюдение и эксперимент. Обе стратегии широко распространены в возрастной психологии и прежде всего в психологии детства. Но следует признать, что к настоящему времени в построении диссертационных научно-практических исследований преобладает точка зрения, утверждающая преимущества эксперимента. На мнение многих психологов ссылалась в свое время Л.Ф. Обухова, говоря об их довольно скептическом отношении к наблюдению. В доказательство очевидной ценности данного метода она приводит слова Д.Б. Эльконина, который считал, что «острый психологический глаз важнее глупого эксперимента» [5, с. 23].

Метод наблюдения во многом позволяет осуществлять сбор эмпирического материала в рамках научного эксперимента, но сам он, как правило, находится вне фокуса пристального рассмотрения. Самое интересное и ценное для детской психологии – живая и разнообразная жизнь ребенка, его многогранная и уникальная личность часто выносятся за скобки. И здесь уместно вспомнить, что само оформление психологии развития в самостоятельную отрасль научного знания происходило на основе очерков наблюдения (В. Прейер, С. Холл, В. Штерн). Описанию длительных наблюдений за развитием собственных детей посвящены и работы отечественных психологов, медиков, психолингвистов (А.Н. Гвоздев, Н.А. Рыбников, Н.А. Менчинская, В.С. Мухина, Н.М. Щелованов, Д.Б. Эльконин и др.).

Систему объективного наблюдения в свое время разработал М.Я. Басов, утверждавший необходимость его ведения для педагогов, воспитывающих и обучающих детей в коллективе. Он подчеркивал, что наблюдения за одним и тем же ребенком дают возможность видеть, как быстро изменяется он в своем внешнем и внутреннем облике, как расцветает его личность, усложняясь и дополняясь день ото дня, месяц от месяца, год от года все новыми чертами. Также Басов описал условия и виды наблюдения, рассмотрел разные типы установок наблюдателя по отношению к объекту наблюдения, разработал конкретную методику применительно к дошкольному возрасту [см.: 6].

Роль наблюдением подчеркивал и А.Ф. Лазурский, предложивший ещё в 1910 году естественный эксперимент. Он и его сотрудники признавали значимость наблюдения даже за одним лицом. По мнению А.Ф.Лазурского, строго объективные наблюдения с точным

описанием фактов, иногда даже противоречивых, являются основой для составления психологической характеристики. Как отмечал Н.С. Лейтес, достижения А.Ф. Лазурского в разработке конкретной технологии подготовки характеристик в дальнейшем никто не превзошел.

Сам Н.С. Лейтес полностью следовал рекомендациям А.Ф. Лазурского, изучая индивидуальные различия одаренных детей. Он считал метод наблюдения не менее важным, чем тестовые испытания и экспериментальные исследования и писал: «При подходе, к одаренному ребенку нельзя обойтись без наблюдений за его индивидуальными проявлениями. Чтобы судить об его одаренности, нужно выявить то сочетание психологических свойств, которое присуще именно ему, т.е. нужна целостная характеристика, получаемая путем разносторонних наблюдений» [6, с. 70]. В учебном пособии под его редакцией даны примеры описания одаренных детей по материалам систематического включенного наблюдения. Поражает точность и образность формулировок, заинтересованное, доброжелательное отношение к каждому «объекту наблюдения», внимание к тончайшим нюансам жизненных проявлений и отношений.

Н.С. Лейтес возвращает нас к истокам психологического знания – к самому ребенку, к его естеству, уникальности и неповторимости его личности. Этим он подает всем, кто так или иначе связан с детьми, пример не только настоящего научного познания, но и подлинного личностно-ориентированного подхода к развитию детей через их глубокое понимание, погружение в их внутренний мир.

Наша статья посвящена осмыслению лонгитюдных наблюдений за детьми, подростками и взрослыми, страдающими логоневрозом (невротическая форма заикания). Преодоление коммуникативно-речевых трудностей осуществляется с таганрогских группах по системе семейной групповой логопсихотерапии Н.Л. Карповой [1; 7], построенной на принципах групповой логопсихотерапии Ю.Б. Некрасовой [4].

Более чем десятилетний опыт работы с разновозрастными логопсихотерапевтическими группами дал нам возможность достаточно длительно (ежедневно в течение 1,5 – 2 месяцев) наблюдать подростков 10-11 лет в процессе социальной реабилитации и восстановления нарушенного речевого общения из-за заикания. Накоплен значительный массив эмпирических данных о том, как развиваются, изменяются, совершенствуются личностные характеристики детей на переломном этапе онтогенеза – переход от детства к взрослости.

Личность в процессе социальной реабилитации, с одной стороны, является объектом диагностического изучения (поиск ростовых точек, личностных и индивидуальных особенностей, актуальных возможностей и ресурсов), результаты которого становятся основой процесса реального совершенствования («личностного преобразования»); с другой стороны – субъектом этого процесса совершенствования при акмеологической поддержке логопсихотерапевта. В таком контексте в теоретическом и практическом ключе пересекаются все модальности человека как индивида, личности, субъекта и индивидуальности. В центре практической работы – личность, имеющая индивидуально-конкретные психологические особенности, биографические и исторические обстоятельства жизни, свою жизненную позицию и опыт, свой личностный и субъектный потенциал.

В диссертационном исследовании нами было подтверждено, что возможности актуализации и фасилитации личностного роста открываются в психологическом содержании уже младшего подросткового возраста [2]. Мы наблюдали подростков 10-14 лет на протяжении одногодичного курса социореабилитации, акцентируя свое внимание на проявлениях способности к личностному росту. Под личностным ростом мы понимаем акмеологически направленный процесс самоизменения человека, совершаемый в его активно-преобразующей деятельности посредством использования проблемных ситуаций индивидуального опыта для собственного развития. Нами было подтверждено, что возможности актуализации и фасилитации личностного роста открываются в психологическом содержании уже младшего подросткового возраста как «периода особой открытости растущего человека определенным общественным воздействиям и внутренней готовности принятия и самореализации в них» [8, с. 328].

Источник готовности подростков к личностному росту – это качественные изменения в поведении младшего подростка и, прежде всего – открытие своего собственного Я как автора, творца, хозяина собственной биографии – с происходящей в этом возрасте когнитивной перестройкой [9]. Младший подросток начинает рассматривать мир с точки зрения его изменения, в его суждениях о себе и о других появляются обобщенные психологические категории, спонтанные концепции характера, групповых взаимоотношений и лидерства. Рост эмоциональной нестабильности, иногда неуправляемости сочетается с удивительной гибкостью, пластичностью, готовностью к переменам и открытостью для сотрудничества, что в большей степени связано с ситуациями неформального общения взрослых и детей вне семьи и школы или в общении подростков со сверстниками.

Рассматривая своеобразие детей в период детства, Н.С. Лейтес подчеркивает, что младшие подростки чрезвычайно активны, деятельны и самостоятельны. В этом их важнейшие достоинства и источник слабостей, недостатков. «... Но, пожалуй, никакой другой возраст не несет с собой такой непосредственной потребности испытать свои крепнущие силы и безоглядной готовности действовать» [3, с. 54]. Работы Н.С. Лейтеса и его коллег по проблемам возрастной одаренности детей в начале подросткового возраста дали новое направление нашему исследовательскому интересу. Мы предположили, что феноменология личностного роста у отдельных детей, демонстрирующих значительную динамику речевых и личностных изменений, может указывать на некий вид одаренности в социально-личностном развитии. Это сопоставимо с размышлениями автора не только об интеллектуальной одаренности. Н.С. Лейтес отмечает особую одаренность в сфере общения («социальная одаренность», «социальный интеллект», «личностный интеллект», «творческое лидерство»). Мы считаем, что рано проявляемая у младших подростков потребность в личностном росте, их готовность погружаться в мир самоисследования, самопознания также является примером особой социальной одаренности.

Признаки одаренности ребенка, по мнению Н.С. Лейтеса, следует наблюдать и изучать в развитии. Для этого требуется достаточно длительное (лонгитюдное) систематическое наблюдение за испытуемым на протяжении ряда лет. Необходимо постоянное прослеживание изменений, наступающих при переходе от одного возрастного периода к другому. Оно может быть непрерывным, изо дня в день, а может быть в форме «срезов», которые, соединяясь, дают представление о целостном развитии. Психолог подчеркивает, что «индивидуальный лонгитюд, достигаемый личным наблюдением, в живом контакте или путем восстановления прошлого по свидетельствам родных и близких, может дать большую и надежную информацию о растущем человеке любого возраста» [6, с. 47]. Никакие формализованные методики не способны заменить яркое психологическое описание ребенка в определенный момент (или моменты) его жизни. Подробное и целостное описание детского периода жизни одаренного (и не только одаренного) ребенка может быть очень прогностично, указывая на будущие черты человека в зрелости.

Работа в логопсихотерапевтических группах убеждает нас в том, насколько велики могут быть различия между детьми по критерию их психологической зрелости, во многом не совпадающие с уровнем возрастного психофизического развития. За многие годы перед нами раскрылись своими гранями, развернулись во всей личностной полноте более сотни детей: дошкольников, младших школьников, подростков, взрослеющих юношей и девушек. Каждый из них, приходя в группу с единственным желанием избавиться от заикания, научиться говорить без затруднений красивой и правильной речью постепенно начинали открывать для себя необходимость и смысл «лечебного» личностного преобразования. Некоторые именно в этом находили особую значимость своей дальнейшей жизни. У каждого из них по прошествии курса реабилитации оставалось право приходить в следующие группы в качестве «старика» – уникальной социальной роли, позволяющей отдать новичкам то, что когда-то сам получил в дар от руководителей и выпускников предыдущих групп. Мы имели возможность наблюдать наших ребят довольно длительно через определенные промежутки времени, отмечая их взросление, вхождение во взрослую жизнь, личностное становление.

Давняя работа в группах убеждает нас в том, насколько велики могут быть различия между детьми по критерию их психологической зрелости, во многом не совпадающие с уровнем возрастного психофизического развития. На это в свое время указывал и Н.С. Лейтес, подчеркивая, что ученики средней школы по своим интересам и отношению к окружающему часто отличаются. Одни тяготеют к старшим подросткам, в других чрезвычайно ярко проявляются черты детскости, инфантильности. Продолжая его мысль, скажем, что это относится и к детям других возрастов – прежде всего младшим школьникам.

Дети, о которых далее пойдет речь, на первый взгляд совершенно обычные, достоинства их интеллекта нельзя назвать высокими, их способности самые разные. Тем не менее это необыкновенные дети. Они пришли в разновозрастную группу и занимались в ней многодневно, интенсивно по 6-8 часов в день наравне с взрослыми заикающимися и многими родителями. Они преодолели большие трудности и собственными усилиями выстроили для себя новую красивую полноценную речь. Мы видим в них одаренность особого рода – способность к саморазвитию, саморефлексии, выраженный интерес к окружающим и способность превращать трудную проблемную ситуацию в жизненный урок. Назовем это нравственной одаренностью и особой способностью к личностному росту потому, что сейчас, по прошествии многих лет мы видим их профессиональные и личностные достижения, их готовность отдавать себя другим и трудиться для чужого блага, чтобы кто-то еще из заикающихся, как и они, почувствовал себя оратором и стал им.

МАША

Первая ласточка из младших подростков в нашей первой группе. Худенькая, невысокая 10-летняя девочка из простой семьи (папа работает на железной дороге, мама – бухгалтер). Немного настороженная, сначала мало активная. В кругу – среди мальчишек-подростков 13-14 лет и взрослых 25-30 лет – стесняется, говорит мало, но если говорит, это всегда интересно. Уникальная способность проявилась на пропедевтическом этапе, когда все читали библиотерапевтические произведения (чрезвычайно сложные, «на вырост») и писали на них свои отклики-размышления. Воспринимала все своеобразно, находя к каждому произведению довольно точную, подходящую по смыслу поговорку или поговорку.

Заинтересовалась психологическими темами, полюбила психотерапевтические беседы. Настойчиво вела дневник, хотя для десятилетних это трудновато. Писала ежедневно, ставя конкретные цели и отмечая, удалось ли их достичь. Поразительная работоспособность и выносливость. Не стонет, не жалуется, не просится отдыхать. Тянет ляжку групповой жизни наравне со всеми. Чрезвычайно старательна и добросовестна в выполнении домашних заданий, в точности исполнения инструкций. Ошибается, пробует, ошибаясь снова, настойчиво идет дальше. Иногда заметно, как Маша устала, но она отрицает это и работает дальше.

Результат по окончании группы хороший. Запинки в речи исчезли, говорит четко и громко. В школе удивила всех познаниями в области психологии, щеголяла терминами, объясняла ситуации, охотно участвовала в тестировании. В старших классах значительно продвинулась в учебе, ярко проявились лидерские качества. Входила в ученический совет в дни самоуправления школьников, была его председателем. Школу окончила на «отлично».

Из самохарактеристики по окончании группы: *«После лечения я узнала свои положительные черты характера, а также смогла развить их. К людям отношусь с уважением и стараюсь понять их, проявить эмпатию. В семье ко мне стали относиться с еще большим уважением и пониманием... Я хочу по жизни быть психологически «подкована» и здорова. Я хочу приходить в следующую группу и стать «стариком» (10 лет).*

В 16 лет в опроснике для выпускника группы вспоминает: *«Было состояние душевного подъема. Мне открылось много дорог. Общение стало легким, я стала гораздо увереннее в себе. Сейчас я привыкла много общаться. Я научилась контролировать свою речь, у меня практически не бывают запинки. Сейчас (как «старик») я помогаю другим «детям». Я делаю это с удовольствием и в то же время закрепляю свои навыки».*

Маша окончила педагогический институт. Все годы училась хорошо, продолжала быть лидером. Приходит в новые группы. Мечтает учиться в аспирантуре. Вышла замуж, есть ребенок.

САША

Высокий для своего возраста, худой мальчик 14 лет, вполне сложившийся физически. Из хорошо обеспеченной дружной семьи: папа на руководящей должности, мама домохозяйка (оба с высшим образованием), есть младший брат семи лет. На первую консультацию родители пришли вместе, плакали, очень переживали. Впоследствии стали самыми добрыми и активными помощниками не только сына, но и всей группы.

У Саши тяжелая степень неврозоподобного заикания, речевая тревожность зашкаливает. В первые дни работы сильно нервничает, тербит одежду, браслет часов, смотрит в пол, в разговоре надолго замолкает, стеснителен. Интеллект высокий, учится отлично. Дополнительно занимается, чтобы хорошо сдать экзамены. Высокий уровень зрительной и словесно-логической памяти. Много читает и художественную, и научно-популярную литературу. Саша очень любознателен, его кругозор широк, интересы разносторонние. В период подготовительного этапа пишет очень содержательные «умные» отзывы, речь выразительная, грамотная.

Работоспособность неравномерная, часто устает, особенно в начале курса, но готов преодолевать трудности за счет волевых усилий. В ситуациях общения с более младшими подростками ведет себя ребячливо, но стесняется этого и быстро сосредотачивается на дальнейшей работе. Очень привязан к родителям. Уважителен к взрослым, стремится общаться на равных, радуется, если авторитетные люди высказывают ему свое поощрение.

Быстро прогрессирует в речи. Увлечен вопросами психологии и на занятиях задает много вопросов. Высказывается обстоятельно, хорошо анализирует ситуации общения из личного опыта. По окончании курса социореабилитации результат достаточно хороший (легкие редкие запинки в речи, с которыми самостоятельно справляется). Личностно вырос значительно, сам это осознает и гордится своими достижениями.

Из самохарактеристики: *«Во мне перестала существовать боязнь общения (страх речи). Еще появилось чувство гордости за себя, за мои успехи, за то, чего я добился в процессе лечения, мне кажется, я взял верх над обществом, над заиканием, над собой. Я сделал первый шаг в реализации себя. Теперь я действительно верю в высказывание: «Человек может все!»... Я хотел бы быть еще лучше и совершеннее, довести свою речь до автоматизма и закрепить это на всю жизнь. Хотел бы открыть в себе все не раскрытые мною возможности и таланты, воспользоваться ими».*

По окончании группы стал посещать психологический кружок, пошел в спортивную секцию. Школу окончил с серебряной медалью. Поступил в экономический университет.

Из опросника для выпускника группы (20 лет): *«После прохождения курса с речью было отлично. Сейчас – хорошо. Бывали срывы, возвращалась старая речь, но все проблемы решаются с помощью всего того, что делали в группе. Свою личную работу во время прохождения курса оцениваю на «хорошо» в связи с моим небольшим в то время возрастом и неполным пониманием проблемы. После прохождения группы стараюсь участвовать в методическом процессе и не забывать полученные навыки... Я стараюсь быть во всех новых группах. Моя работа мотивирована фразой: «Помогая другим, помогаешь себе».*

Университет Саша окончил с отличием. Работает в финансовой сфере. Женился, есть ребенок.

ЮЛЯ

Девочка яркая, стройная, красивая, немного демонстративная. Смешливая, но старается казаться серьезной и старше своих лет. Семья полная, есть старшая сестра. Родители с высшим образованием, мама – яркая творческая личность, пишет стихи, рисует, часто помогает в подготовке экзаменов; папа группу не посещал. Юля пришла в группу в 11 лет и еще с одной девочкой ее возраста была самой младшей среди других участников от 16 до 30 лет. Степень

заикания легкая, речевая тревожность повышенная. В школе учится хорошо, речь выразительная, умеет строить разнообразные синтаксические конструкции.

В беседе участвует активно, говорит обстоятельно, хорошо анализирует ситуации, размышляет. В трудных ситуациях не теряется, быстро находит выход. Среди взрослых не тушует, говорит, глядя прямо в глаза, делает замечания, дает советы. Изменения в речи значительные, устойчивые. Проявила способности к работе над голосом, в постановке диафрагмального дыхания. Голос глубокий, красивого тембра, практически взрослый. Заметны актерские способности, проявляет творчество в игровых ситуациях, речевых упражнениях с использованием стихотворных текстов.

Работает настойчиво, усидчива, требовательна к себе и к другим. Реагирует на поощрения активностью и усердием. Успешно преодолела заикание. Результат отличный. По окончании группы стала посещать театральный кружок, выступать на сцене, участвовала в школьных и городских конкурсах чтецов, заняла 2-е место. Окончила школу, поступила в институт на юридический факультет, где также училась хорошо.

Из самохарактеристики после лечения: *«У меня изменился характер в лучшую сторону. И не только характер, а все изменилось, например, уверенность, я стала более гибкой, на меня повлияли в лучшую сторону темы наших бесед (психотерапевтические беседы – это ежедневная форма работы в кругу). Я стала спокойнее и самостоятельнее. Я стала после упражнений более активной. И еще более решительной... Я теперь больше смотрю на людей – не на внешность, а на душу. Мама стала меньше кричать на меня и больше понимать. Я стала смотреть на жизнь по-другому, и мне стало легче общаться с близкими, они стали понимать меня и поддерживать почти во всех случаях... Я хотела бы быть красивой, не нервной, спокойной, не упрямой, не обидчивой».*

Из опросника для выпускника группы (16 лет): *«Конечно, есть, к чему еще стремиться, но ту планку, что я поставила перед собой, с легкостью одолела. Свою работу, включенность и вовлеченность в методический процесс во время прохождения курса оцениваю так: могла бы работать и лучше. В принципе меня радует, что, несмотря на то, что мне было тогда 11 лет, я работала почти что наравне, даже что-то делала лучше старших. Единственное, что не устраивало меня – моя активность при разборе какой-то темы».*

Окончив институт, Юлия работает, является актрисой самодеятельного театра, играет главные роли. Приглашает на свои спектакли. Часто приходит в новые группы, помогает в качестве «старика». Проводит интересные речевые и голосовые упражнения из опыта своей актерской подготовки. Пользуется высоким авторитетом среди младших школьников и подростков. Они восхищенно смотрят на нее, ловят каждое слово.

ДЕНИС

Невысокий, худенький мальчик, пришел в группу в 11 лет. Семья полная, двухдетная: есть еще брат – погодок. У обоих родителей высшее образование, техническая специальность. Очень заинтересованы в успехе сына, поддерживают его, участвуют в работе группы, всегда готовы помочь руководителям. Денис чрезвычайно активный и беспокойный. Ему трудно усидеть на месте, постоянно меняет свое положение. Добрый и ласковый, открытый к общению, отзывчивый, видит, если кому-то нужна помощь. Интеллектом превосходит своих сверстников. Очень любознательный с широкими интересами. Сообразителен, склонен к философским размышлениям, удивляет даже взрослых участников и мыслью, и речевыми формулировками. Часто заслуживает их поощрения, в эти минуты не скрывает своей гордости и удовольствия.

Денис много читает, предпочитает приключенческую литературу, фантастику, умеет интересно рассказать о прочитанном. Словарный запас большой, что позволяет ему употреблять речевые обороты, не свойственные детям его возраста. Хорошо разбирается в музыке, технике. У него в высокой степени развито чувство юмора, которое вырывает в ситуации нарушения правил группы. Критично оценивает свою вовлеченность в процесс, умеет проанализировать свои ошибки, замечает продвижение в речи у других участников, даже у мамы. Активно участвует в беседах, интересуется психологическими вопросами. Иногда высказывает свои «теории» по поводу поведения людей, их характера.

Подростку недостает ответственности, усидчивости, страдает некоторой инфантильностью. Быстро «заводится» с более младшими ребятами, реагирует на их заигрывания, вовлекается в шалости, но потом чувствует себя виноватым. Внимателен к тому, что вызывает большой интерес, если нет мотивации, начинает скучать, часто отвлекается. Работоспособность проявляет неравномерно, но может внезапно оказаться готовым к волевым усилиям. Из дневника: *«С выступлением перед публикой очень плохо (было задание-экспромт). Не знал, о чем рассказать, пришлось придумывать по ходу дела. Я был занят только предметом. И потому напрочь забыл о стиле. Это говорит о том, что речь нужно еще разрабатывать и разрабатывать. Значит, будем работать над речью!»*.

Из самохарактеристики после лечения: *«Мои черты характера: целеустремленность, доброта, хорошая память, люблю познавать новое, веселый, настойчивый, кропотливый, борюсь с ленью. Недостатки: нетерпеливый, переменчивый, завистливый, неуступчивый, ленивый. Наверное, я холерик. После лечения я стал уверенным в себе, самостоятельным и самокритичным. И раньше, и сейчас отношусь к людям хорошо. Хотя последнее время отношусь к людям с пониманием... Я бы хотел избавиться от самых плохих моих черт характера: безответственности, безалаберности, вспыльчивости. Я хочу стать бизнесменом и «стариком» в следующих группах. Хочу приходиться и учить других заикающихся так, как вы учили нас»*.

Денис успешно окончил школу, поступил в институт на радиотехнический факультет. Учился также хорошо, продолжал занятия музыкой, боевыми искусствами, выступал на соревнованиях. Хочет продолжить обучение. В группах бывает редко.

Итак, наша практика показывает, что для большинства подростков семейная групповая логопсихотерапия выступает пространством развертывания личностного роста в направлении их социально-личностного развития. Группа, включающая и сверстников и более старших по возрасту детей, и взрослых, в том числе родителей, предстает как значимое «место взросления» и как фактор фасилитации личностного роста младших подростков в условиях специально организованной учебно-лечебной, творчески-игровой совместно-разделенной с взрослыми деятельности. Это позволяет наблюдать подростков в самые разные минуты их групповой жизни в разных сферах общения.

Поддержка готовности к личностному росту со стороны ведущих и родителей, актуализация потребности в самовоспитании способствуют «лечебному преобразованию» и в конечном итоге – восстановлению нарушенного общения и максимально возможному раскрытию субъектно-личностного потенциала подростков. Оптимум условий для этого предоставляет разновозрастная группа – детско-взрослая со-бытийная общность (В.И. Слободчиков). Практическая организация процесса семейной групповой логопсихотерапии в целях фасилитации личностного роста подростков обеспечивает:

1) создание атмосферы доверия, сотрудничества и сотворчества, мажорного тона проживания процесса социореабилитации, принятие подростка таким, какой он есть;

2) актуализацию «зоны ближайшего развития» как специфической «зоны роста», в пространстве которой выстраивается «оптимистическая модель будущего» посредством организации диалогического общения в группе по принципу «взрослый-взрослый», т.е. равенства позиций;

3) психологическую поддержку в реализации собственных целей и устремлений, в построении и совершении поступков, результирующих его личностное и речевое достижение, что сопряжено с переживанием коммуникативного успеха.

Опыт убеждает, что в период школьного детства всем детям, в том числе и заикающимся, свойственны интеллектуальная и социальная активность, открытость новому, интерес к самому себе, своему Я. Оказываясь в благоприятных для личностного роста условиях, подростки обнаруживают потребность в самоизменении и самовоспитании. В этом залог их успеха в юношеские и зрелые годы.

1. *Карпова Н.Л.* Основы личностно-направленной логопсихотерапии: Учебное пособие. 2-е изд. М.: МПСИ: Флинта, 2003. 200 с.
2. *Кругликова А.Ю.* Психологические особенности личностного роста младших подростков в условиях разновозрастного коллектива (на примере групп семейной логопсихотерапии). Автореф. дисс. канд. психол. наук. Ростов н/Д., 2006. 24 с.
3. *Лейтес Н.С.* Возрастная одаренность школьников: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. М.: «Академия», 2000. 320 с.
4. *Некрасова Ю.Б.* Психологические основы процесса социореабилитации заикающихся. Автореф. дисс. в форме научн. докл. ... докт. психол. наук. М., 1992. 42с.
5. *Обухова Л.Ф.* Детская (возрастная) психология. Учебник. М.: Российское педагогическое агентство, 1996. 374 с.
6. Психология одаренности детей и подростков // Под ред. Н.С. Лейтеса. М.: Издательский центр «Академия», 1996. 416 с.
7. Семейная групповая логопсихотерапия: исследование заикания / Под ред. Н.Л.Карповой. М.: СПб: Нестор-История, 2011. 328 с.
8. *Фельдштейн Д.И.* Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности: Избр. труды. М.: МПСИ: Флинта, 1999. 672 с.
9. *Цукерман Г.А.* Десяти-двенадцатилетние школьники: «ничья земля» возрастной психологии // Вопр. психол. 1998. № 3. С. 17-31.

О НАСТОЯЩЕМ...

И.В. Янченко

*канд. психол. наук, доцент кафедры русского языка, культуры
и коррекции речи ТГПИ имени А.П.Чехова (филиал РИИХ), г. Таганрог*

Аннотация: в статье рассматривается проблема социореабилитации заикающихся с позиции общей и возрастной одаренности, индивидуальных различий участников логопсихотерапевтических групп; анализируются вопросы восстановления нарушенного речевого общения средствами семейной групповой логопсихотерапии, в частности – библиотерапии и диалогического общения.

Ключевые слова: *заикание, семейная групповая логопсихотерапия, библиотерапия, диалогическое общение, одаренность, возрастные и индивидуальные особенности.*

Большие вклады в науку делают очень талантливые и глубоко ответственные ученые. Прикоснуться к Настоящему в психологической науке мне во многом помогла встреча с выдающимся специалистом в области дифференциальной и возрастной психологии Натаном Семеновичем Лейтесом. Многолетняя работа в системе семейной групповой логопсихотерапии с необходимостью требовала обсуждения, осмысления и обоснования многих неоднозначных феноменов, касающихся возрастных особенностей, индивидуальных характеристик и проявления способностей и одаренности наших заикающихся пациентов. Сотрудничество с Натаном Семеновичем, его заинтересованное и внимательное отношение к нашей работе способствовало тому, что система логопсихотерапии была поднята на новый уровень научно-теоретических и практических достижений. Постараюсь, придерживаясь в изложении принципа искусной простоты Лейтеса, представить нашу работу в свете его исследований.

Библиотерапия в логопсихотерапии

Система семейной групповой логопсихотерапии выстроена Н.Л. Карповой [2] на основе комплексной методики социореабилитации для заикающихся подростков и взрослых Ю.Б. Некрасовой [8]. Юлия Борисовна разрабатывала свою методику с начала 1960-х годов, совершенствуя ее элементы и приемы. С 80-х годов она стала широко применять новый метод библиотерапии – лечение направленным чтением.

Не занимаясь специально вопросами заикания, Натан Семенович точно определил ведущую роль библиотерапии в нашей системе и дал глубокое описание этого метода. В статье «Использование художественной литературы в логопсихотерапии» в сборнике

«Психологические, логопедические и психотерапевтические аспекты восстановления нарушенного речевого общения при заикании» (2004), посвященном памяти Ю.Б. Некрасовой, он пошагово анализирует механизм воздействия художественных произведений на личность заикающегося. Особо отмечено новаторство самой системы приобщения пациентов к углубленному чтению: «То, что нужно было именно написать о мыслях и чувствах по поводу прочитанного, было для заикающихся гораздо легче, привычнее, чем если бы требовалось рассказать устно...» [5, с. 77].

Далее психолог акцентирует свое внимание на лечебных моментах работы с книгой: «В отзывах пациентов выступает внутренняя затронутость произведением, стремление осознать его смысл, разобраться в своих чувствах к персонажам, соотнести содержание текстов с собственным жизненным опытом, со своими проблемами...» [там же, с. 77]. Заметим, что именно в данной статье Натан Семенович впервые указывает на тот факт, что методика Ю.Б. Некрасовой переросла рамки метода, поскольку имеет уже два поколения последователей, и в настоящее время можно говорить о наличии «подлинно научной школы» [там же, с. 78].

Особую ценность для нашей работы представляет Предисловие, написанное Н.С. Лейтесом к книге «Библиопсихология и библиотерапия» (2005). Подчеркивая актуальность обсуждаемой темы «Человек и книги», психолог выделяет жирным шрифтом следующие строки: **«Библиотерапия – она может пониматься не только как лечение, но и как воспитание с помощью книг. Тем самым она имеет отношение как к медицине, так и к педагогике»** [1, с. 13]. В данном Предисловии удивляет многогранность и глубина видения Натаном Семеновичем каждой статьи, написанной специалистами в различных областях: педагогами, психологами, библиотечными работниками, логопсихотерапевтами. Он внимательно всматривается в текст, изучает, анализирует, обобщает...

Предисловие Н.С. Лейтеса к большой коллективной монографии о психологии чтения – это размышления заинтересованного и компетентного в данной области специалиста о психологических механизмах восприятия текста, о развитии личности посредством направленного чтения, о влиянии рекомендуемых психотерапевтом книг на речевые и личностные изменения заикающихся. Повезло в этом плане и моим (тогда – первым) статьям, опубликованным в данном сборнике, – редактор тонко уловил их суть, отметил главное и увидел перспективы развития: «...И.В. Янченко исходит из возможности формализованной обработки библиотерапевтического материала методом контент-анализа, по-видимому, здесь открывается перспектива повышения объективности и строгости методики...» [1, с. 23].

Об одаренности общей и возрастной

С заикающимися пациентами разного возраста мы работаем в системе семейной групповой логопсихотерапии уже более пятнадцати лет, и каждый раз не перестаем отмечать их таланты, уникальность, неповторимость, порой явную одаренность некоторых участников. И здесь для нас главным ориентиром являются работы Н.С. Лейтеса. В его книге «Возрастная одаренность и индивидуальные различия» говорится о том, что талант определяется не столько умственным развитием человека, сколько индивидуальным своеобразием и совокупностью входящих в него факторов [4]. Отметим, что, согласно некоторым данным, у заикающихся коэффициент IQ выше, чем у среднестатистического жителя нашей планеты, но по Лейтесу, определение одаренности через нахождение коэффициента интеллектуальности недостаточно для выявления уровня одаренности.

Участники наших групп – удивительные, интересные люди, отличающиеся от многих... У них свой взгляд на мир, свой почерк, свои краски в описании ряда явлений, особенно в системе «человек – человек», «человек – общество»... Работа с ними увлекает... Среди них встречаются настоящие мастера слова, музыки, рисунка... Когда я писала эту статью, позвонила 17-летняя выпускница группы «Таганрог-2013» Катя К. и сообщила радостную новость: в олимпиаде по живописи, проводимой Академией искусств Ростова-на-Дону, среди более трехсот участников она заняла первое место! Как гласит один из плакатов, на котором размещены портреты выдающихся заикавшихся – Демосфена, короля Георга VI, Уинстона Черчилля, Льюиса

Кэррола и еще ряда знаменитостей: «Если ты заикаешься – радуйся! Значит, ты в хорошей компании». Эти слова находят подтверждение и в каждой нашей группе, независимо от возрастных различий участников.

Логопсихотерапевтические группы Таганрога имеют свое лицо; новым шагом в развитии системы логопсихотерапии явилось снижение возрастных границ заикающихся пациентов, что стало возможным благодаря привлечению к активному участию в процессе социореабилитации родителей и старших родственников пациентов (Н.Л. Карпова, 1997 [2]). Научное обоснование данному вектору развития системы Ю.Б. Некрасовой мы также находим в работах Натана Семеновича. Он доказывает положение о том, что ключом к раскрытию возрастной одаренности являются сензитивные периоды психического развития. Приводя в пример насыщенные богатым жизненным материалом психолого-педагогические характеристики основных школьных возрастов (учащихся второго, шестого и девятого классов), ученый обозначает возрастные особенности каждого из них как предпосылки развития способностей.

В разновозрастных группах Таганрога много младших подростков, начиная с 2000-го года, возраст участников варьировал от 10 до 35 лет. Наши исследования показывают, уже в этом возрасте можно говорить о личностном росте как осознаваемом и управляемом процессе саморазвития; его актуализация обуславливается становлением субъектных характеристик личности и изменениями в ее ценностно-смысловой сфере. Личностный рост младших подростков в разновозрастном коллективе имеет позитивную динамику при его активной фасилитации через создание комплекса психолого-педагогических условий, определяемых содержанием каждого этапа логопсихотерапевтического процесса (А.Ю. Кругликова, 2006 [3]).

В 2009 году впервые в состав разновозрастного коллектива были включены 8-летние дети, проходившие лечебно-обучающий курс вместе со своими заикающимися мамами. В 2011 году успешные результаты были отмечены у 7-летнего мальчика, который также выполнял все задания вместе со своей семьей. Практический опыт позволяет нам утверждать, что разновозрастной коллектив представляет собой продуктивную среду с особой социальной ситуацией развития, в которой реализуются многие возрастные потребности.

На основе полученных экспериментальных данных система семейной групповой логопсихотерапии была адаптирована для заикающихся дошкольников, а в дальнейшем на базе МДОУ «Здоровый ребенок» г. Таганрога была организована экспериментальная работа по теме «Создание организационной модели семейной групповой логопсихотерапии для детей, имеющих отклонения в развитии, в условиях детского сада». В настоящее время можно считать правомерным расширение области применения данной системы для дошкольников, имеющих различные речевые дефекты, в частности – общее недоразвитие речи. Для нас принципиально важно – работать не только над социореабилитацией заикающихся подростков и взрослых, но и формировать личностные качества, способствующие продуктивному речевому общению у детей дошкольного возраста. По Н.С. Лейтесу, необходимо учитывать и использовать все возрастные возможности каждой категории участников разновозрастных и одновозрастных групп [4].

Одаренность создается

Система семейной логопсихотерапии выстроена на научно обоснованных механизмах сложного и многопланового процесса социореабилитации [2; 9]. Обратимся к вопросу организации успешной деятельности по восстановлению (формированию) полноценного речевого общения (как и любой деятельности вообще). Настоящим открытием для меня стала статья Н.С. Лейтеса «Склонность к труду как фактор одаренности», в которой утверждается, что «одаренность создается в процессе деятельности». Задача логопсихотерапевта и состоит в запуске «движущих сил формирования, или становления одаренности, поскольку одаренность всегда является результатом развития» [7, сс.7-8]. В нашей системе этот психологический механизм называется «мотивационной включенностью в деятельность» (Н.Л. Карпова, 1997); именно внутренняя активность самих пациентов, формируемая целенаправленно от этапа к этапу логопсихотерапевтического процесса – от намека на нее на первой консультации – до

активной деятельности, основанной на четком и полном осознании мотива, который приобретает силу настоящей потребности к изменению [2; 9].

Ответы на дальнейшие вопросы дало изучение статьи Натана Семеновича «Об умственной одаренности» [4], где он описывает, в каком случае склонность к труду переходит на уровень достижений. Ключевые моменты при этом определяются «усиленной захваченностью личности процессом работы» и «сознательной целенаправленностью», которая «направляет и напрягает душевные силы». Изучение катамнеза выпускников наших групп позволяет утверждать, что эффективность логопсихотерапевтического воздействия (в том числе этапа поддерживающей терапии) устойчива и много лет спустя прохождения группы. Различия катамнестических данных, полученные при диагностике заикавшихся пациентов непосредственно после прохождения группы и на сегодняшний день (отсроченные), не значимы (речевые притязания $t=0,99$; $n=19$, $t<0,10$; речевая тревога $t=0,999$; $n=19$, $t<0,10$). Подчеркнем – эти результаты показали выпускники, вышедшие на стабильный уровень гиперкомпенсации дефекта как в речевом, так и психологическом плане именно благодаря высокой работоспособности, ставшей устойчивым свойством личности. Наши выпускники не перестают говорить о пробуждении в них «способности к саморазвитию», которая не только блокирует невротическую составляющую в структуре дефекта заикания, но и во многих случаях полностью устраняет патологию речевого общения:

«Наверное, во мне изменился не характер, а изменилось то, что мне захотелось много всего добиться. Не сидеть в 4-х стенах, а что-то делать: научиться играть на фортепиано, играть в театре, работать среди людей много и радостно. Не могу сказать, что всё выполнила, но, будучи уже совсем взрослой, пошла учиться и закончила институт. Очень собой горжусь» (О.Э., 41 год).

«Моя работа непосредственно связана с ежедневным общением (я инженер по снабжению в строительной компании): телефонные переговоры, личные встречи с поставщиками. Эмоции переполняют, когда чувствуешь, что была на высоте в общении с тем или иным человеком. Я с превеликим удовольствием общаюсь с людьми (с незнакомыми вдвойне), первая иду на «контакт». Через год после занятий в группе я переехала в другой город, где не было ни одного близкого человека, кроме мужа, - признаюсь, мне хотелось произвести впечатление на его друзей и семью, и как-то лучший друг мужа сказал мне: «А у вас в Таганроге все так выразительно разговаривают?!» (я ему зачитывала какую-то выдержку из документа)... видели бы Вы, как горели мои глаза в тот момент!!!!!!» (К.Л., 25 лет).

Об индивидуальных особенностях и диалоге

Динамическая психотерапевтическая психодиагностика, разработанная Ю.Б. Некрасовой [8] для проведения на подготовительном этапе логопсихотерапии, завершается написанием подробной психолого-педагогической характеристики каждого заикающегося. Высокую оценку этой форме работы дал Н.С. Лейтес: «В Таганроге умеют видеть и обобщать индивидуальные особенности участников групп...». В дальнейшем собранная информация служит основой для создания «портрета неповторимости», который предъявляется каждому пациенту на следующем этапе работы – сеансе эмоционально-стрессовой психотерапии. Индивидуальное внушение каждому пациенту выстраивается с опорой на его библиотерапевтические и диагностические материалы, а также на материалы его родственников. В уже упоминавшемся Предисловии по поводу моей статьи Натан Семенович, в частности, написал: «Показано, что библиотерапевтическая методика не только вовлекает пациентов в диалог (поначалу с героями художественного произведения, с его автором, с психотерапевтом), но и каждая из ее функций в лечебно-воспитательном процессе содействует восстановлению нарушенного диалогического общения. Указаны также некоторые внутренние и внешние предпосылки эффективности библиотерапии, в их числе, едва ли не в первую очередь, – диалог с ближайшим окружением пациента» [1, с. 21].

Напутствие

Автореферат моей кандидатской диссертации был удостоен чести – не побоюсь высокого стиля – быть прочитанным и получить отзыв Натана Семеновича. Уже сам факт, что отзыв о

диссертации пишет сам Лейтес, волновал меня чрезвычайно. С тревогой и трепетом ожидала я его заключения... Читаю – нет ни одного формального слова... Все четко... объективно... просто... И вывод: «Автор проявил себя психологом по призванию. По-моему несомненно, что в лице автора диссертации, Ирины Владимировны Янченко, мы имеем уже состоявшегося, высоко компетентного и творческого ученого» [6, с. 2]. Эти слова для меня равнозначны награде Золотой Олимпийской медалью, они стали напутствием и высшим допуском в Настоящую психологию. Дорогой Натан Семенович, СПАСИБО ВАМ за Настоящее!!!

1. Библиопсихология и библиотерапия / Ред. Н.С. Лейтес, Н.Л. Карпова, О.Л. Кабачек. М.: Школьная библиотека, 2005.

2. Карпова Н.Л. Основы личностно-направленной логопсихотерапии. М.: Флинта, 1997; 2-е изд. М.: Флинта, 2003.

3. Кругликова А.Ю. Психологические особенности личностного роста младших подростков в условиях разновозрастного коллектива (на примере групп семейной логопсихотерапии). – Дисс. ... канд.психол.наук. – Ростов-на-Дону, 2006.

4. Лейтес Н.С. Возрастная одарённость и индивидуальные различия: Избранные труды. - 3-е изд. испр. и доп. М.: Изд-во МПСИ; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2008.

5. Лейтес Н.С. Использование художественной литературы в логопсихотерапии // Психологические, логопедические и психотерапевтические аспекты восстановления нарушенного речевого общения при заикании: Материалы Н-П конференции памяти Ю.Б. Некрасовой (Москва, ПИ РАО, 14 октября 2004 г.) / Ред. С.Н. Шаховская, В.И. Селиверстов, Н.Л. Карпова. М. – Самара: Изд-во «НТЦ», 2006. – С. 76-80.

6. Лейтес Н.С. Отзыв на кандидатскую диссертацию И.В. Янченко «Формирование диалогического общения в психотерапевтическом процессе (на примере разновозрастных групп семейной логопсихотерапии)». М., 2006 (из архива автора).

7. Лейтес Н.С. Склонность к труду как фактор одаренности // Вопр. психол. труда и искусства. 19. Труды института Психологии. Вып. 25, 1950. - С.7-48.

8. Некрасова Ю.Б. Лечение творчеством. М.: Смысл, 2006.

9. Семейная групповая логопсихотерапия: исследование заикания / Под ред. Н.Л.Карповой. М.: СПб: Нестор-История, 2011.

10. Янченко И.В. Формирование диалогического общения в логопсихотерапевтическом процессе (на примере групп семейной логопсихотерапии): Дисс. ... канд. психол. наук. Ростов-на-Дону, 2006.

ВОЗРАСТНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ОДАРЁННОСТИ ДОШКОЛЬНИКА

Е.С. Белова

к.псих.н., ст.н.с. ФГНУ «Психологический институт» РАО, г. Москва

Аннотация. Обсуждаются вопросы проявления одарённости на этапе дошкольного возраста. Рассматриваются возрастные особенности и специфика раскрытия дарований дошкольника. Выделяется значимость идей Н.С.Лейтеса для научно-обоснованного решения проблем ранней одарённости.

Ключевые слова: одарённость, дошкольный возраст, развитие, творческий потенциал, сензитивный период, возрастные особенности.

В последние годы отмечается возрастание интереса к вопросам раннего проявления и развития детской одарённости. Одним из сложных аспектов в оценке и понимании одарённости дошкольника является выделение в ней возрастных и индивидуальных свойств. Для успешного развития детского дарования очень важно понимать, какие его признаки относятся к особенностям дошкольного возраста и со временем утратят своё значение или исчезнут, а какие составляют проявления индивидуальности, неординарности, в дальнейшем еще больше раскроются и определяют качественное своеобразие дарования.

Выдающийся отечественный учёный, психолог, исследователь одарённости Натан Семёнович Лейтес рассматривал её как индивидуальную особенность, имеющую врожденные

генетические предпосылки, которые обнаруживаются в ходе возрастного созревания, в социальной среде, под влиянием обучения и воспитания [1, 2]. Учёный выделял в развитии сензитивные периоды, когда ребёнок становится наиболее чувствительным и восприимчивым к некоторым воздействиям, к отдельным сторонам действительности, к умственному росту в определенном направлении. Возрастное созревание характеризуется определённой последовательностью сензитивных периодов, открывающей большие, а иногда и чрезвычайные возможности развития. У некоторых детей такие внутренние условия умственного роста выступают особенно заметно. Свойства сензитивных периодов, по мнению учёного, хотя и могут закрепляться в ходе развития, но в основном представляют лишь временные состояния.

Н.С. Лейтес выделял такое явление как «возрастная одарённость», когда на основе возрастных факторов одарённости наблюдался подъём умственных возможностей. «Существенно, - писал Натан Семёнович, - что в проявлениях у ребёнка особо благоприятных предпосылок умственного развития, несущих в себе взаимосвязь индивидуального и возрастного, обычно ведущую роль играют особенности возрастные (чем младше ребёнок, тем в большей степени)» [1, с. 24].

Специфика созревания некоторых детей состоит в сближении во времени возрастных факторов, суммировании их действия, обуславливающего быстрый подъём интеллекта. Однако выдающиеся успехи детей могут быть недолговечны, отмечал Н.С. Лейтес, предостерегая педагогов и родителей от непомерных ожиданий в отношении будущего детских дарований, которые могут иметь кратковременное значение.

Вместе с тем, Натан Семёнович считал, что крайне важно выделять и поддерживать ростки необычных способностей. «Первоочередная задача – проследить ход развития незаурядных проявлений ребёнка, изучать различия между такими детьми, реальную роль и долговременность тех или других признаков их одарённости» [1, с. 28]. Учёный подчёркивал необходимость осторожного и ответственного отношения к выявлению, оценке и развитию детских дарований.

Представления Н.С. Лейтеса о детской одарённости имеют большое значение для понимания специфики изучения детских дарований и могут рассматриваться как основополагающие для научно-обоснованного решения проблем ранней одарённости.

Дошкольное детство – особая пора развития, когда оно идёт необычайно быстрыми темпами, а изменения наглядны и впечатляющи. Ребёнок активно познаёт мир и себя. Создаются большие возможности для развития психики. Это проявляется в эмоциональной непосредственности, большой потребности в новых впечатлениях, в стремлении активно пробовать, преобразовывать, изобретать, в лёгкости возникновения новых образов, необычных суждений. Возраст пять-восемь лет иногда называют «золотым периодом» по богатству проявлений творчества ребёнка, это пора интенсивного и самостоятельного творчества.

Одним из подходов к изучению детской одарённости является предложенное А.М. Матюшкиным (концепция «Творческая одарённость») [3] рассмотрение её как творческого потенциала, заложенного в ребёнке с рождения и раскрывающегося по мере взросления. У одарённых детей высокий творческий потенциал. Наиболее общей его характеристикой и развивающим компонентом является ярко выраженная познавательная потребность, составляющая основу познавательной мотивации, которая у неординарного ребенка доминирует над другими типами мотивации.

Возрастные особенности раскрытия творческого потенциала проявляются в изменениях познавательной активности: от элементарной реакции на новизну предмета, ситуации в младенчестве до постановки вопросов, проблем и творческого поиска решений в старшем дошкольном возрасте.

В дошкольном возрасте высокий творческий потенциал, как показали результаты наших исследований, может проявляться в выраженной познавательной активности, стремлении ребёнка к творческому самовыражению в игре и других видах деятельности дошкольников.

Особенно рано проявляются яркие дарования детей в художественных областях, в дошкольном возрасте также может быть выявлена одарённость в математике или шахматной

игре. Лидерская направленность дошкольника, реализующаяся в творческом построении общения, взаимодействия с окружающими, предопределяет развитие творческой одарённости в социальной области.

1. *Лейтес Н.С.* О признаках детской одарённости // Одарённый ребёнок. 2003. № 3. С. 22-28.
2. *Лейтес Н.С.* Способности и одаренность в детские годы. М.: Знание, 1984. 79 с.
3. *Матюшкин А.М.* Концепция творческой одаренности // Вопросы психологии. 1989. № 6. С. 29–33.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ АКТИВНОСТЬ КАК ОСНОВА ВЫЯВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ТВОРЧЕСКОЙ ОДАРЕННОСТИ ДЕТЕЙ

Н.Б. Шумакова

д.псих.н., в.н.с. ФНГУ «Психологический институт» РАО, г.Москва

Аннотация. В статье раскрывается значение теоретических концепций для развития одного из актуальных направлений психологии – изучения одаренности и творческих способностей. Анализируется подход к пониманию одаренности, выдвинутый А.М.Матюшкиным, в основе которого лежит представление об исследовательской (творческой) активности как внутреннем психологическом условии творческого развития одаренного ребенка. Сформулированы требования к методикам выявления творческого потенциала на основе исследовательской активности. Предложена новая методика выявления творческой одаренности младших школьников. Результаты её применения в эмпирическом исследовании представлены в статье. Полученные данные открывают возможность, как для развития творческой одаренности учащихся, так и для расширения репертуара диагностических методик выявления их творческого потенциала.

Ключевые слова: *творческая одаренность, исследовательская активность, выявление и развитие одаренности.*

Научная школа, созданная Г.И.Челпановым, определила как деятельность Психологического института, так и создание крупных научных концепций и направлений. Изучение одаренности и творческих способностей относится к одному из таких направлений (Б.М.Теплов, Н.С.Лейтес, А.М.Матюшкин). Именно в рамках этой области научного исследования нельзя не отметить чрезвычайную актуальность предостережений, высказанных Г.И.Челпановым, об опасностях «плодящегося дилетантизма в психологии», связанного с пренебрежением теоретической психологией [5,с.26]. Так, в зарубежных обзорах последнего десятилетия отмечается, что отсутствие или недостаточность теоретических концепций развития одаренности детей сдерживает продвижение практики обучения и развития одаренных и талантливых детей или делает ее несостоятельной [12,13,15]. Отечественное же научное наследие позволяет нам, по словам Г.И.Челпанова, продвигаться по «правильному руслу».

Изучение одаренности начинается с определения понятия, т.к. понимание этого феномена обуславливает как подходы к выявлению одаренности, так и пути ее развития. Так, традиция определения одаренности через высокие интеллектуальные способности направила усилия исследователей на поиск методов диагностики интеллекта, а появление концепций, включающих в понятие мотивационно-личностные особенности и креативность, способствовало созданию новых диагностических методик выявления мотивационных характеристик и творческих способностей детей и подростков [1,2,10,11,14]. В настоящее время включение мотивационно-личностных факторов в структуру одаренности стало общепринятым.

Большой интерес, на наш взгляд, представляет подход к пониманию одаренности, выдвинутый А.М.Матюшкиным [3,4]. Общая одаренность рассматривается им как *высокий творческий потенциал*, который является источником творческого развития одаренного ребенка. Согласно концепции А.М.Матюшкина, наиболее общей характеристикой и структурным компонентом творческого потенциала ребенка являются «познавательные потребности, составляющие психологическую основу доминирования познавательной мотивации у творческого (одаренного) ребенка» [4,с.85]. Это доминирование выражается в

форме исследовательской (поисковой) активности, проявляющейся в более низких порогах реагирования на новые стимулы и ситуации, обнаружении нового в обычном.

Такое понимание открывает возможность для реализации возрастного подхода к выявлению и развитию одаренности, что, на наш взгляд, является важным его преимуществом по отношению к хорошо известным отечественным и зарубежным концепциям. В самом деле, одним из наиболее ярких и ранних проявлений активности ребенка является его бескорыстное стремление к познанию окружающего мира. Значение этой активности так велико, что ни одна из теорий психического развития ребенка не может обойтись без обращения к ней. Это обстоятельство и привело к возникновению ряда очень близких понятий, различающихся между собой лишь подчеркиванием того или иного ее аспекта. Так, при рассмотрении психического развития ребенка мы встречаем такие понятия, как «исследовательское поведение» (Дж.Берлайн) и «исследовательская активность» (А.М.Матюшкин), «любопытность» (П.Торранс, Дж.Берлайн), «познавательная активность» (М.И.Лисина), и «исследовательская инициативность» (А.Н.Поддьяков), «интеллектуальная активность» (Д.Б.Богоявленская), «ориентировочно-исследовательская деятельность» (П.Я. Гальперин, А.В.Запорожец) и «поисковая активность» (В.С.Ротенберг). Подчеркивая близость всех этих понятий, мы остановимся на одном из них – «исследовательская активность» в определении, данном в концепции творческой одаренности, предложенной А.М.Матюшкиным [3].

Исследовательская активность характеризуется по своей условной величине степенью широты (диапазоном) и устойчивости. У одаренного ребенка она проявляется как очень широкая любопытность ко всему новому, наряду с высокой чувствительностью и избирательностью к определенным сторонам предметной действительности и приводит к приобретению знания, первичному пониманию, побуждающему к продолжению исследования. Противоположный полюс и тип развития основывается на доминировании других потребностей, составляющих основу мотивации достижения и обеспечивающих только ту степень и направленность исследовательской активности, которая способствует удовлетворению непознавательных, прагматических потребностей и завершается при их удовлетворении.

Реализация исследовательской активности обеспечивает произвольное открытие мира и лежит в основе творческого развития личности. В процессе творческого развития одаренного ребенка его исследовательская активность преобразуется в более высокие формы. Если в 3-5 лет она выражается в самостоятельной постановке вопросов и проблем по отношению к новому и неизвестному, то в подростковом и юношеском возрастах она приобретает форму самостоятельного формулирования проблем и познавательных задач. С этой точки зрения, имеющей, на наш взгляд, большое значение для изучения творческого развития ребенка, *исследовательская активность, выражающаяся в обнаружении нового, в постановке и решении проблем, рассматривается А.М.Матюшкиным как творческая.* На это понимание исследовательской активности как творческой мы и опираемся в нашей работе.

Согласно А.М.Матюшкину, развитие исследовательской (творческой) активности, ее преобразование во все более высокие формы может быть представлено следующим образом (табл. 1).

Таблица 1

Развитие исследовательской активности в разные возрастные периоды

Возрастной период	Формы исследовательской активности
3-5 лет	Самостоятельная постановка вопросов и проблем по отношению к новому и неизвестному. Расширение диапазона исследовательских возможностей от исследования непосредственно данного к исследованию непосредственно не данного.

5-6 – 9 лет	Основной структурный компонент одаренности и творческого развития – проблемность, которая выражается в поиске несоответствий и противоречий, в самостоятельной постановке новых вопросов и проблем. По мере развития речи и интеллектуальных операций (6-9 лет) – формулирование оригинальных мыслительных задач, собственных гипотез для объяснения природных и социальных явлений.
9-12 лет	Решение проблем, обнаружение неизвестных, явно не заданных элементов и отношений (часто скрытых ранее усвоенными знаниями, сформированными стереотипами, сложившимися установками).
Подростковый и юношеский возраст	Самостоятельное формулирование проблем и познавательных задач.

Таким образом, центральным условием и связующим звеном творческого развития ребенка выступает исследовательская активность, которая в процессе его развития преобразуется в более сложные или, точнее, высокие формы. Это позволяет нам определить подход к выявлению творческой одаренности, а также основные направления, *специальные цели и задачи ее развития* на каждом этапе обучения.

Выявление творческой одаренности школьников

Вопрос о возможностях выявления творческого потенциала детей до сих пор остается одним из самых дискуссионных. Концепция А.М.Матюшкина позволяет сформулировать основные требования к методикам выявления творческого потенциала на основе исследовательской активности. К таким требованиям необходимо отнести следующее:

- Создание ситуации неопределенности (неопределенность предъявляемого стимула) для проявления исследовательской активности;
- Отсутствие временного ограничения при выполнении заданий;
- Предъявление заданий разного типа, имеющим отношение к разным сферам (областям) творческой активности: вербальных, образных, музыкальных и т.д.

В работах лаборатории психологии одаренности ведется поиск и апробация способов выявления творческого потенциала детей, основанных на изучении их исследовательской активности. К ним относится методика «обследования-отгадывания» изображений для дошкольников, младших школьников и подростков [6], игровая методика «Угадай-ка», широко применяемая для оценки творческого потенциала детей 6-8 лет [7,9]. В последние годы нами была разработана и апробирована новая методика - «Образная и вербальная креативность», которая позволяет изучать проявления исследовательской (творческой) активности детей и подростков в двух областях – изобразительной и вербальной. К настоящему времени мы разработали и апробировали две параллельные формы методики, позволяющие изучать динамику проявления творческой активности учащихся. Эта методика отвечает выделенным нами требованиям.

Методика «Образная и вербальная креативность» (ОВК)

Методика представлена двумя субтестами – вербальным и изобразительным. Это позволяет в рамках одного испытания получить данные об особенностях проявления креативности в разных модальностях: вербальной и наглядно-образной [8]. В качестве стимульного материала используется изображение искусственно созданного неопределенного объекта, напоминающего детям ряд известных им предметов и живых существ, например, осьминога, медузу или космический корабль в случае формы А или же скелет, растение, паука – в случае формы В.

В вербальной части (субтест 1) детям дается лист бумаги с изображением неопределенного объекта и предлагается подумать, что это может быть такое, на что похоже и высказать *все предположения*, которые только приходят им в голову.

Во второй части (изобразительной, субтест 2) детям предлагается 5 листов, на каждом из которых размещено по 6 изображений этого же объекта, расположенных в два ряда. Дети должны использовать данные изображения для превращения их в новые, интересные картинки, пользуясь карандашами, ручками или фломастерами. Необходимо также дать названия своим картинкам.

В соответствии с представлениями А.М.Матюшкина о формах исследовательской активности, *формулирование оригинальных мыслительных задач, собственных гипотез для объяснения природных и социальных явлений* становится актуальной формой исследовательской активности в возрасте 5-6 – 9 лет, в то время как *решение проблем, обнаружение неизвестных, явно не заданных элементов и отношений (часто скрытых ранее усвоенными знаниями, сформированными стереотипами, сложившимися установками)* – в возрасте 9-12 лет. Таким образом, исходя из этого, мы предположили, что разработанная нами методика позволит выявлять своеобразие и уровень творческого потенциала детей в возрастном диапазоне от 5-6 до 12-13 лет. К настоящему времени мы проверяли эту гипотезу для учащихся начальной школы (2 и 4 классы) и для младших подростков (5-е классы). Дети дошкольного возраста не принимали участие в исследовании.

С помощью предложенной методики можно фиксировать все основные параметры креативности, предложенные П.Торренсом, для каждого субтеста (продуктивность, гибкость, оригинальность и разработанность). Кроме того, мы выделили дополнительную характеристику - визуальная трансформация объекта (количество поворотов основной фигуры, которые произвел ребенок в процессе создания изображений), что было возможно в силу особенностей использованного нами исходного изображения, имеющего выраженную пространственную ориентацию.

В 1-й серии эмпирического исследования, в которой применялась форма А, участвовали дети 2-х и 4-х классов из контрольной группы и группы одаренных детей. Особенности проявления креативности у одаренных детей младшего школьного возраста выявлялись на основании сравнения результатов выполнения двух субтестов методики ОВК при индивидуальном предъявлении задания в разных группах («одаренные» и «контроль»). Время выполнения заданий не ограничивалось, но фиксировалось экспериментатором незаметно для испытуемого.

Полученные нами данные свидетельствуют о том, что одаренные дети как 2-х, так и 4-х классов в условиях отсутствия временного ограничения затрачивают больше времени на выполнение заданий как вербальной, так и изобразительной части методики ОВК по сравнению с их обычными сверстниками. Несмотря на то, что одаренные дети 4-х классов (9-10 лет) по сравнению с одаренными второклассниками затрачивают несколько меньше времени на выполнение вербального субтеста, различия между группами «одаренные» и «контроль» статистически достоверны (с $p < 0,01$, t-критерий Стьюдента) во всех точках измерения. Таким образом, одаренные дети младшего школьного возраста отличаются от своих обычных сверстников по выраженности познавательной мотивации, степени вовлеченности в интеллектуально-творческую деятельность, стремлению «к снятию напряжения», которое, по словам П.Торранса, возникает в ситуации неопределенности или незавершенности и, в свою очередь, порождает творческий процесс. То же можно отметить в отношении других анализируемых показателей. Одаренные дети 2-х и 4-х классов превосходят своих обычных сверстников по показателям вербальной и изобразительной беглости и оригинальности, а в 4-х классах – по показателю вербальной разработанности (различия между группами статистически достоверны с $p < 0,01$, t-критерий Стьюдента).

Таким образом, первая серия нашего эмпирического исследования позволила подтвердить пригодность методики для изучения детской креативности в младшем школьном возрасте, а также получить новые данные об особенностях проявления творческого мышления у одаренных детей этой возрастной группы.

Во 2-й серии эмпирического исследования (использовалась форма А методики ОВК) участвовали дети 5-х классов из контрольной группы ($n=71$) и группы одаренных детей ($n=25$),

которые демонстрировали высокие показатели развития интеллектуальных (по методике КФТ из Мюнхенской батареи способностей, адаптированной Е.И.Щеблановой) и творческих способностей (по методике П.Торренса), а также демонстрировали высокую творческую активность и достижения в разных видах творческой деятельности (успехи в конкурсах, фестивалях, конференциях и т.п.). Полученные данные представлены в таблице 2.

Таблица 2

Показатели креативности в разных группах учащихся 5-х классов: одаренные и контроль

Показатели	ВБ	ВО	ВР	ИБ	ИО	ВТ	ВИР	РР
Одаренные	15.88*	31.04**	4.00**	16.20	40.00	5.88*	2.80*	10.92
Контроль	12.17*	17.11**	3.11**	15.10	27.03	4.28*	2.17*	13.44

Примечания: ** - различия статистически значимы по t-критерию Стьюдента с $p \leq 0.01$; * - различия статистически значимы с $p \leq 0.05$

Условные обозначения: ВБ - вербальная беглость; ВО – вербальная оригинальность; ВР – вербальная разработанность; ИБ – невербальная беглость; ИО – невербальная оригинальность; ВТ- визуальная трансформация; ИР – изобразительная разработанность; ВРР – вербальная рисуночная разработанность.

Как видно из данных, представленных в таблице 2, одаренные пятиклассники существенно отличаются от своих сверстников по ряду показателей выполнения методики ОВК. По всем вербальным показателям одаренные дети имеют статистически достоверное преимущество. Даже при выполнении изобразительного субтеста, одаренные пятиклассники имеют существенное преимущество по показателю разработанности названия рисунков (ВИР), который имеет отношение к вербальным проявлениям креативности. Уступая своим сверстникам в разработанности самого рисунка (статистически не значимо), одаренные дети дают развернутые названия, развивая предложенные идеи словесно, а не графически.

В отношении невербальных показателей креативности, мы не наблюдаем достоверных различий, как это было в младшем школьном возрасте, по беглости и оригинальности. Из невербальных показателей предложенной методики одаренные дети имеют преимущество только по визуальной трансформации. Они проявляют свободу в подходе к созданию рисунков, используя разные повороты фигуры (ВТ). По нашим данным, этот показатель связан с изобразительной и вербальной оригинальностью (коэффициент корреляции этих показателей колеблется в пределах $r = 0.4 - 0.6$).

Таким образом, одаренные пятиклассники отличаются от своих сверстников, главным образом, в вербальной форме исследовательской активности. Они легко и свободно выдвигают гипотезы. Их гипотезы отличаются оригинальностью. Как правило, они быстро и легко абстрагируются от конкретики предложенного стимула и вплетают его в самые необычные сюжеты, словесно развивая свою идею. Так, например, одаренные пятиклассники, выдвигая свои гипотезы, говорят о том, что это, возможно, «вид из самолета на землю», «медведь напал на банку с мясом» или «наскальная живопись древних предков», а не просто «земля», «медведь» или «каракули», как это мы встречаем у большинства их сверстников.

Полученные нами данные в целом согласуются с характеристикой форм исследовательской активности для изучаемого нами возраста, которые систематизировал и описал А.М.Матюшкин и подтверждают выдвинутую гипотезу. Методика ОВК, разработанная в лаборатории психологии одаренности, может быть использована в качестве вспомогательного средства выявления творческого потенциала учащихся 2-х – 5-х классов.

Таким образом, выполненные нами исследования, основанные на представлении об исследовательской (творческой) активности как внутреннем психологическом условии творческого развития одаренного ребенка позволили нам:

- Теоретически и эмпирически обосновать требования к методике выявления творческого потенциала на основе исследовательской активности ребенка.

- Разработать и апробировать в эмпирическом исследовании методику выявления творческой одаренности младших школьников.
- Выявить качественные и количественные различия в исследовательской активности одаренных младших школьников и подростков и их сверстников.

В заключение можно отметить, что теоретические и эмпирические исследования, выполненные в русле концепции А.М.Матюшкина, позволили не только развить и уточнить основные ее положения, но и создать новые методики выявления творческого потенциала учащихся, а также психолого-педагогическую технологию развития творческой одаренности в школьном обучении [7].

1. Волкова Е.В. Психология специальных способностей: дифференционно-интегративный подход. М.: Издательство «Институт психологии РАН», 2011. - 320 с.
2. Гордеева Т.О. Мотивационные предпосылки одаренности: от модели Дж.Рензулли к интегративной модели мотивации [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. N 1(15). URL: <http://psystudy.ru>.
3. Матюшкин А. М. Концепция творческой одаренности / А. М. Матюшкин // Вопросы психологии. 1989. № 6. С. 29–33.
4. Матюшкин А.М. Концепция творческой одаренности//Московская психологическая школа: История и современность. Т.1.Кн.2./ А.М.Матюшкин. - М.:ПИ РАО, МГППУ,2004. С.84-91.
5. Челпанов Г.И. Задачи современной психологии//Век психологии. К 100-летию Психологического института РАО. 1912-2012: материалы конференции/ под общ. ред. В.В.Рубцова.- СПб.: Нестор-История, 2012. – С.13-28.
6. Шумакова Н.Б. Исследовательская активность в форме вопросов в разные возрастные периоды/Н.Б.Шумакова. - Вопросы психологии. 1986. №1. - С.53-59.
7. Шумакова Н.Б. Обучение и развитие одаренных детей/ Н.Б.Шумакова. – М.:Изд-во МПСИ; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2004. – 336 с.
8. Шумакова Н.Б. Психологические условия выявления творческих способностей у одаренных детей младшего школьного возраста/ Н.Б.Шумакова. - Теоретическая и экспериментальная психология, 2011. Т. 4. № 3, - С. 5–14.
9. Щебланова Е.И. . Психологическая диагностика одаренности школьников: проблемы, методы, результаты исследований и практики / Е. И. Щебланова. – М.: МПСИ; Воронеж: НПО "МОДЭК", 2003.
10. Baer, J. Domains of creativity. In M.A. Runco & S.R. Pritzker (Eds.), Encyclopedia of creativity, San Diego, California: Academic Press, 1999.- P. 591–596.
11. Besançon, M., & Lubart, T. Differences in the development of creative competencies in children schooled in diverse learning environments. Learning and individual differences, 2008. Vol 18(4). – P.381- 390.
12. Cohen, LeoNora M. Conceptual Foundations For Gifted Education: Stock-Taking// Roeper Review, 2006. Vol 28(2). – P.91-112.
13. Feldman,D.H. A developmental, evolutionary perspective on giftedness// Rethinking gifted education/ Ed. by Borland,J.H. New York: Teacher College Press, 2003. - P.9-33.
14. Lubart, T., & Guignard, J.H. The generality–specificity of creativity: A multivariate approach. In E.L. Grigorenko & R.J. Sternberg (Eds.), Creativity: From potential to realization. Washington, DC, US: American Psychological Association, 2004. P.43–56.
15. Matthews, Dona J., Foster, Joanne F. Refinements, Bridges, and Themes in our Conceptual Foundations: Mystery to Mastery: Shifting Paradigms in Gifted Education// Roeper Review, 2006. Vol.28, Issue 2. - P.64-69.

ВСТРЕЧИ С КЛАССИКОМ...

О.Л. Кабачек

*к.псх.н., гл.н.с. отдела социологии, психологии и педагогики детского чтения
ФГБУК «Российская государственная детская библиотека», г. Москва*

Мне, к счастью, довелось учиться у многих замечательных психологов – преподавателей МГУ и сотрудников Психологического института. Но про живое общение с одним из них

хочется рассказать особо. Оно было продолжительным, в течение нескольких лет, и проходило по поводу общего сборника. Даже двух общих сборников: 2005 и 2013 годов: часть первая, часть вторая. Сборники были посвящены достаточно новой теме – библиопсихологии, библиопедагогике и библиотерапии.

Благословлял и направлял нас с Н.Л. Карповой, составителей, в этой работе Натан Семенович Лейтес. Классик. Он же был и основным редактором, и автором вступительной статьи.

Все наши встречи проходили у Натана Семеновича дома. Он интересовался всем по моей работе в юношеской библиотеке, требовал принести все статьи по теме, а не только заявленную в сборник. Чтобы самому разобраться. Разобравшись и узнав, что есть у автора еще художественные произведения и всякая там публицистика и научпоп, просил принести и их. И читал, невзирая на слабое зрение. (Подозреваю, что не из вежливости, а из влечения к знаниям и слову.)

Первый сборник был как объяснение в любви; второй – испытанием. Прошло ведь долгих восемь лет. Я принесла Лейтесу статью-концентрат, краткий реферат проделанного по теме за эти годы.

Новый сборник наш был огромен, Натану Семеновичу предстояло разбираться с десятками авторов. Навязывать свои разъясняющие труды, на которые были ссылки в статье-концентрате, мне в этих условиях просто не приходило в голову.

Да ведь он гений – разберется.

...Меня, наконец, вызвали... Посмотрели на меня несколько удивленно, открыли желтую папочку... Моя статья... Вопросы редактора почти на каждой строчке. Маленькие такие, карандашом.

Я растерялась и... забрала статью. Принесла потом другую – эссе.

А надо было просто-напросто понять, что это приглашение к новому диалогу, ожидание разъяснений, а не неприятие. Дать работы, на которые ссылалась; так, шаг за шагом, растолковалось бы непонятное. Состоялось бы снова долгое, дружеское и продуктивное общение. Несмотря на его сильно прогрессирующую глухоту: *дух дышит, где хочет.*

А теперь что волосы рвать... Что говорить у гроба про его нежную душу и детский интерес к миру...

Утешает то, что (о, бессмертие души! о, ноосфера!) он всех нас уже простил. Там же, у гроба. Удивленно возрадовался, когда Наталия Львовна Карпова, верный его друг, обращаясь к покойному, сказала, что все в Институте его любят и сейчас мысленно с нами, здесь. И стала долго перечислять приветы от разных людей.

И это было правильно. Потому, что он – как всегда – внимательно слушал. И всё теперь слышал: земная глухота ему больше не мешала.

СЛОВА ПАМЯТИ И БЛАГОДАРНОСТИ

А.Д. Яковистенко

*к.псих.н., зав. лабораторией психологии общения и развития речи
МБОУ ДПО ПК ЦРО г.о. Самара*

Мое знакомство с Натаном Семеновичем состоялось осенью 2002 года, когда я только что приступила к научно-исследовательской работе в направлении семейной логопсихотерапии под руководством д.психол.н. Наталии Львовны Карповой и приехала на консультацию к ней в Москву. И нужно сказать, что эта встреча – один из счастливейших моментов моей жизни. Встреча длилась около часа, но какой «запас прочности» она мне дала и в личностном, и в научном плане! В процессе нашей беседы Натан Семенович дал бесценные рекомендации к моему диссертационному исследованию по теме «Динамика личностных и речевых характеристик в процессе восстановления нарушенного речевого общения (на примере логопсихотерапии)». Он как будто заранее знал «опасные моменты» в работе и предупредил меня об этом.

Особенно для меня запомнилось следующее: обсуждая вопрос о составлении характеристики на участника логопсихотерапевтической группы, Н.С. Лейтес очень точно заметил, что нельзя слишком доверять тому, что говорит испытуемый в своих письменных самоотчетах; необходимо сомневаться и в его словах, и в словах его родителей, то есть надо анализировать и сопоставлять весь имеющийся диагностический материал. И еще он сказал, что «зона неопределенности» будет, сомнения в характеристике должны быть, но не должно быть наивности, не нужно выдавать за доказательность то, что недоказуемо. И еще очень важным замечанием было то, что «портрет неповторимости» каждого испытуемого состоит не в перечислении свойств личности, а в их особой комбинации. Спасибо огромное за эти рекомендации!

Хочется также отметить, что всю свою жизнь Натан Семенович посвятил поиску истины. Он занимался изучением проблемы оДАРенности, и сам, безусловно, являлся примером личностной и научной оДАРенности. В этот момент вспоминается книга Ричарда Баха «Дар тому, кто рожден летать»: как и ее герой, Н.С. Лейтес принял ДАР и ДАРИл его всем нам!

Очень часто вспоминаю его пронизательный взгляд и вдумчивость, проникновенность в каждое слово собеседника. В каждом слове, строчке его книг чувствуется высочайший такт и уважение к человеку. Натан Семенович сам обладал высоким уровнем научной культуры и прививал молодым исследователям бережное, в чем-то даже трепетное, осторожное отношение к психологическим категориям и к человеку в целом. Научные выводы сделаны на основе огромного количества практического материала, иллюстрируются конкретными примерами из личного опыта ученого, написаны живым, образным языком, что делает его книги и публикации близкими и понятными исследователям, а между строк прочитывается огромная любовь к людям.

Работая с 2000 года в Самаре со студентами и участниками самарских групп семейной логопсихотерапии, я часто повторяю слова благодарности Натану Семеновичу за научную помощь и сотрудничество, за возможность учиться у него и соприкоснуться с наукой через его книги, исследования, беседы. Светлая ему память!